

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2077-5598
№ 2, 2019

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АГРОСИСТЕМЫ:**
экономика и социология
электронный научный журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:*
Эл № ФС-77-34226
от 26.11.2008 г.

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».

№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
Федеральное
государственное
бюджетное учреждение
науки Институт аграрных
проблем Российской
академии наук

*Адрес учредителя,
редакции:*
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АПК

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Ермолова О.В., д.э.н., ИАЭП РАН

DEVELOPMENT OF MECHANISMS OF INTER-BRANCH INTERACTIONS IN
AGRO-FOOD COMPLEX

Ermolova O.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS

- 5-

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СПРОСОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ РЫНОК РОССИИ

Яковенко Н.А., д.э.н., Иваненко И.С., к.э.н., ИАЭП РАН

ESTIMATION OF THE INFLUENCE OF DEMAND CONSTRAINTS ON THE FOOD
MARKET OF RUSSIA

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences,

Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-11-

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Курсанов В.В., к.э.н., ИАЭП РАН

DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF MECHANISMS OF STATE SUPPORT
OF THE RUSSIAN AGRO-FOOD COMPLEX

Kirsanov V.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-18-

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Потапов А.П., к.э.н., ИАЭП РАН

ECONOMIC MECHANISM OF IMPROVEMENT OF THE EFFICIENCY OF RESOURCE
POTENTIAL OF AGRARIAN PRODUCTION

Potapov A.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-29-

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ФОРМ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Пашков В.П., к.э.н., ИАЭП РАН

MANAGEMENT OF THE PROCESS OF THE FORMATION OF PUBLIC STRUCTURES
OF LAND TENURE

Pashkov V.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-35-

ОЦЕНКА МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ НА ОСНОВЕ МЕТОДА «ЗАТРАТЫ-ВЫПУСК»

Остапенко Т.В., к.э.н., ИАЭП РАН

ASSESSMENT OF INTERBRANCH CONNECTIONS IN THE AGRO-FOOD COMPLEX
ON THE BASIS OF "INPUT-OUTPUT" METHOD

Ostapenko T.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-44-

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ: ОЦЕНКИ ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТИ ФАКТОРОВ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБЪЕМОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Кутенков Р.П., д.э.н., ИАЭП РАН

PRODUCTION FUNCTIONS: ASSESSMENT OF MUTUABILITY OF FACTORS AND
PROJECTION OF VOLUMES OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE RUSSIAN
REGIONS

Kutenkov R.P., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-50-

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА И ЕГО РОЛИ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

- Родионова И.А., д.э.н., Павлов В.Н., аспирант, ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ*
CONCEPTUAL ASPECTS OF THE STUDY OF SMALL BUSINESS AND ITS ROLE
IN THE AGRARIAN SPHERE OF ECONOMY -58-
Rodionova I.A., doctor of economic sciences, Pavlov V.N., post-graduate student, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ

- Исаева О.В., к.э.н., Всероссийский научно-исследовательский институт экономики и нормативов – филиал ФГБНУ ФРАНЦ*
THE MAIN FACTORS INFLUENCING THE DEVELOPMENT OF DIFFERENT FORMS OF FARMING IN RUSSIAN AGRICULTURE -67-
Isaeva O.V., candidate of economic sciences, All-Russian Research Institute for Economy and Normative - branch of Federal Rostov Agrarian Scientific Centre

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

- Коновалова Т.Л., ст. преподаватель, Оберт Т.Б., ст. преподаватель, Саратовский государственный национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского*
MODERN CONTRADICTIONS IN DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN RUSSIA -77-
Konovalova T.L., senior teacher, Obert T.B., senior teacher, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

ВОВЛЕЧЕНИЕ СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ВСЕХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

- Черная А.Е., Всероссийский научно-исследовательский институт экономики и нормативов – филиал ФГБНУ ФРАНЦ*
INVOLVEMENT OF AGRICULTURAL PRODUCERS OF ALL FORMS OF BUSINESS INTO INNOVATIVE PROCESSES -84-
Chernaya A.E., All-Russian Research Institute for Economy and Normative - branch of Federal Rostov Agrarian Scientific Centre

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ БЕДНОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СЕЛЬСКОМУ И ГОРОДСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ РОССИИ

- Шабанов В.Л., д.соцол.н., ИАгП РАН*
COMPARATIVE ANALYSIS OF ABSOLUTE AND RELATIVE POVERTY IN RURAL AND URBAN AREAS OF RUSSIA -91-
Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ ВЫПУСКНИКОВ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ

- Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАгП РАН*
FAMILY FACTORS OF FORMATION OF MIGRATION INTENTIONS OF RURAL SCHOOL GRADUATES -98-
Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

- Былина С.Г., к.э.н., ИАгП РАН*
DIGITAL INEQUALITY OF RURAL POPULATION: SETTLEMENT DIFFERENCES -107-
Bylina S.G., candidate of economic sciences, IAgP RAS

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-
БИБЛИОТЕЧНЫХ РЕСУРСОВ СЕЛА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ**

Фисенко Н.А., к.э.н., ИАгП РАН

FOREIGN EXPERIENCE OF INFORMATION-LIBRARIAN RESOURCES
MANAGEMENT IN THE CONDITIONS OF GLOBAL CHALLENGES

Fisenko N.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-114-

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛА МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ НА УРОВНЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

Ильинская Е.В., к.э.н., ИАгП РАН

STRATEGIC PRIORITIES OF BUILDING OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
CAPACITY AT THE LEVEL OF RURAL TERRITORIES

Ilynskaya E.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-123-

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБОСНОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА МАЛЫХ ФОРМ
АГРАРНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАгП РАН

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE JUSTIFICATION OF
SOCIAL MECHANISM OF THE POTENTIAL DEVELOPMENT OF SMALL AGRARIAN
ENTERPRISES

Nechaeva I.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

-128-

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ
РАЗВИТИЯ АГРОСФЕРЫ**

Заикин А.В., к.социол.н., ИАгП РАН

PROFESSIONAL MOBILITY OF RURAL POPULATION IN PERSPECTIVE OF
AGROSPHERE DEVELOPMENT

Zaikin A.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

-136-

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Ермолова О.В., д.э.н., ИАГП РАН

Раскрываются особенности включения отраслей агропродовольственного комплекса в глобальные цепочки создания стоимости. Анализируются возможности и их использование для реализации этого процесса, а также степень и сбалансированность участия. Показана концентрация добавленной стоимости на разных стадиях внутренних цепочек создания добавленной стоимости, межотраслевые различия в уровнях доходности. Отмечается, что сбалансированность ряда национальных цепочек создания стоимости требует недостающих звеньев. Намечены направления повышения эффективности межотраслевых взаимодействий в агропродовольственном комплексе.

Ключевые слова: цепочки создания добавленной стоимости, экспорт добавленной стоимости, промежуточный импорт, межотраслевая структура, интеграция, конкуренция.

DEVELOPMENT OF MECHANISMS OF INTER-BRANCH INTERACTIONS IN AGRO-FOOD COMPLEX

Ermolova O.V., doctor of economic sciences, IAGP RAS

The article reveals the peculiarities of the inclusion of the branches of the agro-food complex in global value chains. The possibilities and their use for the implementation of this process, as well as the degree and balance of participation are analyzed. The concentration of added value is shown at different stages of the internal chains of added value, inter-branch differences in the levels of income levels. It is noted that balancing a number of national value chains requires missing links. The directions of increasing the efficiency of inter-branch interactions in the agro-food complex are outlined.

Keywords: added value chains, added value exports, intermediate imports, inter-branch structure, integration, competition

Введение.

Рост мирового товарообмена, определяемый дроблением цепочек создания стоимости, во многом изменил механизмы регулирования внешнеэкономической деятельности. В соответствии с относительными конкурентными преимуществами различные стадии производства расположены в настоящее время в разных странах мира, что привело к росту товарных потоков. Существенная часть мирового товарообмена составляет обмен промежуточными товарами. Производство всё больше зависит от их поставок, а также от сферы бизнес-услуг, помогая их выгодно продать.

Глобальная цепочка стоимости – это последовательная взаимосвязь основных бизнес-функций производственного цикла – проектирования, маркетинга, непосредственно производства, дистрибуции, а также послепродажного обслуживания потребителей. Глобальные цепочки создания стоимости – это результат развития глобализации и, соответственно, углубления внутренней и внешней интеграции. Страны конкурируют между собой за наиболее выгодное место в глобальной цепочке стоимости.

Для разработки направлений развития глобальных цепочек создания стоимости необходимо обоснование тенденций их развития, перспектив, изменения доли импорта в экспорте в более долгосрочной перспективе и в последние годы.

Глобальные цепочки создания стоимости могут способствовать росту конкурентоспособности национальных предприятий на мировом рынке. Условием является достижение высокой степени переработки и увеличение экспорта промежуточных и конечных товаров, представленных национальными предприятиями и отраслями. Для каждой конкретной про-

дуктовой цепочки имеются свои рецепты изменения структуры. Одни могут привести к потере воспроизводственной целостности в национальных рамках, другие – способствовать росту конкурентоспособности национальных предприятий на мировом рынке. Всё это подчеркивает значимость исследования механизмов межотраслевых взаимодействий в агропродовольственном комплексе.

Цель исследования состоит в обосновании особенностей и механизмов развития межотраслевых взаимодействий в агропродовольственном комплексе.

Методика исследований.

Методологической и теоретической основой исследований являются метод системного анализа, труды современных отечественных и зарубежных ученых по проблемам регулирования многоотраслевых комплексов и развития конкуренции, автором применялись экономико-статистический и нормативный методы, а также методы экспертных оценок и экономико-математического моделирования.

Ряд аналитических выводов по анализу межотраслевых взаимодействий комплекса как многоотраслевой структуры получен с использованием метода «затраты-выпуск». Для обоснования механизмов межотраслевых взаимодействий использован метод исследования цепочек создания добавленной стоимости [1]. С его помощью определяются особенности включения отдельных отраслей и предприятий комплекса в глобальные цепочки, характер и траектория развития национальных продуктовых цепочек, межстрановое движение не только товаров, но и доходов.

Результаты исследований.

На мировом рынке важнейшим слагаемым конкурентоспособности является охват «цепочки создания стоимости» наряду с качеством поставщиков на внутреннем рынке, развитостью кластеров и другими параметрами. По показателю «развитость стоимостных цепочек» (value chain breadth), т.е. по охвату стадий создания добавленной стоимости Россия занимает в Глобальном рейтинге конкурентоспособности лишь 96-е место.

Развитие глобальных цепочек во многом снимает с повестки дня дилемму – стратегия импортозамещения или стратегия экспортной ориентации.

Отрасли агропродовольственного комплекса России пока не являются приоритетными при включении в глобальные цепочки добавленной стоимости. Но возможности для этого имеются, и их использование может служить условием его конкурентного роста. Возможностью для многовекторной интеграции России в мировую агропродовольственную систему является высокий экспортный потенциал агропродовольственного комплекса (рис. 1).

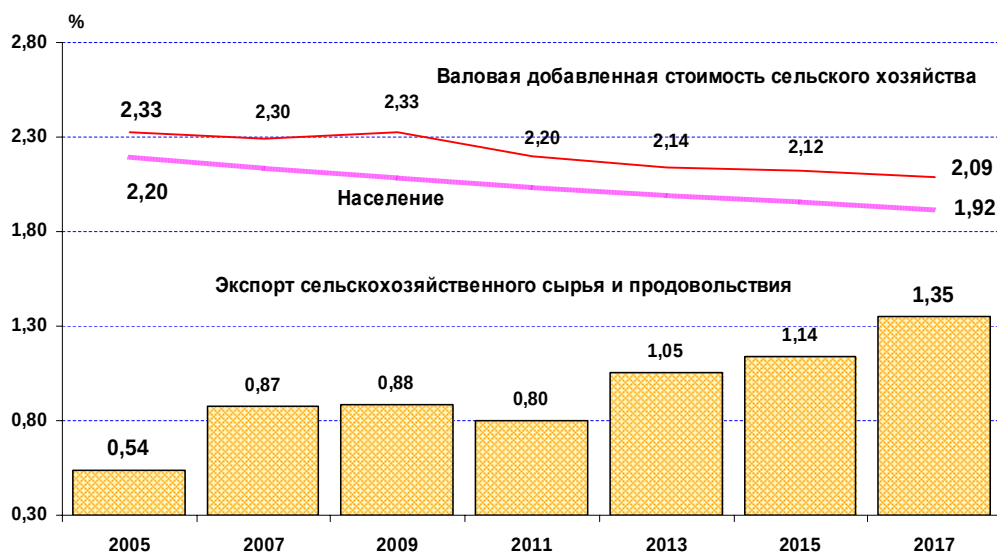

Рисунок 1 – Место России в мировой продовольственной системе

Экспорт сельскохозяйственного сырья и продовольствия значительно возрос, несмотря на значительное отставание России от развитых стран в производительности труда. Производительность труда в сельском хозяйстве страны составляла в 2017 г. 16,4% от уровня США, 17,7 от уровня Канады, 27,3 от уровня Франции, 41,5 от уровня Германии соответственно (тыс. US\$ constant 2010). Рост экспорта происходил при снижении валовой добавленной стоимости, снижении численности населения, что обусловило снижение уровня потребления и, соответственно, создание дополнительных экспортных возможностей.

Государственная поддержка расширения возможностей для экспорта является важным условием растущего присутствия национального агробизнеса на мировом рынке. Качественно новый этап развития должен характеризоваться не просто ростом экспортных операций, а выходом на более высокий уровень производственной кооперации, предусматривающий формирование национальных межотраслевых сегментов глобальных цепочек. Государственная поддержка предполагает меры по снижению барьеров, решение вопросов сертификации продукции, ветеринарного контроля, маркетинговое сопровождение экспортеров, финансовую поддержку экспортных операций.

Вопрос встраивания национальных игроков в такие цепочки становится важнейшим вызовом и для развитых, и для догоняющих экономик. Это меняет традиционные алгоритмы диверсификации и выхода на экспортные рынки. Для российского агропродовольственного комплекса важным является не только степень, но и качество его участия в глобальных цепочках.

В показателях добавленной стоимости в 2013 г. опубликована база данных TiVA, которая дает возможность определить национальную и иностранную добавленную стоимость, содержащуюся в общем экспорте, участие в глобальных цепочках через учет промежуточного импорта, воплощенного в национальном экспорте (нисходящие связи) и национальную добавленную стоимость для производства экспорта партнеров (восходящие связи).

Российская экономика отличается общей высокой степенью участия в глобальных цепочках создания стоимости, превосходящей среднемировой уровень, но профиль включенности не является сбалансированным. Улучшение профиля этого участия важно для развития российского агропродовольственного комплекса. Но опирается это на решение внутренних проблем, в числе которых необходимость ориентации на экспорт, поддержка как внутренней конкуренции, так и конкуренции с внешними товаропроизводителями, стимулирование конкурентоспособных национальных товаропроизводителей, прозрачность доступа компаний к господдержке, улучшение стиля взаимодействия власти с бизнесом и др.

Одним из проявлений недостаточно высокого качества участия России в глобальных цепочках может служить экспорт сырья и импорт инвестиционного оборудования.

Индекс внутренней добавленной стоимости почти втрое превышает индекс внешней. Внутренняя добавленная стоимость, вносимая российской экономикой в целом в глобальные цепочки, больше чем на 80% формируется из экспортных поставок сырья и других промежуточных товаров. Эти поставки широко используются другими странами для производства продуктов с высокой степенью переработки.

Для создания экспортных продуктов с высокой добавленной стоимостью российский АПК очень ограниченно использует импортные потоки. Из общего объема этого импорта Россия использовала на создание экспортированных товаров лишь 33%, что ниже среднего уровня стран ОЭСР (39,9%). Между тем анализ Всемирной базы данных «затраты–выпуск» показал, что в 1995–2011 гг. доля импорта в промежуточном потреблении сельского хозяйства России выросла до 13,4%, увеличившись на 5,1 п.п. Доля импорта в промежуточном потреблении пищевой промышленности составила в 2011 г. 7,1% [2].

Ретроспективный анализ показывает, что для развития межотраслевых взаимодействий в агропродовольственном комплексе характерны две противоположные тенденции. Одна из них проявляется в сокращении их масштаба, упрощении структуры, разрушении кооперационных межотраслевых и внутриотраслевых связей. Другая – состоит в углублении межотраслевых взаимодействий, создании новых межотраслевых образований, формировании се-

тевых структур. В экономике агропродовольственного комплекса России организационные формы ведения бизнеса становятся одним из ключевых факторов конкуренции. Продуктовые цепочки создания стоимости как новые формы межотраслевого взаимодействия занимают промежуточное положение между иерархическими структурами и рынком. Наибольшее влияние на их развитие оказывают степень совершенства институтов, прежде всего института конкуренции, развитие инфраструктуры, эффективность товарных рынков, уровень инновационного потенциала. Они могут эффективно развиваться, если мобильные малые и средние фирмы становятся их участниками и активно подключаются к глобальным потокам инноваций и ресурсов, сначала наращивая экспорт промежуточной продукции, а затем и конкурентоспособной конечной продукции.

Первоначально их развитие происходило за счет удлинения продуктовых цепочек и было ориентировано преимущественно на внутренний рынок. В настоящее время успех в конкуренции имеют те из них, кто ориентирован на рынок внешний [3].

Для российского агропродовольственного комплекса в целом кривая, отражающая концентрацию добавленной стоимости на разных стадиях цепочек добавленной стоимости, имеет вид «улыбающейся кривой». В такой цепочке разные стадии отличаются по уровню доходности. Межотраслевые разрывы в уровне концентрации очень существенны, как и внутриотраслевые различия.

Ключевым фактором, определяющим структурные особенности развития агропродовольственного комплекса на этом уровне, являются параметры технологического развития и эффективность производства, которые могут быть выражены структурой затрат и формированием добавленной стоимости.

Анализ межотраслевой структуры участия различных стадий продуктовых цепочек выявил, как показано на рисунке 2, что доля валовой добавленной стоимости сельского хозяйства в 1,65 раз больше, чем доля пищевой промышленности. Это во многом объясняется недостаточной глубиной переработки, преобладанием сырьевой составляющей. Между тем это соотношение составляет для развитых стран 1:1.

Рисунок 2 – Схема: цепочка создания добавленной стоимости по стадиям производства

Изучение тенденций изменения формы кривой выявило их различия для разных продуктовых цепочек. Так, доля сельского хозяйства в производстве хлеба составляет 23% добавленной стоимости, а по свинине и маслу животному – 52,4% и 56,7% соответственно. До-

ля переработки и сферы обращения также значительно колеблется. Так, доля сферы обращения в валовой добавленной стоимости по маслу животному составляет 18%, а по маслу подсолнечному – 46,3% [4, с. 66; 5]. Одной из причин снижения уровня добавленной стоимости в середине цепочки является более высокий уровень конкуренции, отсутствие эффективного механизма перелива капитала.

Анализ тенденций изменения формы кривой представляет интерес для выявления конкурентных позиций субъектов продуктовых цепочек, их инвестиционной привлекательности, для разработки институциональных и организационных мер,

Сбалансированность ряда национальных цепочек создания стоимости требует достраивания недостающих звеньев и формирования вертикальных связей, притока инвестиций в отрасли комплекса. Такими стадиями являются селекция, семеноводство, научное обслуживание и др. На стадии селекции создается конкурентное преимущество во многом благодаря достижениям науки, в ее недостаточном развитии кроется причина высокой импортозависимости. Актуальными задачами агропродовольственного комплекса являются создание новых сортов отечественной селекции, конкурентного фонда регионального элитного семеноводства, обеспечение сельскохозяйственных предприятий качественным семенным материалом. В том числе картофелем. Российская селекция потенциально конкурентоспособна на мировом рынке, поскольку ее продукция обладает ценовой конкурентоспособностью, представляя на мировой рынок более дешевую продукцию.

В настоящее время уникальными сортами и гибридами владеют 75 крупных иностранных компаний, занимающих доминирующее положение на мировом рынке. Характерным является массовое поступление импортных семян, даже пшеницы. Ориентируясь на мировых игроков агробизнеса, российские товаропроизводители выращивают во Франции и семена свеклы. Эта отрасль в настоящее время не привлекательна для частных инвесторов и не имеет должной государственной поддержки. Такую поддержку имеют компании Китая, Южной Кореи, Чехии и других стран, где ежегодно компенсируется 50% затрат на селекцию.

В приоритетной государственной поддержке нуждается научное обслуживание и развитие семеноводства по производству новых высокотехнологичных сельскохозяйственных культур. Опыт развитых стран, в частности Канады, демонстрирует образцы эффективного сотрудничества фермеров, которые объединяют усилия для финансирования перспективных научных разработок в области их возделывания.

Решающее значение для повышения эффекта межотраслевых взаимодействий АПК приобретает его внешняя открытость, сотрудничество с мировыми технологическими лидерами, чьи компании, работая на глобальных рынках, формируют соответствующие цепочки. Первоначально это может происходить на низких стадиях переработки, где товаропроизводители могут нарастить экспорт промежуточных товаров, а затем они переходят к экспорту более сложной и продукции конечного спроса, конкурентоспособной на мировом рынке.

Заключение.

Фактором экономического роста в новых условиях становятся экспортоориентированные продуктовые цепочки российского агропродовольственного комплекса. Накопленный опыт развития успешных национальных моделей развития продуктовых цепочек показал, что большей конкурентоспособностью обладают те из них, которые ориентированы на внешний рынок. Растущий экспортный потенциал российского агропродовольственного комплекса определяет наличие условий для включения товаропроизводителей в мирохозяйственные связи.

Включенность отраслей агропродовольственного комплекса в мирохозяйственные связи характеризуется значительной долей промежуточного импорта, который превышает рост импорта конечной продукции, что не приводит к росту экспортных товаров. Значительной является зависимость от импорта технологий, оборудования, семенного, племенного материалов и др.

Концентрацию добавленной стоимости на разных стадиях цепочки добавленной стоимости отражает «улыбающаяся» кривая, вид которой может меняться в зависимости от из-

менения доходности, уровня концентрации. Анализ разных продуктовых цепочек выявил их существенные различия в отраслевом и межотраслевом разрезе.

Обеспечение сбалансированности национальных цепочек создания стоимости требует углубления межотраслевых взаимодействий и достраивания их недостающих звеньев. Государство сегодня содействует процессам создания крупных современных производственных циклов, а также компаний агрохолдингового типа. В приоритетной государственной поддержке нуждается научное обслуживание и развитие семеноводства, отрасли научного обслуживания, селекции, семеноводства, которые должны быть органично встроены в межотраслевые продуктовые цепочки.

Эффект от повышения степени участия будет тем выше, чем больше роль национальных предприятий в цепочках и выше технологическая зависимость импортеров и промежуточных стран от отечественных предприятий.

Реализация эффектов участия в глобальных цепочках создания стоимости требует развития внутреннего рынка инвестиций, участия в международной технологической кооперации, создания условий для трансферта технологий в фундаментальные разработки, увеличения роли малых и средних предприятий в национальных и международных цепочках создания стоимости.

Список литературы:

1. Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon, T. (2005). The governance of global value chains. *Review of International Political Economy*. – 2005. – № 12(1). – P. 78–104.
2. База данных «затраты–выпуск» (World Input-Output Database, WIOD). URL: <http://www.wiod.org/home>
3. Ермолова О. В., Кирсанов В. В. Особенности формирования продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе России // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2018. – № 12. – Т. 7 (84). – С. 71–79.
4. Цены в России. 2018: стат. сб./ Росстат. – М., 2018, – 142 с.
5. Сельское хозяйство России / МСХ РФ. – М., 2018. – 55 с.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СПРОСОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ РЫНОК РОССИИ

Яковенко Н.А., д.э.н., Иваненко И.С., к.э.н., ИАГП РАН

Представлен комплексный анализ спросовых ограничений, рассмотрено их влияния на равновесие продовольственного рынка России, обоснованы перспективные направления стимулирования спроса на национальном продовольственном рынке. Выявлены тенденции изменения внешних и внутренних цен на продовольственном рынке, их взаимосвязь и взаимодействие, факторы, влияющие на продовольственную инфляцию на мировом и российском продовольственных рынках. Представлены последствия воздействия стагнации уровня жизни населения и снижения доходов на перспективы развития продовольственного рынка России. Обоснованы меры по нивелированию негативного влияния спросовых ограничений на развитие национального агропродовольственного комплекса.

Ключевые слова: продовольственный рынок, спросовые ограничения, цены, доходы, дифференциация, агропродовольственный комплекс, экономический механизм.

ESTIMATION OF THE INFLUENCE OF DEMAND CONSTRAINTS ON THE FOOD MARKET OF RUSSIA

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences,
Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAgP RAS

A comprehensive analysis of demand constraints is presented, their effects on the equilibrium of the food market in Russia are considered; promising areas for stimulating demand in the national food market are justified. The trends of changes in external and domestic prices in the food market, their interconnection and interaction, factors affecting food inflation in the world and Russian food markets are revealed. The consequences of the impact of the stagnation of the standard of living of the population and the decline in income on the development prospects of the food market in Russia are presented. Measures to level the negative impact of demand constraints on the development of the national agro-food complex are substantiated.

Keywords: food market, demand constraints, prices, income, differentiation, agro-food complex, economic mechanism.

Введение.

Развитие продовольственного рынка России в настоящее время характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдается рост национального агропродовольственного комплекса на фоне общего экономического кризиса и стагнации экономики. Положительная динамика отраслей агропродовольственного комплекса в последние годы позволила существенно увеличить предложение и выйти на высокие уровни удовлетворения потребностей в продовольствии в физическом выражении. За последние пять лет производство сельскохозяйственной продукции в среднем росло на 2,4%. Были достигнуты пороговые значения Доктрины продовольственной безопасности по большинству видов продовольствия. Рост национального сельскохозяйственного производства был обусловлен введением с августа 2014 г. запрета на импорт продовольствия из ряда зарубежных стран, а также девальвацией рубля. Это снизило конкуренцию, упростило доступ отечественных товаропроизводителей в крупные торговые сети, повысило конкурентоспособность российского продовольствия на внутреннем рынке.

С другой стороны, продовольственный рынок России функционирует в условиях значительных макроэкономических и торгово-политических рисков. Главная угроза долгосрочного развития комплекса связана со спросовыми ограничениями, которые включают высокую волатильность цен на сельскохозяйственные продукты и продукты питания, стагнацию уровня жизни и снижение уровня доходов и потребления в перспективе. Общий экономиче-

ский кризис привел к резкому снижению покупательной способности населения. Рост внутреннего производства агропродовольственного комплекса не смог заместить в полном объеме импортную продукцию. В следствие начался процесс повышения цен на продукты питания, попавшие под запрет ввоза, а также исчезновения ряда дешевых продуктов. За первую половину 2015 г. стоимость минимальной продуктовой корзины в среднем по России подорожала на 14,3%.

Кризис потребления в настоящее время является важнейшим фактором, сдерживающим развитие экономики, в том числе агропродовольственного комплекса. Сохраняется сберегательная модель поведения населения, на что указывают слабая динамика кредитования и продолжение роста депозитов физических лиц в банках [1]. В этих условиях стратегия развития национального продовольственного рынка предполагает исследование взаимодействия факторов равновесия внутреннего рынка, разработку механизмов стимулирования внутреннего спроса и экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

В связи с наличием определенных отраслевых и межотраслевых барьеров, особенностями процесса аграрного производства, движения финансовых и продуктовых потоков рыночный механизм регулирования не в состоянии быстро и гибко устранять несоответствие между динамикой спроса и предложения, обеспечивать на продовольственном рынке конкурентное эффективное равновесие. Это обусловлено особенностями формирования спроса на агропродовольственном рынке, изменениями его эластичности по доходам в зависимости от изменения степени насыщенности потребностей в продовольствии.

Выявленные тенденции, связанные с действием антироссийских экономических санкций и контрсанкций, нестабильной внешнеэкономической конъюнктурой, снижением реальных доходов населения и ростом цен на продукты питания, обуславливают необходимость разработки и внедрения механизмов повышения доступности продовольствия для населения, смягчения действия спросовых ограничений на равновесие продовольственного рынка. Реализуемые в настоящее время методы государственной поддержки ориентированы на рост предложения сельскохозяйственной продукции и продовольствия. В сложившихся условиях представляется актуальным изучение теоретических и методических аспектов преодоления спросовых ограничений на продовольственном рынке, повышения доступности продовольствия для населения страны.

Цель исследований – на основе комплексного анализа спросовых ограничений выявить их влияние на равновесие продовольственного рынка России, обосновать перспективы развития экономического механизма стимулирования спроса на национальном продовольственном рынке.

Методика исследований.

Для оценки влияния спросовых ограничений на развитие продовольственного рынка следует учитывать многие факторы, такие как динамика и уровень цен на продукты питания, уровень и дифференциация доходов населения, количество и качество потребления продовольствия. В ходе исследований использовали метод сравнительного анализа, индексный метод, методы комплексной оценки и системного анализа.

Результаты исследований.

Существенное влияние на формирование спроса на продовольственном рынке оказывает динамика и уровень цен. Рост и колебание цен на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие негативно сказываются на покупательной способности населения России. Росту инфляции на продовольственные товары в 2014 г. способствовало ответное введение контрсанкций. В 2014 г. в России продовольственная инфляция составила 11,4%, а в 2015 г. – 12,9%. В связи с этим были разработаны меры государственного регулирования национального продовольственного рынка – усиление поддержки производителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия, ограничение торговых наценок на продукты питания, расширение списка социально значимых товаров и установление на них фиксированных цен, а также расширение географии продовольственного импорта и привлечение новых поставщиков продовольствия. В настоящее время произошла адаптация сегментов продовольст-

венного рынка к эмбарго и влияние продовольственных санкций на инфляцию минимизировалось. По итогам 2018 г. она составила 4,7%.

Интеграция России в мировую продовольственную систему имеет положительные и отрицательные последствия. Увеличение объема международной торговли и вовлеченности в нее национальных товаропроизводителей усиливает зависимость российского рынка от изменения мировых цен на продовольствие. Нестабильность ценовой динамики продовольственного рынка обуславливает как рост издержек производства, снижение финансовой устойчивости товаропроизводителей, так и ухудшение качества жизни населения. Высокое колебание цен на продовольствие негативно влияет на продовольственную безопасность страны. Результаты исследования показали, что с 2000 по 2018 г. зависимость цен на продовольствие в России от динамики мировых цен представлена разными трендами (рис. 1). На российском и мировом продовольственных рынках наблюдаются разнонаправленные тенденции за исследуемый период. Российский продовольственный рынок характеризуется постоянным ростом цен на продовольствие, в то время как на мировом рынке наблюдается высокая волатильность цен: «... существенный монополизм на локальных региональных рынках приводит к тому, что мировые цены в Россию «импортируются» преимущественно в периоды повышения внешних цен: снижение же мировых цен импортируется с трудом» [2, с. 145]. Это доказывается практикой 2011–2018 гг. С 2011 г. динамика мировых цен на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие снижается, а продовольственная инфляция в России продолжает расти.

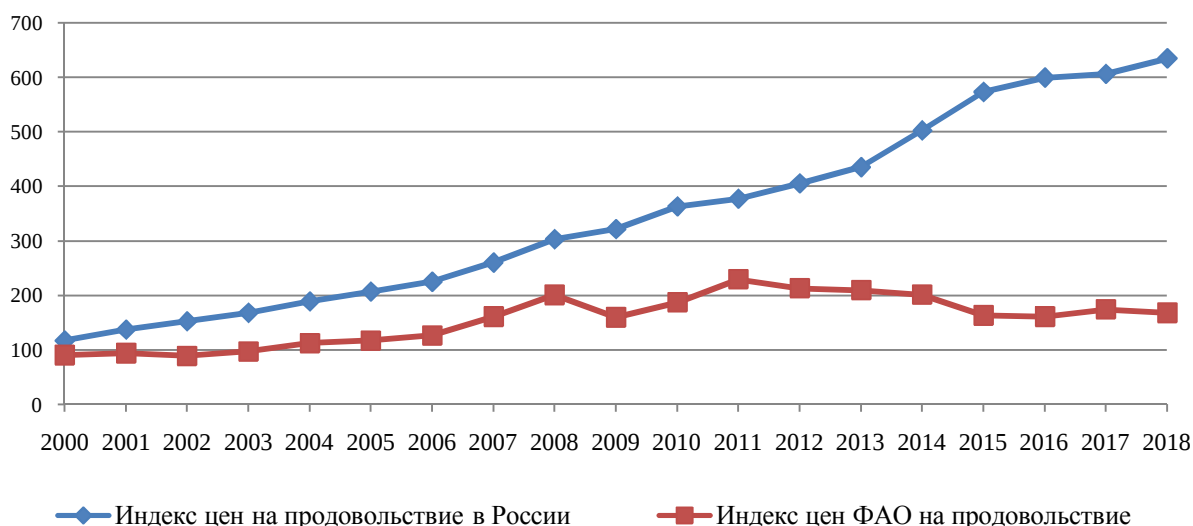

Рисунок 1 – Динамика цен на продовольствие в мире по годам (2002 – 2004 = 100%) и в России (1999 = 100%)

Источник: <http://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/>

Положительная динамика цен на продовольствие на мировом и российском рынках в последние годы обусловлена разными факторами. На мировой продовольственный рынок существенное влияние оказывают демографические и социальные изменения в мире. Продолжающийся рост численности населения, повышение уровня жизни во многих странах, особенно в Китае и Индии, стимулируют спрос на продукты питания и долгосрочное повышение цен на них. «Негативное влияние на состояние мирового продовольственного рынка оказывает затянувшийся мировой финансовый кризис, который снижает продовольственную безопасность многих стран. За период 2012–2016 гг. индекс продовольственной безопасности России упал на 4,3 пункта, Японии – 2,3, Бельгии – 2,1» [3, с. 91]. Влияние противоречивых факторов отразилось на значительном колебании цен на отдельные продукты питания с 2004 г. (рис. 2).

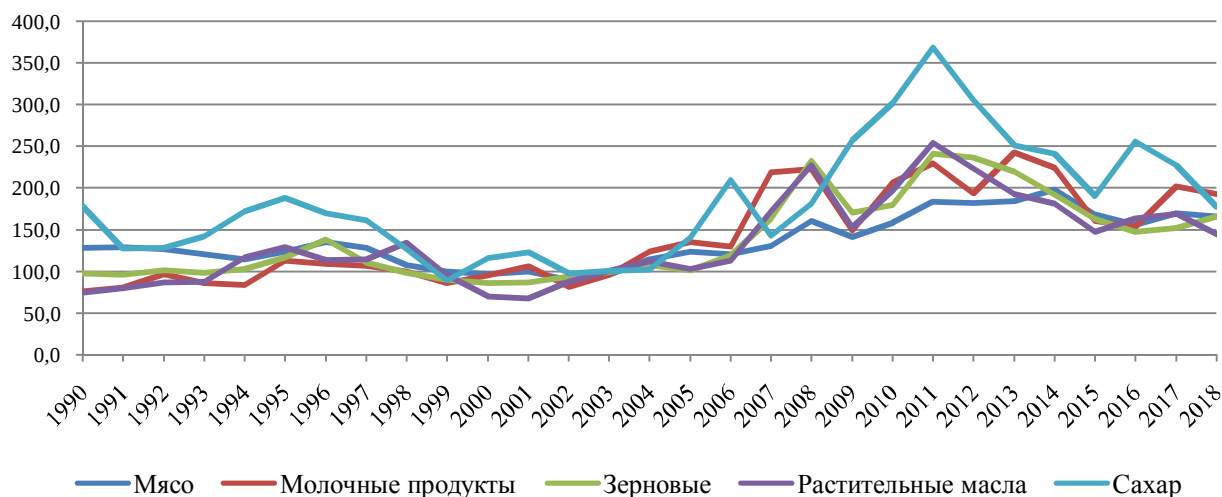

Рисунок 2 – Динамика цен на отдельные виды продовольствия в мире по годам (2002 – 2004 = 100%)

Для российского продовольственного рынка характерно существенное влияние макроэкономических факторов – изменение курса национальной валюты, введение антироссийских санкций и контрсанкций, регулирование цен естественных монополий, методы поддержки национальных товаропроизводителей [4, 5]. Продолжительное влияние на долгосрочную динамику продовольственных цен оказывают структурные факторы, такие как состояние основных фондов, предложение и качественные параметры рабочей силы, технологический уровень производства, производственная инфраструктура. Специалисты отмечают взаимосвязь волатильности инфляции преимущественно с колебаниями цен на продовольственные товары. «В отдельные годы вклад вариации цен на продовольственные товары в дисперсию индекса потребительских цен приближался к 90%, в текущем году он составляет свыше 60%. Такой масштаб вклада определяется высокой амплитудой изменения цен на отдельные группы продуктов питания» [6].

Сдерживающим фактором развития продовольственного рынка России является стагнация уровня жизни населения и снижение доходов и потребления в перспективе. С 2014 г. наблюдаются разнонаправленные тренды темпов роста денежных доходов населения и цен на продовольственные товары (рис. 3). В 2014 г. отмечается снижение реальных располагаемых денежных доходов населения на 0,7% и рост продовольственных цен на 15,4%. Наибольшее падение доходов было в 2016 г. – на 5,8% по сравнению с 2015 г.

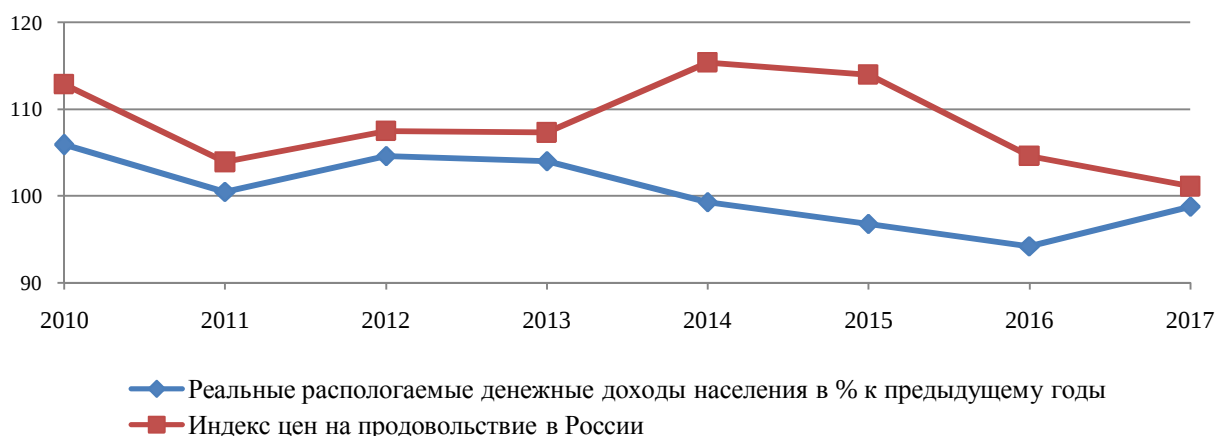

Рисунок 3 – Динамика денежных доходов населения и продовольственных цен в России в % к предыдущему году

Сохраняется высокий уровень социального неравенства. В 2017 г. децильный коэффициент фондов составил 15,5, а коэффициент Джини – 0,412. Это формирует проблемные по потреблению продовольствия группы населения, нуждающиеся в помощи государства. Социально-экономическая дифференциация населения и неравенство в распределении доходов препятствуют повышению экономической доступности продовольствия для населения. В качестве механизма нивелирования избыточного неравенства предлагаются программы продовольственной помощи [7, 8]. Уровень и дифференциация доходов формируют потребительское поведение и структуру потребления продуктов питания. Изменение удельного веса потребления продовольствия в доходах обратно пропорционально изменению величины доходов потребителя. Снижение доходов ведет к росту продовольствия в структуре потребительских расходов (рис. 4).

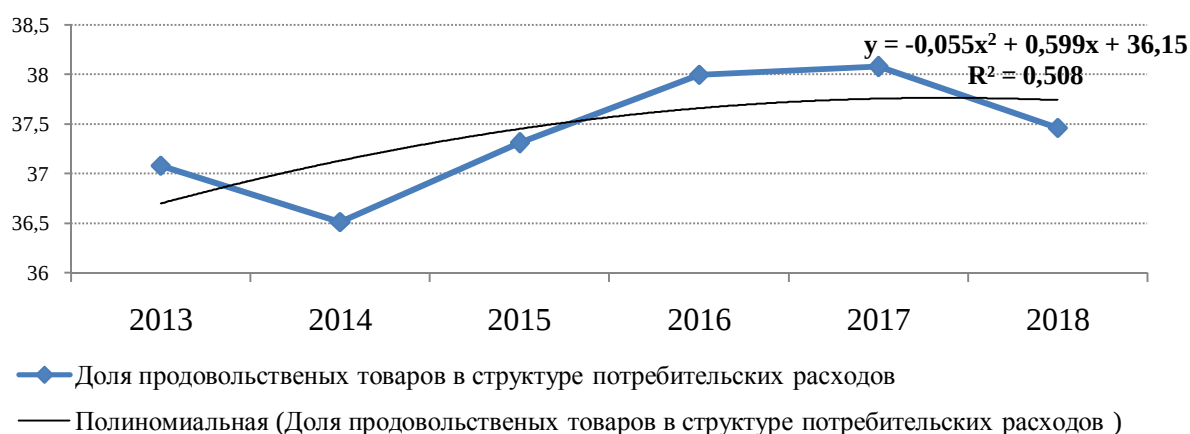

Рисунок 4 - Изменение доли продовольственных товаров в структуре потребительских расходов населения РФ по годам в %

Согласно закону Э. Энгеля, поведение потребителей связано с размером получаемого ими дохода. С ростом благосостояния населения структура потребления продуктов питания изменяется в сторону более качественных продуктов. В 2013 г. в десятой группе, где средний доход в расчете на одного члена домохозяйства составил 51 487 руб., доля расходов на покупку продовольствия составляла 13,4%. В первой группе эти показатели были 4 578 руб. и 42,1% соответственно. В результате снижения покупательной способности населения в структуре потребления происходит смещение в сторону более дешевых и доступных продуктов (рис. 5).

Текущий уровень доходов не позволяет большей части населения РФ потреблять продукты питания в том объеме, который предписывается рациональными нормами потребления, а около 10–20% населения потребляют даже меньше того объема продуктов, который определяется продовольственной корзиной РФ [9]. Согласно прогнозу, разработанному Институтом “Центр развития” НИУ ВШЭ для Минэкономразвития, реальная заработная плата населения будет продолжать снижаться в ближайшей перспективе [10].

Заключение.

В настоящее время функционирование продовольственного рынка характеризуется качественными изменениями, связанными с обострением конкурентной борьбы, усилением влияния внешних факторов на конъюнктуру рынка, усложнением экономических отношений. Выявленные тенденции требуют разработки научно обоснованной концепции развития агропродовольственного комплекса, направленной на достижение физической и экономической доступности продовольствия в объемах и ассортименте в соответствии с установленными рациональными нормами потребления, предотвращение внутренних и внешних угроз в условиях усиления глобальной конкуренции и системного мирового кризиса.

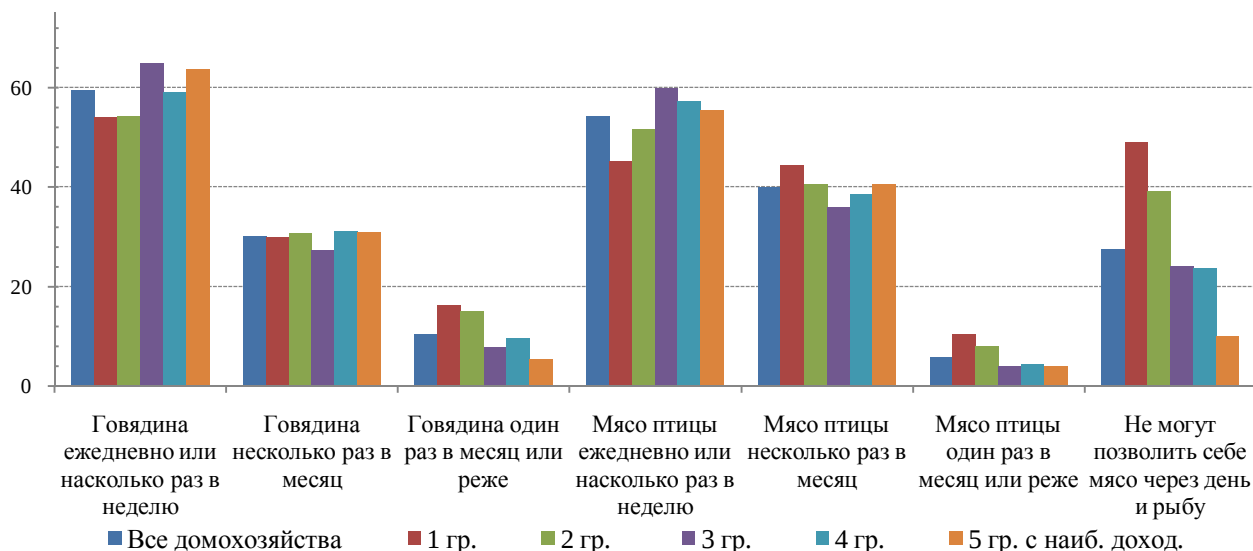

Рисунок 5 – Частота потребления основных продуктов питания по 20%-ым (квintильным) группам

Источник: Составлено по данным: рацион питания населения. 2013: Статистический сборник / Росстат-М.: ИИЦ «Статистика России», 2016. – 220 с.

Реализация государственных программ развития агропродовольственного комплекса ведет к сокращению емкости традиционных рынков сбыта сельскохозяйственной продукции и продовольствия. При ожидаемом замедлении темпов прироста спроса на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие возникает риск перепроизводства, обострения социальной ситуации, падения уровня жизни населения. В сложившейся ситуации необходимым условием экономического роста и устойчивого развития агропродовольственного комплекса является преодоление спросовых ограничений.

Государственный механизм стимулирования спроса должен обеспечивать мультипликативный эффект развития агропродовольственного комплекса. Для обеспечения экономической доступности продовольствия необходимо, чтобы стратегические параметры функционирования агропродовольственного комплекса были увязаны с ключевыми показателями социального блока развития страны [11].

Одним из негативных последствий падения реальных доходов населения, как отмечают специалисты, является снижение качества потребления. В структуре потребительских расходов увеличивается доля расходов на продукты питания и снижается доля расходов на непродовольственные товары, потребители ориентируются на более дешевые товары, на рынке появляется фальсифицированная продукция. В этих условиях необходимо усиление стратегической направленности управления агропродовольственным комплексом, формирование системы управления, отвечающей на долгосрочные вызовы глобализации.

Список литературы:

1. Динамика потребительских цен: информационно-аналитический материал. Банк России. – 2018. – № 12 (36). – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/12410848/>
2. Петроневич М., Кондрашов Н. Зависимость российской инфляции от динамики мировых цен на рынке продовольствия и нефти // Экономическая политика. – 2011. – № 4. – С. 128–147.
3. Шабалина Н.В., Капко А.В. Мировой рынок продовольственных товаров // Економічний вісник Донбасу. – 2017. – № 2(48). – С. 90–99.
4. Тараскин Д. С. Инфляция в современной России и факторы, влияющие на неё // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 4. – С. 398–405. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/770366.htm>

5. Пителин А.К. О немонетарных факторах инфляции // Экономика и математические методы. – 2015. – Т. 51. – № 1. – С. 45–67.
6. О немонетарных факторах инфляции и мерах по снижению ее волатильности. – М.: Банк России. 2018. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/12410848/?page=30>
7. Решетникова Е.Г. Динамика социально-экономической дифференциации и проблема продовольственной бедности в регионе (на примере Саратовской области) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2010. – №3 (60). – С. 69–75
8. Котова Л.Г. Доходы населения и экономическая доступность продовольствия в России // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2012. – № 1 (2). – С. 56–59.
9. Романюк М.А., Раевская Е.А. Основные проблемы обеспечения продовольственной безопасности РФ в условиях импортозамещения и дифференциации населения по доходам // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – №12 (54). – Ч.5. – С. 191–197.
10. Прогноз Долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Институт “Центр развития” НИУ ВШЭ. – URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2016/03/30/1126653929/NEPpdf> (дата обращения: 15.05.2019).
11. Анфиногентова А.А., Решетникова Е.Г. Исследование динамики денежных доходов, спроса и потребления продовольствия населением России // Журнал экономической теории. – 2016. – № 1. – С. 24–31.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Кирсанов В.В., к.э.н., ИАГП РАН

Проанализированы изменения динамических и структурных параметров в агропродовольственном комплексе России. Выделены основные факторы, обуславливающие дифференциацию уровней развития и влияющие на сбалансированность экономического роста отраслей комплекса. Сформулированы приоритеты структурной модернизации АПК. Предложены направления совершенствования государственной поддержки агропродовольственного комплекса, осуществляемой через программно-проектное управление.

Ключевые слова: структурные изменения, агропродовольственный комплекс, государственная поддержка, программно-проектное управление.

DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF MECHANISMS OF STATE SUPPORT OF THE RUSSIAN AGRO-FOOD COMPLEX

Kirsanov V.V., candidate of economic sciences, IAGP RAS

Changes in the dynamic and structural parameters in the agro-food complex of Russia are analyzed. The main factors that determine the differentiation of development levels and affect the balance of economic growth of the branches of the complex are identified. The priorities of the structural modernization of the agro-food complex are formulated. Areas for improving state support for the agro-food complex, implemented through program-project management are proposed.

Keywords: structural changes, agro-food complex, state support, program-project management

Введение.

Современный вектор роста производства в агропродовольственном секторе экономики сформировался в условиях концентрации ресурсов преимущественно на решении текущих задач развития. Сменив основные принципы государственной политики поддержки развития АПК в условиях роста интеграционной зависимости мировой экономики с «конкурентной либерализации» на принципы «разумного протекционизма» удалось решить задачу повышения уровня продовольственной независимости страны. В настоящее время государство содействует активизации процессов создания современных производственных циклов. За счет концентрации капитала в точках роста сформировались крупные производственные системы в свиноводстве, птицеводстве, масложировой и сахарной продуктовых цепочках, способные успешно наращивать объемы производства. Повышение уровня внутрикомплексной сбалансированности используемых факторов производства, укрепление вертикальных межотраслевых связей и сокращение транзакционных издержек, связанных с приобретением необходимых ресурсов, вывод из производственного контура малопродуктивных ресурсов (неквалифицированной рабочей силы, низкопродуктивных земельных участков, устаревших основных фондов и т.п.) способствовали росту объемов и эффективности производства.

Однако, несмотря на положительную динамику производственных показателей в отраслях агропродовольственного комплекса, незавершенность структурной перестройки не позволяет использовать имеющийся потенциал роста. Современное состояние агропродовольственного комплекса России характеризуется наличием существенных диспропорций между важнейшими структурными элементами. Переход от этапа с задачами обеспечения роста объемов производства до установленных параметров продовольственной независимости к этапу сбалансированного эффективного роста требует проведения структурной модернизации с достраиванием недостающих звеньев и формированием вертикальных связей, увеличения притока инвестиций в отрасли комплекса.

Цель исследований.

Обосновать направления совершенствования государственной поддержки, позволяющие обеспечить структурную сбалансированность развития агропродовольственного комплекса России.

Методика исследований.

В процессе исследования использовались основные положения структурного и ситуационного анализа с привлечением статистических методов обработки данных.

Результаты исследований.

Темпы роста в отраслях агропродовольственного комплекса России не были высокими в сравнении с другими странами. За 2000–2018 гг. объем произведенной продукции сельского хозяйства России вырос в 1,68 раза, что меньше, чем в среднем по десяти странам СНГ (1,85 раза). Рост в Беларуси (в 1,83 раза), Казахстане (1,89 раза), Украине (1,77) был выше российского [1]. Несмотря на опережающий рост производительности труда в сельском хозяйстве относительно других отраслей российской экономики, заметно отставание от ведущих аграрных стран мира по этому показателю.

Для современного агропродовольственного комплекса России характерным является наличие несбалансированности ряда национальных цепочек создания стоимости. Структурные проблемы обострило, с одной стороны, санкционное противостояние, определившее новые многоуровневые вызовы для системы управления развитием комплекса. С другой – исчерпала себя модель экономического роста 2000-х гг., являющаяся по своей сути восстановительной, основанной на вовлечении в производство незадействованных мощностей и рабочей силы. Проведенный анализ показывает, что фрагментированные цепочки добавленной стоимости не выдерживают конкуренции с полноценными зарубежными производственными системами. Разрывы в цепочках межотраслевых связей имеют место не только в производственной сфере. По оценке Президента РАН академика Сергеева «Разрыв цепочки от науки к рынку поставил нашу страну в зависимость от зарубежных поставок. Главный вызов, стоящий сейчас перед Россией, – преодоление технологического отставания – можно ответить, сформировав единство функционирования научно-технологического комплекса, где новые знания будут логичным образом переходить сначала на уровень технологии, а затем – готового продукта» [2].

Важнейшая роль в системе мер государственной поддержки отводится стимулированию инвестиционной активности. В настоящее время рост конкурентоспособности отраслей агропродовольственного комплекса ограничивается дефицитом инвестиций и технологическим отставанием. Динамика инвестиций в основные отрасли агропродовольственного комплекса не является устойчивой, что усложняет реализацию долгосрочных приоритетов развития комплекса (рис. 1). Улучшение конъюнктуры, динамика цен и рентабельности производства в 2014–2015 гг., позитивная для отраслей агропродовольственного комплекса, относительно большие объемы прибыли, полученные в этот период, не трансформировались в инвестиции.

Наибольшее падение отмечается в пищевой промышленности, где точечный прирост инвестиций в основной капитал фиксировался лишь по отдельным видам деятельности. Продолжительный период отставания в развитии пищевой промышленности в сравнении с сельским хозяйством негативно сказывается на межотраслевой сбалансированности продуктовых цепочек, дефицит инвестиций в постсельскохозяйственные отрасли существенно сдерживает возможности роста во всем комплексе.

После снижения инвестиций в 2014 и 2015 г. в отрасли «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» (ОКВЭД2, по всему кругу хозяйствующих субъектов) в последние три года отмечался их существенный прирост, составивший 27,4%. Инвестиции в производство пищевых продуктов росли два последних года. Отмечаемый рост объема инвестиций в отрасли агропродовольственного комплекса позволил лишь вернуться к уровню 2013 г. Сужение платежеспособного спроса и отсутствие экспортных перспектив обусловило резкое падение инвестиций в производство напитков.

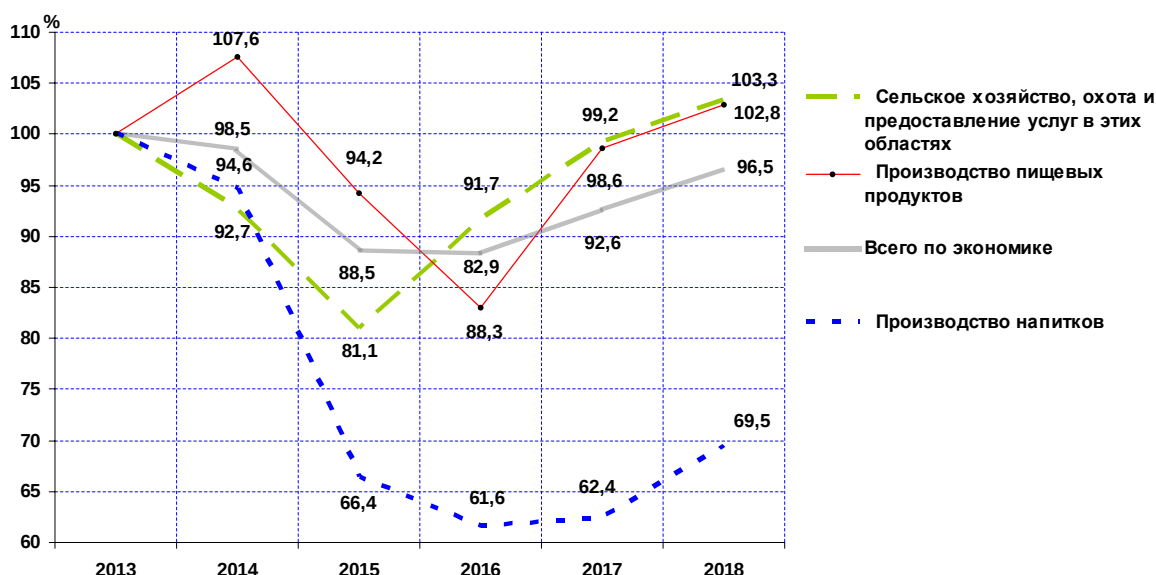

Рисунок 1 – Динамика объема инвестиций в основной капитал отраслей АПК (по ОКВЭД2) в 2014–2018 гг., % к предыдущему году

Источник: Динамика инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах) в структуре ОКВЭД2 (КДЕС Ред.2) / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/tab_din-OKVED.htm (дата обращения 01.06.2019) [3].

Не стали существенным источником финансирования роста в отраслях агропродовольственного комплекса и прямые иностранные инвестиции. В отдельные годы отток (погашение) инвестиций превышал их приток (рис. 2). По данным Центрального банка России, saldo притока прямых иностранных инвестиций в отрасль «Сельское, лесное хозяйство, охота и рыболовство» в 2018 г. сократилось с 619 млн долл. в 2013 г. до 57,8 млн, в производстве пищевых продуктов, напитков, табачных изделий – с 2 млрд долл. в 2011 г. до 260,9 млн [4].

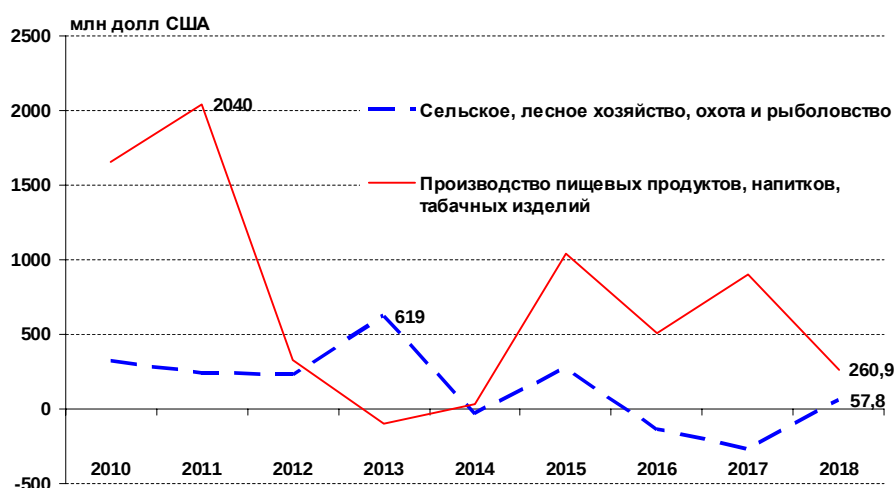

Рисунок 2 – Динамика прямых иностранных инвестиций в отрасли АПК России в 2010–2018 гг. (по данным платежного баланса), млн долл

Источник: Прямые инвестиции в Россию: операции по видам экономической деятельности / Центральный банк. – URL: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/08-dir_inv.xlsx (дата обращения 01.06.2019) [4].

Полагаем, что государственное программное регулирование с использованием механизмов привлечения инвестиций в приоритетные отрасли должно сыграть ключевую роль в структурной модернизации и росте конкурентоспособности агропродовольственного ком-

плекса. Реализация конкурентных преимуществ России на мировом рынке, заинтересованность иностранных покупателей в поставках российской продукции, также требуют более активного участия государства в привлечении иностранных инвестиций и технологий.

В условиях дефицита источников финансирования расширенного воспроизводства позитивные изменения в развитии национального агропродовольственного комплекса во многом определялись мерами государственной поддержки. Государственная поддержка сельскохозяйственных организаций играет важную стабилизирующую роль в их развитии. Уровень рентабельности сельскохозяйственных организаций в значительной мере определяется получаемыми субсидиями из бюджетной системы. Среднегодовой объем субсидий в 2014–2018 гг. оставался примерно одинаковым, а объем полученной сельскохозяйственными организациями прибыли без учета субсидий менялся в широких пределах. За счет средств государственной поддержки формируется значительная часть прибыли сельскохозяйственных организаций (рис. 3). Так, в 2014 г. доля субсидий из бюджетов всех уровней в объеме прибыли до налогообложения составила 61,0%; в 2015 – 41,9%; в 2016 – 43,6%; в 2017 г. – 55,7% [5, с. 49]. Отметим, что сокращение объема прибыли, полученной сельскохозяйственными организациями (без субсидий из бюджета) в 2017 г., имело место в условиях достижения рекордных показателей по производству продукции растениеводства, роста производства в отраслях животноводства. Это указывает на несформированность или неэффективность механизмов противодействия нарушению ценового паритета между сельским хозяйством и остальной экономикой. Рентабельность сельскохозяйственных организаций (с учетом субсидий) в 2018 г. выросла и составила 13,1% (оценка Минсельхоза России), что ниже целевого показателя (15%) на 1,9 п.п. Без учета субсидий рентабельность составила 8,1% против 5,3% в 2017 г. Ожидаемую прибыль до налогообложения (с учетом субсидий) Минсельхоз оценивал в сумме 314,1 млрд руб., что на 15,1% выше уровня 2017 г. (272,9 млрд руб.) [6].

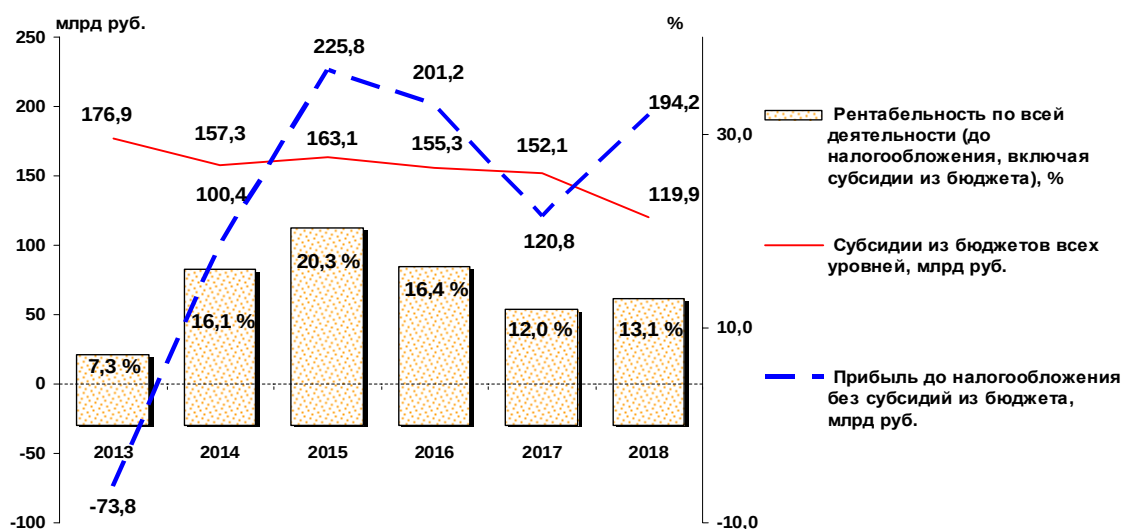

Рисунок 3 – Финансово-экономические показатели деятельности сельскохозяйственных организаций РФ в 2013–2018 гг. (субсидии и прибыль – левая шкала, млрд руб., рентабельность – правая шкала, %)

Источник: составлено по данным Минсельхоза РФ [5, 6].

Преобладающая часть средств государственной поддержки концентрируется на федеральном уровне бюджетной системы и передается на субфедеральный уровень для дальнейшего распределения конечным получателям. Доля расходов на государственную поддержку развития сельского хозяйства, приходящаяся на федеральный уровень, остается стабильно высокой (61,2–62,3% в 2016–2018 гг.) (см. таблицу). Такая пропорция распределения отражает ориентацию на достижение согласованности структурных изменений в региональных агропродовольственных системах для приоритетного обеспечения общероссийских параметров развития.

Таблица – Расходы консолидированного бюджета Российской Федерации на развитие сельского хозяйства (фактические цены), млрд руб.

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Расходы из консолидированного бюджета РФ	314,3	362,4	331,7	343,8	365,8
В том числе из Федерального бюджета	180,0	208,2	203,1	214,1	225,7
Доля расходов из Федерального бюджета, %	57,3	57,5	61,2	62,3	61,7
Расходы из консолидированного бюджета, % к ВВП	0,40	0,43	0,39	0,37	0,38

Источник: рассчитано с использованием данных Федерального казначейства [7].

Доля расходов консолидированного бюджета РФ на сельское хозяйство снижается: если в 2013 г. она составляла 0,51% ВВП, то в 2018 г. – только 0,38%. Полагаем, что имеет место несоответствие потенциала роста в сельском хозяйстве возможностям бюджетного финансирования.

Для большинства регионов России с высокой долей сельского хозяйства в структуре произведенного валового регионального продукта и положительным сальдо обмена сельскохозяйственной продукции роль федерального бюджета высока. При преобладании в структуре вывоза (экспорта) региона продукции, востребованной на рынке, но с невысокой степенью переработки, уровень федеральной поддержки, как правило, еще выше. Такая ситуация является характерной для Саратовской области, в которой доля федерального финансирования мероприятий Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (далее – госпрограмма) составила в 2018 г. 78,3%, а в отдельные годы была значительно выше (рис. 4).

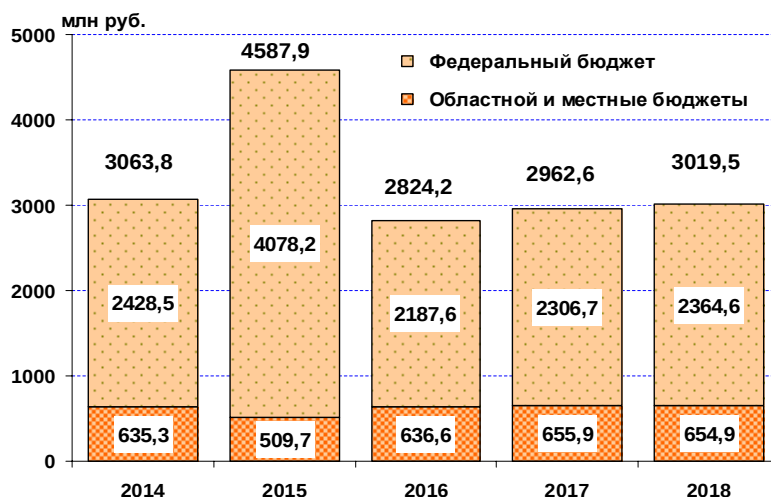

Рисунок 4 – Фактическое исполнение финансового обеспечения государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» в Саратовской области на 2014–2020 годы»

Источник: данные МСХ Саратовской области.

В консолидированном бюджете РФ отражаются все расходы на развитие сельского хозяйства, преобладающая их часть направляется получателям бюджетных средств через госпрограмму. Минсельхозу России в соответствии со сводной бюджетной росписью в 2018 г. были направлены бюджетные ассигнования в сумме 254,1 млрд руб. Фактически мероприятия госпрограммы профинансированы в объеме 249,5 млрд руб.

По данным ФГБУ «Центр Агроаналитики» в 2018 г. наибольший объем бюджетных средств был предоставлен по направлению «Развитие отраслей агропромышленного комплекса» – 74,5 млрд руб. [8]. Доля федерального бюджета составила 79,6%. В рамках этого направления 66,0% средств было направлено на содействие достижению целевых показателей региональных программ развития агропромышленного комплекса («Единая субсидия»).

По направлению «Стимулирование инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе» (поддержка инвестиционного кредитования в агропромышленном комплексе) было предоставлено 24,4 млрд руб. средств госпрограммы. Приоритетными направлениями в распределении субсидируемых инвестиционных кредитов стали «Свиноводство» (22,4% общего объема кредитов и 18,6% в общем объеме остатка ссудной задолженности по субсидируемым инвестиционным кредитам), «Птицеводство» (17,9 и 15,1 соответственно) и «Техническая и технологическая модернизация» (15,9% и 13,1%).

В 2018 г. в рамках оказания поддержки по возмещению прямых понесенных затрат на создание и/или модернизацию объектов АПК проведен отбор инвестиционных проектов, по итогам которого 131 инвестиционный проект признан соответствующим критериям отбора на общую сумму по разделу иных межбюджетных трансфертов 13,6 млрд руб. (тепличные комплексы – 40 инвестиционных на общую сумму 7,1 млрд руб.; хранилища – 30 инвестиционных проектов на общую сумму 0,6 млрд руб.; молочные комплексы – 61 инвестиционный проект на общую сумму 5,9 млрд руб.).

Эволюция подходов к объектам и методам государственной поддержки отражает поиск баланса в системе приоритетов: между селективными и общесистемными мерами, федеральным и региональным видением решения проблем, продуктовыми или институциональными доминантами.

Формирование современной системы стратегического планирования в агропродовольственной сфере начиналось с принятия в 2006 г. приоритетного национального проекта «Развитие АПК». Проект содержал целевые установки на решение наиболее острых проблем в условиях ограниченного финансового обеспечения (ускоренное развитие животноводства, стимулирование развития малых форм хозяйствования, обеспечение доступным жильем молодых специалистов).

С 2010 г. в Российской Федерации началась работа по преобразованию федерального бюджета в программный вид, при этом основным инструментом бюджетной поддержки отраслей национальной экономики становятся государственные программы [9].

Программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. стала первой в современной российской практике управления отраслевой программой, получившей статус государственной. Она была разработана на базе основных идей национального приоритетного проекта «Развитие АПК» и действовавших на то время программ поддержки сельского хозяйства. Статус государственной программы требовал определять в одном документе цели, ключевые ориентиры, плановые показатели развития отрасли, а также набор обязательств государства по их поддержке. Одним из основных механизмов реализации национального проекта «Развитие АПК» и первой госпрограммы на 2008–2012 гг. была поддержка кредитования, на которую приходилось более двух третей всех выделяемых субсидий. Непосредственной привязки выделяемых субсидий к отдельным отраслям не было, они выделялись на строительство и реконструкцию объектов, приобретение материально-технических ресурсов. Механизм взаимодействия центра (Министерства сельского хозяйства России) и регионов строилось на основе рассмотрения заявок регионов на предоставление федеральных субсидий. Предложения регионов формировались исходя из заявок организаций региона, заинтересованных в получении дополнительных средств для своего развития.

Наиболее проблемные отрасли – молочное и мясное скотоводство – не были включены в число приоритетов федерального уровня (раздел «Развитие приоритетных отраслей»). Их поддержка с 2009 г. оказывалась в основном через «региональные экономически значимые программы развития сельского хозяйства», обязательства по выполнению которых фиксировались в соглашениях регионов с Минсельхозом России. Новый механизм был введен для усиления отраслевой направленности и комплексности планирования. В госпрограмме на 2013–2020 гг. он стал основным. Главное преимущество механизма состояло в том, что средства федерального бюджета выделяли не на отдельные инвестиционные проекты предприятий, а на региональную отраслевую программу в целом. На конкурс первоначально было представлено 56 региональных программ по развитию молочного животноводства, 31

программа по развитию мясного скотоводства, а также небольшое количество программ других типов (всего предусматривалась возможность поддержки из федерального бюджета по пяти направлениям). Важным условием выделения федеральных средств было софинансирование из региональных бюджетов.

Несмотря на то, что были подготовлены методические рекомендации по разработке региональных экономически значимых программ [10], большая часть регионов оказалась не в полной мере готовой к реализации программ как в нормативно-правовом аспекте, так и ресурсного обеспечения мероприятий. При этом некоторые из региональных программ заслужили признание экспертов, были оценены и представлены как образцовые [11].

Оценка степени успешности выполнения региональных экономически значимых программ важна по той причине, что диалог между центром и регионами с целью согласования интересов страны в целом и регионов с их специфическими конкурентными преимуществами в таком или похожем формате будет воспроизводиться постоянно. Проведенный анализ показывает, что во время действия первых экономически значимых программ имела место сильная региональная дифференциация в эффективности использования бюджетных средств и выполнения обязательств заключенных соглашений. Наблюдалась рассогласованность в оценке важности приоритетов по разным критериям. Например, для федерального бюджета (эффективность единицы вложенных бюджетных средств) наиболее выгодно было поддерживать группу регионов с наивысшими показателями прироста продуктивности по надоям молока на 1 корову. По критерию прироста производства региональные программы размещения средств федерального бюджета были ориентированы на приоритетную поддержку организаций с потенциально высокими темпами роста производства, имеющих, как правило, средний и невысокий уровень продуктивности животных.

Одним из основных недостатков на этом этапе развития программно-целевого управления стало чрезмерно большое число мероприятий, слабо увязанных друг с другом в единую систему, что усложняло обеспечение сбалансированности целевых показателей с ресурсами. Следствием стало недовыполнение ключевых целевых показателей программ, несоблюдение сроков и объемов бюджетного финансирования, а также недостаточная мотивация и ответственность за результаты.

Новый уровень системности государственного воздействия на развитие отраслей агропродовольственного комплекса был обеспечен в госпрограмме на 2013–2020 гг. В ней были сформулированы более общие и масштабные цели, соответствующие статусу государственной программы. В целевых установках и структуре госпрограммы более полно отражены требования обеспечения продовольственной безопасности и продовольственной независимости, повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, сохранения земельных ресурсов и др. Новацией в госпрограмме на 2013–2020 гг. была большая ориентация на реализацию продуктового подхода. Были утверждены подпрограммы «Развитие подотрасли растениеводства, переработки и реализации продукции»; «Развитие подотрасли животноводства, переработки и реализации продукции». Эти подпрограммы отличались высокой степенью комплексности, в них включались мероприятия по развитию выделенных отраслей, их финансированию, кредитованию, страхованию и регулированию рисков. Самостоятельными подпрограммами были оформлены новые приоритетные направления («Развитие мясного скотоводства», «Поддержка малых форм хозяйствования», «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие»). На региональном уровне реализовывались программы как части федеральных. Например, в Саратовской области в 2016 г. финансировались мероприятия по подпрограммам «Развитие овощеводства открытого и защищенного грунта и семенного картофелеводства», «Развитие мясного скотоводства», «Развитие молочного скотоводства», «Поддержка племенного дела, селекции и семеноводства». В дальнейшем имело место некоторое ослабление «продуктового» подхода. Подпрограммы развития продуктовых подкомплексов объединили в одну подпрограмму «Развитие отраслей АПК». Мероприятия по кредитованию и финансированию в первоначальном варианте были изложены в отраслевых подпрограммах, в новом варианте

они выделены в двух подпрограммах: «Развитие финансового кредитной системы агропромышленного комплекса» и «Стимулирование инвестиционной деятельности».

В 2017 г. был введен новый механизм реализации госпрограммы, касающийся распределения субсидий из федерального бюджета. Минсельхоз России стал доводить до регионов «единую» (консолидированную) субсидию и определять приоритетные направления ее использования. Целевая направленность «единой» региональной субсидии состоит в содействии достижению показателей региональных программ развития АПК. Регионы, исходя из имеющихся и выделенных средств из федерального бюджета на условиях софинансирования, определяют целевые показатели своих программ и заключают соглашения с Министерством, в которых берут обязательства по их достижению. Методические рекомендации, регламентирующие взаимодействие центра и регионов по согласованию федеральных и региональных целей и интересов, основаны на возможности самостоятельного определения регионами видов деятельности из предлагаемого федеральным центром списка, поддержка развития которых будет софинансироваться из федерального бюджета [12]. Субъект Российской Федерации из приоритетных направлений, определенных в соответствии с Методикой, выбирает не менее трех приоритетных направлений, достижение показателей по которым обеспечивается регионом в приоритетном порядке. Как правило, регионы с развитой аграрной сферой выделяют много приоритетных направлений. Например, Ростовская область определила 13 направлений из всех четырех предложенных групп приоритетных направлений, Республика Татарстан – 11, Тамбовская область – 10, Воронежская область – 9 направлений. Краснодарский край остановился на четырех направлениях. Саратовская область выбрала 8 направлений: производство зерновых и зернобобовых культур; развитие племенного животноводства; развитие элитного семеноводства (в рамках обеспечения продовольственной независимости Российской Федерации); поддержка мясного скотоводства; поддержка овцеводства и козоводства; поддержка многолетних насаждений (в рамках сохранения и развития традиционных для субъекта Российской Федерации видов производства сельскохозяйственной продукции); поддержка крестьянских (фермерских) хозяйств; поддержка сельскохозяйственных потребительских кооперативов для развития материально-технической базы (в рамках развития малых форм хозяйствования). Саратовская область, как и большинство других регионов, не выбрала направление по страхованию рисков в растениеводстве и животноводстве. Представляется, что избыточное количество направлений, обозначаемых регионами в качестве приоритетных, не способствует формированию их конкурентной специализации.

Многие проблемы организационно-экономического механизма государственного управления на основе госпрограмм являются следствием попытки совмещения двух противоположных подходов к их функциональному предназначению. Одной из главных целей внедрения госпрограмм в практику государственного управления являлась увязка бюджетного и стратегического планирования [13]. С одной стороны, госпрограммы являются средством распределения расходной части бюджетной системы Российской Федерации и, с другой – «основным документом стратегического планирования в сфере планирования и программирования» [14]. Госпрограммы постепенно утрачивают признаки инструмента стратегического планирования (процесса, допускающего определенную гибкость и проблемно-ориентированный подход к программированию социально-экономического развития) и во всё большей мере становятся инструментами управления расходами в соответствии с принципами программно-целевого бюджетирования. Потребность в большей гибкости и динамичности программно-плановой деятельности во многом обусловила интерес к альтернативным «проектным» методам. Использование «проектного» подхода позволяет усилить проблемно-ориентированный характер госпрограмм, их нацеленность на решение конкретных приоритетных задач развития. Важно то, что принципы, на которых основан проектный подход, определяют идентификацию проблем, требующих программной проработки, как отправную точку плановой деятельности. Предполагается, что таким образом можно преодолеть недостатки бюджетного процесса с его высокой степенью инерционности и жесткости, расширить возможности госпрограмм как инструментов реализации стратегических планов развития.

Расширение зоны использования технологий проектного финансирования в рамках программно-целевого планирования является для практики российского государственного управления относительно новой задачей, а главные сложности связаны с выбором приоритетов разного уровня, согласованием интересов, обеспечением методологического сопровождения реализации проектов. Проектный подход позволяет четче формулировать приоритеты и планировать их более полное ресурсное обеспечение. Расширение практики использования проектного подхода позволит обеспечивать ведущую роль государства в целеполагании и активное задействование инструментов частно-государственного партнерства при сохранении координирующей роли государства. В 2017 г. была разработана нормативная база для внедрения пилотных госпрограмм. Утверждено Постановление Правительства «О разработке, реализации и об оценке эффективности отдельных государственных программ Российской Федерации» [15].

С 2020 г. Минсельхоз России предполагает изменить систему мер по государственной поддержке сельского хозяйства на региональном уровне. Три действующие вида поддержки (субсидии на молоко, несвязанная, «погектарная», поддержка и единая субсидия) будут соединены в один вид с разделением на две части – компенсирующую и стимулирующую. Компенсирующая часть предполагает предоставление бюджетных ассигнований на поддержание доходности сельхозтоваропроизводителей (будут компенсироваться выпадающие доходы и распределяться как и в настоящее время – по гектарам площади и литрам произведенного молока). Стимулирующая будет направляться для софинансирования расходов регионов на перспективные направления развития их агропродовольственных систем. На федеральном уровне формируются перечни перспективных направлений, а регионы в соответствии со своими климатическими условиями и социально-экономическими возможностями выбирают ограниченный набор направлений специализации. Соотношение компенсирующей и стимулирующей частей субсидии регионам будет меняться в пользу второй из них. Такой подход не является новым, но использование принципов проектного финансирования обуславливает большую жесткость требований к бюджетной эффективности выделяемых ресурсов. Предлагаемые изменения потребуют нового качества взаимодействия федеральных и региональных уровней управления. На ближайшие три года в рамках госпрограммы такими перспективными направлениями являются молочное животноводство, производство крупного рогатого скота, овцеводство, в растениеводстве – производство зерновых и зернобобовых культур, масличных, а также расширение виноградников, садов.

Переход от этапа с задачами обеспечения роста объемов производства до установленных параметров продовольственной независимости к этапу сбалансированного эффективного роста обуславливает необходимость совершенствования форм и механизмов государственной поддержки. Логика и сценарии дальнейших изменений связаны с необходимостью обеспечения целостности и сбалансированности развития многоотраслевой агропродовольственной системы, повышения степени интегративности экономического пространства за счет интенсификации межрегиональных связей, формирования конкурентной специализации регионов, эффективного встраивания в глобальные цепочки создания стоимости.

Направлениями перехода к регионально дифференцированной государственной политике, нацеленной на обеспечение рациональной территориальной специализации сельскохозяйственного производства и учитывающей изменение позиционирования национального АПК в мировой агропродовольственной системе, являются использование в качестве основного критерия дифференциации государственной поддержки соответствие выделяемой помощи агроклиматическому потенциалу региона; повышение роли мер, направленных на содействие росту интегративности экономического пространства; постепенная переориентация программ поддержки сельскохозяйственного производства на программы комплексного развития сельских территорий; стимулирование развития перспективных территориально-хозяйственных систем – зон опережающего развития (зон гарантированного производства сельскохозяйственной продукции; конкурентоспособных кластеров и ряда других форм); более активное использование балансового и нормативно-ресурсного подходов к обоснованию размеров государственной поддержки в региональном разрезе. В процедурах ранжирования

и отбора региональных проектов предлагается использовать метод анализа иерархий, соответствующий большинству требований решения задач многокритериального выбора.

Для роста интегративности экономического пространства страны и эффективности цепочек создания добавленной стоимости важным является наличие качественной логистической инфраструктуры. Особое внимание требуется уделять формированию взаимосвязанной системы региональных инфраструктурных агрологистических объектов, включающих в себя агрологистические центры коллективного пользования, оптово-распределительные центры, агропромышленные парки, объединяющие логистические и производственные мощности.

Рост экспортного потенциала агропродовольственного комплекса России требует формирования новой модели встраивания в глобальные цепочки добавленной стоимости, содержательной стороной которой должно стать обеспечение выхода на более высокий уровень производственной кооперации с формированием национальных межотраслевых сегментов глобальных воспроизводственных систем. Государственная поддержка расширения возможностей для экспорта является важным условием растущего коммерческого присутствия национального бизнеса на мировом рынке. Качественно новый этап развития должен характеризоваться не просто ростом экспортных операций, а выходом на более высокий уровень производственной кооперации с формированием национальных межотраслевых сегментов глобальных воспроизводственных систем. Важной современной тенденцией в мировом разделении и кооперации труда является движение в направлении формирования институционально однородной среды на территории тех стран, которые входят в интеграционные объединения. Институционально однородная среда создает равные условия для бизнеса с точки зрения защиты прав собственности, с точки зрения конкуренции и защиты интеллектуальных прав, а также доступа на рынки. Формирование институционально однородной среды важно для углубления интеграции между государствами – членами ЕАЭС. Для реализации экспортного потенциала необходима государственная поддержка комплекса мер, включающего снижение барьеров, решение вопросов сертификации продукции и ветеринарного контроля, маркетинговое сопровождение экспортеров и финансовую поддержку экспортных операций.

Заключение.

Фрагментарность и несбалансированность ряда национальных цепочек создания стоимости требует достраивания недостающих звеньев и формирования вертикальных связей, притока инвестиций в отрасли комплекса. Основными направлениями структурной модернизации агропродовольственного комплекса, осуществляемой через государственное программно-проектное управление, являются стимулирование формирования длинных технологических цепочек добавленной стоимости на основе вертикальной интеграции как ключевого условия обеспечения модернизации; поддержка деловой активности по критическим зонам в межотраслевых цепочках; содействие активизации инновационных процессов и обеспечение технологического суверенитета; защита от разрушающей конкуренции со стороны иностранных производителей, прежде всего, финальных стадий цепочек добавленной стоимости; учет региональных аспектов в реализации структурной политики в агропродовольственном комплексе, содействие формированию конкурентной специализации регионов на основе капитализации их конкурентных преимуществ, превращение их в фактор роста, расширение мер государственной поддержки развития территорий [16].

Повышению эффективности государственной поддержки будут способствовать рост объемов и диверсификация источников финансирования агропродовольственной сферы, активное использование программно-целевого принципа бюджетного планирования, проектно-программного управления, усиление роли балансового подхода к обоснованию приоритетов финансирования отраслевых и региональных проектов, расширение зоны взаимодействия федерального центра и субъектов РФ по совместному финансированию мер по развитию и регулированию рынков.

Список литературы:

1. Индексы продукции сельского хозяйства / Статкомитет СНГ. 2018. – URL: www.cisstat.com/rus/macro/mac4_an.pdf (дата обращения 01.06.2019).

2. Сергеев А.М. Наука в национальном развитии играет ключевую роль. Доклад на Общем собрании членов РАН 23–24 апреля 2019 г. – URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=3fbcd04-df64-4e96-bbcd-3c64f4e28288>. (дата обращения 01.06.2019).
3. Динамика инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах) в структуре ОК-ВЭД2 (КДЕС Ред. 2) / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/tab_din-OKVED.htm (дата обращения 01.06.2019).
4. Прямые инвестиции в Россию: операции по видам экономической деятельности / Центральный банк. – URL: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/08-dir_inv.xlsx (дата обращения 01.06.2019).
5. Сельское хозяйство России / МСХ РФ. Департамент экономики и государственной поддержки АПК. – М., 2018. – 55 с.
6. Об итогах деятельности Минсельхоза России за 2018 год / МСХ РФ. – URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/10c/10c6695082afd0ac0ea4b6e41fa3f6d9.pdf> (дата обращения 01.06.2019).
7. Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов / Официальный сайт Федерального казначейства: – URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheto/>; <http://www.roskazna.ru/upload/iblock/27b/otchet-ob-ispolnenii-kbrf-za-2018-god.zip> (дата обращения 01.06.2019).
8. Объемы финансирования и распределения средств на государственную поддержку АПК РФ / ФГБУ «Центр Агроаналитики». – URL: <http://gp.specagro.ru/region/rf/31/12/2018> (дата обращения 01.06.2019).
9. Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 г. N 588 (с изменениями и дополнениями). – URL: base.garant.ru/198991/
10. Методические рекомендации по подготовке экономически значимых программ развития сельского хозяйства субъектов Российской Федерации. – URL: http://mcx.ru/documents/document/v7_show/2394..htm (дата обращения 01.12.2018).
11. Образец экономически значимой региональной программы по развитию мелиоративных систем общего и индивидуального пользования на примере Саратовской области. – URL: http://mcx.ru/documents/document/v7_show/22146..htm (дата обращения 01.12.2018).
12. Перечни приоритетных направлений развития сельского хозяйства. – URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/f58/f581ba76af689389ec8e173c071f1dd5.pdf> (дата обращения 10.10.2018).
13. Об утверждении Программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года: Распоряжение Правительства РФ от 30.06.2010. N 1101-р (ред. от 07.12.2011) // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280803/
14. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017 N 507-ФЗ) // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280803/
15. О разработке, реализации и об оценке эффективности отдельных государственных программ Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 12.10.2017 № 1242 (ред. от 23.02.2018) // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280803/
16. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Управление структурными изменениями в агропродовольственном комплексе // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 1. – № 12. – С. 59–68.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Потапов А.П., к.э.н., ИАГП РАН

В статье проведено исследование реализации экономического механизма как одного из этапов повышения эффективности ресурсного потенциала аграрного производства. Выявлены факторы и приоритеты роста эффективности ресурсного потенциала, обоснованы механизмы их реализации в целях обеспечения продовольственной независимости и безопасности страны. Экономический механизм предусматривает реализацию таких направлений государственной аграрной политики, которые приведут к росту выхода продукции на единицу затрачиваемых ресурсов. На примере технической модернизации представлены этапы формирования экономического механизма повышения эффективности ресурсного потенциала аграрного производства.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, аграрное производство, эффективность, экономический механизм.

ECONOMIC MECHANISM OF IMPROVEMENT OF THE EFFICIENCY OF RESOURCE POTENTIAL OF AGRARIAN PRODUCTION

Potapov A.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

A study of the implementation of the economic mechanism as one of the stages of improvement of the efficiency of the resource potential of agricultural production is conducted. The factors and priorities for improvement of the resource potential efficiency have been identified, and mechanisms for their implementation have been substantiated in order to ensure food independence and national security. The economic mechanism provides for the implementation of such areas of state agricultural policy, which will lead to an increase in output per unit of resources expended. On the example of technical modernization, the stages of the formation of an economic mechanism to improve the efficiency of the resource potential of agricultural production are presented.

Keywords: resource potential, agricultural production, efficiency, economic mechanism

Введение.

Одной из актуальных задач современного развития экономики России является рост эффективности функционирования отраслевых комплексов. С теоретической точки зрения эффективность в сфере экономики представляет собой соотношение между достигнутым результатом и ресурсами, которые были использованы и обусловили получение данного результата, характеризующегося понятием эффекта. В качестве эффекта от функционирования любой экономической системы выступает тот или иной объем продукции в стоимостном или натуральном выражении, а в качестве ресурсов подразумевается вся совокупность различного рода ресурсов, которые были применены и позволили достигнуть результата. Совокупность ресурсов, используемых в процессе производства, характеризуется понятием ресурсного потенциала. Повышение эффективности обеспечивается реализацией стратегических направлений, целью которых является либо повышение выхода продукции при сохранении используемых ресурсов, либо снижение расхода ресурсов при сохранении получаемой продукции, либо одновременное сокращение объема ресурсов и рост выхода продукции.

Аграрное производство является одной из ключевых отраслей национальной экономики, так как обеспечивает выпуск продукции, необходимой для достижения продовольственной независимости и безопасности страны, а также формирует занятость в сельской местности, доходы бюджетов всех уровней, обеспечивает спрос на промышленную и энергетическую продукцию. Эффективность в аграрной сфере достигается посредством роста производства аграрной продукции с использованием возможно меньшего объема ресурсов (труда, земли, техники, удобрений и т.д.). Так как в получении аграрной продукции используют со-

вокупность взаимосвязанных ресурсов, то рост эффективности аграрного производства будет характеризоваться эффективностью использования его ресурсного потенциала. Повышение эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства представляет собой комплексную задачу, включающую теоретико-методологическое обоснование категории «эффективность» применительно к ресурсному потенциалу, выявление ключевых внутренних и внешних факторов роста эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства, определение приоритетов и обоснование стратегических направлений повышения эффективности использования ресурсов, реализацию предложенных направлений и приоритетов на основе выработки механизмов осуществления и внедрения необходимых мер государственной аграрной политики в сфере использования ресурсного потенциала. [1]

Экономический механизм применительно к аграрной сфере представляет собой способ воздействия государства на функционирование аграрного производства посредством последовательной реализации совокупности мер организационного и экономического характера, нацеленных на достижение установленных параметров динамики развития в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе.

Цель исследований.

Целью настоящей статьи является обоснование экономических механизмов повышения эффективности ресурсного потенциала аграрного производства для обеспечения продовольственной независимости России.

Методика исследований.

Повышение эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства реализуется на основе выработки и внедрения соответствующих механизмов государственной аграрной политики. Авторский методический подход к исследованию экономического механизма базируется на сложившейся в экономической науке системе взглядов на различные аспекты реализации механизмов применительно к аграрной сфере.

Проблема реализации экономических механизмов в аграрной сфере и в отдельных ее подкомплексах является предметом научных исследований многих ученых. Так, академик РАН А.И. Алтухов на примере зернового хозяйства в качестве основных составляющих организационно-экономического механизма выделяет программно-целевой подход к решению отраслевых проблем, государственную поддержку, системы кредитования и страхования, налоговую систему, законодательное обеспечение, развитие инвестиционной деятельности, стимулирование экспорта [2].

Ученые Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства трактуют экономический механизм АПК как систему отношений, в которой функционирует аграрная сфера экономики. От того, насколько он эффективен, зависят результаты вложения всех видов ресурсов и выполнение задач, стоящих перед обществом [3]. Экономический механизм включает в себя прямую и косвенную поддержку сельскохозяйственных производителей, регулирование ценовых отношений в АПК, системы кредитования, налогообложения, агрострахования.

Основные составные элементы экономического механизма АПК, представленные выше, выделяет и академик РАН И.Г. Ушачев. По его мнению, особенностью экономического механизма аграрной отрасли России является то, что он реализуется в основном через государственные программы развития сельского хозяйства, финансирование и изменение которых приводит к снижению государственной поддержки [4]. Таким образом, в России на государственном уровне механизм реализации программных, проектных и стратегических документов составляет суть экономического механизма отраслевого комплекса, в отношении которого действуют данные документы.

Механизм в экономике заключается в реализации совокупности предлагаемых мер. Важный признак механизма – это системность в реализации мер [5], так как несистемность приводит к разрозненности и несбалансированности мер и направлений, что влечет за собой снижение их эффективности.

Результаты исследований.

Обобщая сложившиеся в экономической науке точки зрения на содержание экономического механизма и учитывая объект исследования – ресурсный потенциал аграрного производства, можно охарактеризовать экономический механизм как последовательную реализацию совокупности мер государственной аграрной политики с использованием ее инструментов и направлений, нацеленных на повышение эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства для обеспечения продовольственной независимости и безопасности страны.

Экономический механизм повышения эффективности ресурсного потенциала аграрного производства основан на реализации таких направлений государственной аграрной политики, которые приводят к росту отдачи от имеющихся в наличии ресурсов и повышению выхода продукции на единицу использованного ресурса. В качестве приоритетных направлений роста эффективности ресурсного потенциала необходимо выделить следующие:

1. Достижение сбалансированности ресурсного потенциала аграрного производства по всей совокупности ресурсов с учетом структуры ресурсов, их качества, соответствия ресурсного потенциала производственным потребностям аграрной сферы при соблюдении прогрессивных нормативных значений взаимной обеспеченности трудовыми, земельными, материальными и финансовыми ресурсами. Это приведет к более полному использованию «критических» ресурсов, таких как квалифицированные трудовые ресурсы, высокопроизводительная техника, технологии, высокоурожайные сорта растений, высокопродуктивные породы сельскохозяйственных животных и ряд других, позволяющих достичь пропорций ресурсообеспеченности при ограниченном потенциале количественного роста ресурсного потенциала;

2. Обеспечение продовольственной независимости аграрного производства по его ресурсному потенциалу. В настоящее время импортная зависимость России в наибольшей степени сложилась не в сфере потребления продовольствия, а в ресурсном обеспечении аграрного производства, особенно в сфере семеноводства, селекции, применении тракторов, специализированной техники (например, свеклоуборочных комбайнов), средств защиты растений, племенного и генетического материала в животноводстве, информационных технологий;

3. Повышение частных показателей роста эффективности, отражающих степень использования и отдачи от отдельных видов ресурсов, – производительности труда, фондоотдачи, урожайности, продуктивности и т.д.;

4. Изменение структуры и снижение ресурсоемкости аграрного производства. Данное направление нацелено на повышение доли добавленной стоимости в структуре выпуска продукции аграрного производства и снижение доли ресурсных затрат (главным образом, на основные производственные ресурсы), а также на изменение структуры затрат в пользу ресурсов, повышающих отдачу от использования совокупного ресурсного потенциала.

Выделение приоритетов повышения эффективности требует определения соответствующего механизма их реализации. Формирование механизма реализации каждого приоритета включает несколько этапов: определение соответствующих одного или нескольких индикаторов; определение целевых значений выбранных индикаторов; определение мер регулирования, воздействия, создания необходимых условий; организация взаимодействия исполнителей и регулирующих государственных органов [6].

В структуре государственной аграрной политики, реализуемой через механизмы программных документов, представлены отдельные направления, которые приведут к росту эффективности ресурсного потенциала аграрного производства. К числу основных из них относятся техническая модернизация агропромышленного комплекса, цифровизация сельского хозяйства, развитие мелиорации, стимулирование научно-технического развития аграрной отрасли [7]. В качестве инструментов реализации предлагаемых направлений необходимо использовать механизмы государственной поддержки, кредитования, страхования и налого-

обложения, содействия инвестиционной деятельности, формирования и наращивания экспортного потенциала аграрного производства.

Механизм реализации одного из ключевых направлений роста эффективности ресурсного потенциала аграрного производства – повышения технического потенциала в соответствии с приведенными выше этапами реализации механизма включает в себя основные компоненты, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Содержание экономического механизма повышения эффективности ресурсного потенциала аграрного производства (на примере технической модернизации)

Этап реализации экономического механизма	Содержание этапа реализации экономического механизма *
I. Выделение индикатора(ов)	Коэффициент обновления техники в 2025 г.; количество техники, приобретенной при господдержке (в редакции Госпрограммы на 2013–2020 гг.)
II. Определение целевых значений индикаторов (коэффициент обновления техники)	По тракторам – 3,4%; по зерноуборочным комбайнам – 5,2%; по кормоуборочным комбайнам – 4,8%
III. Определение мер регулирования, воздействия, создания необходимых условий	Компенсация скидки производителей техники при ее реализации сельскохозяйственным предприятиям; кредитование через систему Россельхозбанка; расширение лизинга техники через механизмы Росагролизинга; региональные программы поддержки роста технической обеспеченности
IV. Организация взаимодействия исполнителей и регулирующих государственных органов	Контроль над реализацией направлений Госпрограммы; повышение финансирования основных мероприятий Госпрограммы; увеличение уставного капитала Росагролизинга; обеспечение сбалансированности по смежным направлениям ресурсообеспечения (подготовка квалифицированных кадров, технический сервис машин и оборудования); достижение сбалансированности федеральных и региональных программ и направлений поддержки роста технического потенциала

* – в соответствии с Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Одной из важнейших компонент экономического механизма повышения эффективности ресурсного потенциала аграрного производства в части его технической оснащенности является расширение системы лизинга. В 2019 г. была запущена обновленная программа обновления парка техники (ОПТ 2.0) через механизмы Росагролизинга. Данная программа предусматривает процентную ставку в размере 3% годовых при сроках лизинга до 7 лет с отсрочкой первого платежа на 6 месяцев. Позитивной стороной программы ОПТ 2.0 является отсутствие первоначального взноса при приобретении самоходных машин (тракторов, комбайнов, автомобилей сельхозназначения) и 10%-ный аванс при покупке несамоходной техники (навесного и прицепного оборудования). Система также не предусматривает необходимости гарантийного обеспечения [8].

Принимаемые в настоящее время меры по повышению технической оснащенности сельских товаропроизводителей и модернизации аграрного производства (субсидирование производителям техники скидки при ее реализации предприятиям аграрного сектора, кредитование через систему Россельхозбанка, лизинг через механизмы Росагролизинга) привели к формированию положительной тенденции сокращения темпов выбытия техники (табл. 2).

Таблица 2 – Динамика изменения парка основных технических средств в аграрном производстве России по годам [9, 10, 11]

Вид техники*	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Парк тракторов, тыс. ед.	276,2	259,7	247,3	233,6	223,4	216,8	211,9
Темпы выбытия тракторов, % к предыдущему году	–	6,0	4,8	5,5	4,4	3,0	2,3
Парк зерноуборочных комбайнов, тыс. ед.	72,3	67,9	64,6	61,4	59,3	57,6	56,9
Темпы выбытия зерноуборочных комбайнов, % к предыдущему году	–	6,1	4,9	5,0	3,4	2,9	1,2
Парк кормоуборочных комбайнов, тыс. ед.	17,6	16,1	15,2	14,0	13,3	12,7	12,3
Темпы выбытия кормоуборочных комбайнов, % к предыдущему году	–	8,5	5,6	7,9	5,0	4,5	3,1

* – по сельскохозяйственным организациям.

За время реализации программы по обновлению техники (2013–2018 гг.) [12] темпы количественного выбытия сократились по тракторам с 6,0% до 2,3% в 2018 г., по зерноуборочным комбайнам – с 6,1% до 1,2%, по кормоуборочным комбайнам – с 8,5% до 3,1%. Таким образом, за счет реализации механизмов технического обновления аграрного производства удалось преодолеть многолетнюю тенденцию выбытия техники, а также повысить уровень технического потенциала, связанный с введением в эксплуатацию более новой и качественной техники, что позволяет сократить количественную потребность при использовании машин и оборудования.

В целом механизм реализации вышеуказанных направлений повышения эффективности ресурсного потенциала включает в себя федеральные и региональные программы по соответствующим сферам деятельности (научно-техническое развитие АПК, инновационная деятельность, расширение экспорта), проекты, нацеленные на реализацию конкретных направлений аграрного производства (например, инвестиционная деятельность, техническая модернизация), а также мониторинг эффективности использования отдельных видов ресурсов.

Заключение.

Повышение эффективности ресурсного потенциала аграрного производства предполагает не только теоретико-методологическое обоснование эффективности применительно к ресурсному потенциалу, но и определение факторов и приоритетов роста эффективности, а также соответствующего экономического механизма реализации приоритетных направлений роста эффективности. Экономический механизм повышения эффективности ресурсного потенциала представляет собой комплекс мер экономического и организационного характера, нацеленных на реализацию ключевых направлений государственной аграрной политики в целях роста выхода продукции с единицы затрачиваемых и используемых ресурсов для обеспечения продовольственной независимости и безопасности страны. Реализация экономического механизма должна включать в себя ряд последовательных этапов – от установления соответствующих индикаторов до контроля над практическим осуществлением указанных приоритетных направлений. Важной задачей государственной аграрной политики также является обеспечение сбалансированности применяемых механизмов как этапов в реализации программ, что приведет к достижению сбалансированности по всем видам ресурсов в структуре ресурсного потенциала аграрного производства, к повышению эффективности использования совокупного ресурсного потенциала.

Список литературы:

1. Потапов А.П. Обоснование приоритетных направлений повышения эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 1. – URL: <http://iagpran.ru/journal.php?tid=726>
2. Алтухов А. Совершенствование организационно-экономического механизма зернового хозяйства и рынка зерна в России // АПК: экономика, управление. – 2014. – № 8. – С.3–13.
3. Экономический механизм АПК в условиях импортозамещения / Н. Борхунов // Экономика сельского хозяйства России. – 2015. – № 10. – С. 45–51.

4. Ушачев И. Основные направления Стратегии устойчивого социально- экономического развития АПК России // АПК: экономика, управление. – 2017. – № 6. – С. 4–24.
5. Хлыстун В.Н., Алакоз В.В. Механизмы включения неиспользуемых земель в сельскохозяйственный оборот // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2016. – № 11. – С. 38–42.
6. Андрющенко С.А. Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – № 2. – С. 34–38.
7. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы // Справочно-правовая система «Гарант». – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70210644/paragraph/1:0>
8. Программа обновления техники 2.0 // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://mcx.ru/docs/35015>
9. Россия в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 511 с.
10. Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 522 с.
11. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 549 с.
12. Об утверждении Правил предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники: Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1432 // Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1432. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140130

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ФОРМ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Пашков В.П., к.э.н., ИАГП РАН

Рассматриваются экономические и правовые аспекты в механизме государственного управления, содержание понятий «государственное управление» и «общественный процесс». Анализируется структура форм земельной собственности на землях сельскохозяйственного назначения в России. Сделан вывод о том, что наличие в ней земельных долей, занимающих большую часть пашины, отрицательно сказывается на состоянии земельного фонда и развитии отрасли.

В настоящее время в России во многих сферах жизнедеятельности вводятся законы и подзаконные акты, скопированные с западноевропейских и не соответствующих российским реалиям. Подчеркивается, что при использовании государством нормативных актов нельзя забегать вперед или вводить чужеродные, не работающие законы. Право может стимулировать экономическое развитие, когда для него созданы необходимые не только политические, но и экономические условия.

Ключевые слова: государственное управление, общественный процесс, структура форм земельной собственности.

MANAGEMENT OF THE PROCESS OF THE FORMATION OF PUBLIC STRUCTURES OF LAND TENURE

Pashkov V.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

They are considered the economic and legal aspects in the mechanism of public administration, as well as the content of the concepts of “public administration” and “social process”. The structure of agricultural land tenure in Russia is analyzed. It was concluded that the presence of land shares in it, which occupy most of the arable land, adversely affects the state of the land fund and the development of the industry.

At present, in Russia laws and by-laws are copied from Western European and do not correspond to Russian realities. It is emphasized that when using the state regulations, it is impossible to introduce alien, not working laws. Law can stimulate economic development when the necessary political and economic conditions are created.

Keywords: public administration, social process, structure of land tenure.

Введение.

В современном земельном законодательстве России в отдельных статьях законов используются логически и теоретически противоречивые понятия, как «управление земельными ресурсами», «оборотоспособность земельных участков» и др. Равнозначимые понятия используются и в ряде международных документов, например, в ФАО ООН (Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций). Необходимо провести соответствующий анализ данных понятий, используемых в отечественной правовой практике, с целью выработки рекомендаций по их исправлению.

Цель исследований состоит в доказательстве необходимости совершенствования существующего в России земельного законодательства, введения поправок и исправлений отдельных используемых в нем правовых понятий.

Методология исследований заключается в использовании отдельных принципов диалектического метода классической экономической теории: соотношение общего и особенного, парность, однопорядковость и противоположность явлений и научных понятий о них и др. Используются методы классической экономической теории

Результаты исследований.

1. Экономические и правовые аспекты в механизме государственного управления

В России в ее законодательстве понятие «управление» используется практически ко всем возможным объектам воздействия без разделения их на движимые и недвижимые, подпадающие прямому воздействию или только косвенному. Например, Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации во всех его изданиях формулирует название темы как «Обеспечение управления земельными ресурсами в Российской Федерации» [1, с. 84].

В создании данного документа принимала участие не только Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, но такой важный орган государственного управления как Министерство экономического развития Российской Федерации.

В настоящее время совершенствованием поземельных отношений в мире вынужденно начала заниматься организация ФАО при ООН, которой принят законополагающий документ – «Добровольные руководящие принципы ответственного управления владением и использованием земельными ресурсами в контексте национальной продовольственной безопасности» [2, с. 13]. Он был одобрен Комитетом по всемирной продовольственной безопасности 11 мая 2012 г. на заседании тридцать восьмой (специальной) сессии ФАО с участием 700 человек из 133 стран, представлявших научные круги практически всего мира. «Руководящие принципы» опираются на такие международные правовые документы, как «Цели в области развития», сформулированные в «Декларации тысячелетия», посвященные правам человека и правам владения и пользования. В документе признается факт «существования различных моделей и систем управления природными ресурсами в различных национальных контекстах» и предлагается всем государствам, там, где это целесообразно, создавать гражданам условия по доступу к земле посредством введения и управления «системами владения и пользования землей».

В данном докладе ФАО используются следующие родственные понятия: «управление почвами», «улучшение управления почвой», «устойчивое управление водными и земельными ресурсами», «управление растениеводством». По мнению автора, необходимо провести сложную, кропотливую работу по устранению разночтений в действующих правовых понятиях путем использования постулатов экономической теории, это касается, прежде всего, понятий, противоречащих ее требованиям.

В реальности управлять прямо недвижимым объектом не в состоянии ни один и никакой субъект, никакой орган или система органов власти. Управлять непосредственно или прямо возможно лишь особым объектом, обладающим либо способностями либо свойствами к движению в тех или иных его формах. Объект, не обладающий такими способностями или свойствами, не может реагировать на сигналы или команды по изменению своего положения в пространстве относительно других объектов, он не может сам двигаться или передвигаться. Поэтому подобные неподвижные объекты в теории называются недвижимыми. Однако такие объекты могут передаваться одними субъектами другим в различные формы собственности, владения, пользования, распоряжения, аренды и др. При таких общественных актах отношений между собой различных субъектов недвижимые объекты в пространстве всегда остаются на одном и том же месте, но их общественное положение относительно тех или иных субъектов изменяется. В результате получается, что в системах общественных отношений между субъектами возникает как бы иррациональная форма движения неподвижных объектов между субъектами.

Земля является недвижимым имуществом и обладает лишь свойствами, но не обладает способностями живого существа. Тем не менее в Земельном кодексе Российской Федерации ст. 27 называется: «Ограничения оборотоспособности земельных участков» [3]. Текст данной статьи необходимо исправить по обеим составным частям термина «оборотоспособность», а именно: по части «оборот» и по части «способности». Земля не обладает никакими способностями, она имеет многие свойства, но не способность к обороту.

Понятие «процесс» вошло в современную научную терминологию, будучи заимствованно из латинского языка – *processus*, в переводе с которого означает «ход», «продвижение».

Большой Российский энциклопедический словарь дает понятию «процесс» несколько толкований: «1) последовательная смена явлений, состояний в развитии какого-либо явления; 2) совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата (например, производственный процесс); 3) совокупность действий, повторяемых во времени, с конкретным началом и концом».

Данное понятие можно понимать как деятельность субъекта в определенной функциональной последовательности, т.е. как последовательное выполнение ряда функций в настоящее время, его можно трактовать и исторически как деятельность субъекта в исторической последовательности применительно к объектам исследования. В.И. Ленин в работе «Карл Маркс» писал: «Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций (выделено автором – В.П.), рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства ...» [5, с. 43–93]. В данном контексте формации рассматриваются как объект исследования, изменяющийся в процессе их возникновения, развития и упадка.

У государства имеется множество способов воздействия, механизмов управления общественными процессами. Применительно к земле теоретически простая формула такова: государство как субъект отношений – общественный процесс отношений – земля как объект отношений.

В настоящее время государство в России в большинстве сфер материального производства не является собственником средств производства, в том числе земли. Но право насильственного воздействия с целью изменения общественных процессов у него осталось. Несомненно, что при использовании государством правовых механизмов нельзя забегать вперед, вводить не работающие нормы. Право может содействовать экономическому развитию только тогда, когда для него созрели необходимые экономические условия [6, с. 761]. Сегодня в России во многих сферах производства вводятся законы и подзаконные акты, слепо скопированные с функционирующих в западноевропейской практике и не соответствующих отечественным реалиям.

Можно ли считать современную Россию развитым государством? Запад относит ее к числу развивающихся стран. Уровень развития отечественных производительных сил не позволяет проводить реформы, аналогичные реформам в развитых странах Запада, вводить правовые нормы, успешно действующие в них: непременно должны учитываться не только уровень достигнутых производительных сил, но и правовая культура населения и ментальность россиян в целом.

Для изменения старой структуры форм земельной собственности и формирования новой важно изменить в определенной степени существующее государственное право физических и юридических лиц как субъектов по изменению отношений владения, пользования и распоряжения объектами поземельных отношений.

При этом следует различать отдельные акты, действия государства и систему его действий, которую можно назвать государственным управлением.

2. Содержание понятий государственное управление и общественный процесс

Государственное управление это системная совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенных результатов.

Общественный процесс – это система взаимодействий частных субъектов. Государственное управление общественным процессом представляет собой систему действий государства, направленных на изменение, реформирование системы действий частных субъектов.

Государство как субъект государственной собственности и как обособленный субъект управления государственными предприятиями вступает в экономические отношения с частными организациями. Поэтому государственное управление включает в себя еще и функцию

урегулирования существующих экономических отношений между государством и частными организациями, предприятиями. Поэтому содержание понятия общественный процесс с учетом этой функции расширяется и обогащается.

В настоящее время частные, ранее обособленные друг от друга физические и юридические лица как представители предприятий и организаций объединяются. Они создают крупные организации, союзы, ассоциации, которые предъявляют определенные претензии к государству, выдвигают свои предложения при выстраивании отношений с государством. Так, в стране возникло фермерское движение со своей организацией АККОР. Крупные союзы, ассоциации предприятий и организаций являются сегодня частными структурами с требованиями и предложениями к государству не только экономическими, но и политическими.

В управлении общественным процессом необходимо учитывать и векторные тенденции исторического развития, которые могут указывать на регресс, на устойчивость (стабильность) и на прогресс.

Существуют различные процессы: общественные и частные, исторические и функциональные. Они всегда связаны с отношениями между субъектами, с их развитием либо застоем, либо упадком; с различными движущими силами: общественными и частными, производственными и разрушительными, экономическими и внеэкономическими и рядом других, а также с насилием и подчинением (либо на основе добровольного согласия, либо на основе принуждения), с этическими и нравственными нормами, с правом государственным и внегосударственным, с выгодами и потерями, с доходами и расходами, с поощрением и наказанием и т.п.

Основы теории государственного управления были заложены в трудах теоретика классической политической экономии А. Смита, его исходная идея – это превосходство интересов индивидуальных над коллективными. Он писал о том, что «не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах и об их выгодах».

А. Смит, исходя из тезиса о способности рыночной системы общественных отношений к саморегулированию, сделал вывод о возможности и разумности минимального вмешательства, воздействия государства на такие отношения.

Основы научного управления предприятием заложены в работах Ф. Тейлора (1856–1915) и последователей его школы. Американский ученый сформулировал тезис о том, что главная причина низкой производительности кроется в несовершенной системе стимулирования рабочих. Он разработал систему различных стимулов как моральных, так и денежных, которая, по мнению Тейлора, представляет собой важный принцип эффективного управления работниками на предприятии. Последователи школы Ф. Тейлора считали, что, используя наблюдения, замеры, логику и анализ, можно усовершенствовать, улучшить выполнение многих операций ручного труда работников.

Государство представляет собой особый субъект управления, его функции многообразнее и сложнее функций субъекта управляющего предприятием. Во-первых, оно может воздействовать на каждое предприятие и на все объекты общества как косвенно, так и прямо. Косвенное воздействие на объекты осуществляется через воздействие на общественный процесс отношений между различными социально-экономическими группами или классами. Известно, что понятие классов общества и его основных единиц впервые ввел А. Смит. Это наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники. А В.И. Ленин дал строго научное определение социально-экономических классов. Согласно его точки зрения, классы – это «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства» [7, с. 15].

В управление общественным социально-экономическим процессом входит составляющей частью и воздействие государства на общественные отношения между различными социально-экономическими группами.

Согласно авторскому подходу воздействие государства на предприятия в таком процессе определяется с целью ведения предприятия к достижению определенных заранее результатов. При этом достижением может считаться скорость или продолжительность движения во времени, выход на запланированные объемы производства, уровень затрат, степень использование имеющихся в стране ресурсов и др.

Таким образом, в системе управления для государства из множества объектов управления существуют два наиболее важных: это обособленные друг от друга социально-экономические группы людей или классы и обособленные друг от друга предприятия – производители материальных благ. Социально-экономические группы людей или составляющие их классы, вместе взятые, представляют собой гражданское общество. В связи с этим необходимо различать государственное управление гражданским обществом и государственное управление производственными предприятиями. Такому подходу соответствует и подход Ф. Энгельса, который выделял два вида управления. Это «управление людьми» и «управление вещами».

Конкретные поименно обозначенные лица государства не могут входить в абстрактную структуру управления социально-экономическими группами, в нее входят только общие правила в форме государственных актов, которые определяют поведение всех лиц, в том числе административных структур.

Система управления должна обеспечивать скорость, точность, порядок, определенность, непрерывность и предсказуемость изменений в отношениях, поведении социально-экономических групп.

По признакам выделения той или иной социально-экономической группы и тех или иных предприятий производства как объектов управления единый общественный социально-экономический процесс может подразделяться на множество его составных частей, как и на множество единичных составных процессов. При таком подходе можно выделять отдельно общественный процесс формирования структуры форм земельной собственности на землях сельскохозяйственного назначения и управление им.

Одна из функций государства состоит в выполнении прав и обязанностей собственника. Но оно само является прямым собственником определенной части имеющихся у общества средств производства, том числе и земли. В этом случае государство признается полноправным собственником, т.е. равным по правам и обязанностям частным собственникам. По существу в этом случае государство выступает частным собственником, а государственная собственность является частной государственной собственностью. И в этом случае государство может использовать любые разрешенные законами методы хозяйственного использования своей земли, в том числе административные. Эти методы могут отличаться от методов используемых частными физическими и юридическими лицами.

Национализация и приватизация земли, купля и продажа государством земли входят составной частью в управление общественным социально-экономическим процессом, в том числе и в процесс изменения и формирования структуры форм земельной собственности на землях сельскохозяйственного назначения.

На землях государственной собственности правила, порядок руководства производством на земле определяют не только общие государственные законы, но и дополнительные процедуры и правила, вводимые государством. Они определяют виды деятельности, профессиональный рост и служебную карьеру работников, конкретные решения и деятельность руководства предприятий.

Земля как средство производства имеет свои особенности.

Во-первых, она, в отличие от других средств производства, может использоваться неограниченно во времени. Однако ее плодородный слой имеет свойство истощаться и его восстановление требует больших затрат.

Во-вторых, происхождение земли является «природным», а не искусственным, созданным трудом человека.

В-третьих, земля не поддается перемещению, переводу из одной отрасли производства в другую, с одного предприятия на другое, с одного места на другое, т.к. недвижимая.

В-четвертых, земля, используемая в сельском хозяйстве, может терять свои плодородные свойства (изнашиваться), но может и улучшать эти свойства, повышать продуктивность, производительность.

В-пятых, земля является ограниченным средством производства, поэтому частные собственники, владельцы земельных участков получают определенные преимущества не только перед простыми пользователями-арендаторами, но и перед собственниками средств производства в других отраслях. По причине ограниченности и связанного с ней частной собственностью на землю возникают особые экономические отношения – институт абсолютной земельной ренты.

Спрос на землю в сельском хозяйстве зависит от платежеспособного спроса населения на продовольствие. Но количественно физический спрос на основные продукты питания слабо изменяется даже в случаях значительного повышения цен на продукты, т.к. население готово экономить на всем кроме продовольствия как по физиологическим причинам, так и по укоренившимся привычкам.

Рост предложения продовольствия произведенного внутри страны ведет к росту спроса на землю и цен на нее. Рост импорта более дешевого продовольствия ведет к падению спроса на нее, выводу из использования и даже сбросу.

Представителями классической экономической теории сделан вывод о том, что в развитии социально-экономических систем важную роль играют формы собственности на средства производства, в том числе на землю, их структуры, которые являются, историческими, т.е. изменяющимися. На одних этапах истории они могут быть прогрессивными, тогда как на других – регрессивными. Всё зависит от уровня развития производительных сил. Переход на путь наименее зигзагообразного исторического развития предполагает и переход от старой к новой структуре форм собственности на землю с определением в ней основных и не основных форм, т.е. ведущих и ведомых. Развитие ведущих стран мира проходит по линии постоянного и всё большего ограничения прав частной собственности на средства производства, в том числе на землю. Эта форма в данных странах к настоящему времени превратилась из некогда ничем не ограниченной, т.е. абсолютной формы владения, пользования и распоряжения в форму относительно формальную. Частный собственник земли в этих странах в своих действиях ограничен государством через механизм активно работающих законов и подзаконных актов.

Ряд стран идет своим индивидуальным путем. Например, в Китае и Белоруссии укрепляется и развивается государственная собственность на землю. В этих странах использование земли является одним из самых высокоэффективных.

Несомненно, что Россия может отказаться от бесперспективного для нее копирования опыта развитых стран и использовать опыт Китая и Белоруссии. При этом она должна переосмыслить место и роль в развитии экономики страны как государственной формы собственности на землю, так и частной и перейти к формированию новой структуры ее форм.

Практика осуществления в сельском хозяйстве России купли-продажи земли в 90-е годы прошлого века свидетельствует об ошибочности курса земельной и в целом аграрной реформы, в том числе попыток использовать опыт развитых стран, и соответственно перенести на национальную почву формы собственности на землю и отношения по их экономической реализации. Концепция реформы исходила из того, что на селе в будущей рыночной экономике место исключительной государственной собственности на землю займет преимущественно частная собственность граждан и юридических лиц. Прошедший более чем 25-летний период земельной реформы в сельском хозяйстве – это время постоянной (перманентной) приватизации государственной собственности на землю и формирования структуры форм собственности в составе преимущественно частной собственности физических лиц

(граждан) и юридических лиц (организаций, предприятий), а также государственной и муниципальной собственности.

Концепция реформы не была отработана с учетом аграрного опыта страны в прошлом, не учитывались и достижения классической экономической науки. Игнорирование реальных фактов, мировых тенденций и закономерностей истории, к сожалению, стали характерными составляющими концепции либеральной земельной реформы в России..

Реальная долговременная история введения купли-продажи земли и «фермеризации» России в 90-е годы говорит об ошибочности концепции и курса земельной и в целом аграрной реформы. В настоящее время в России, несмотря на господство частной собственности на важнейшие сельскохозяйственные угодья (пашня, сенокосы и пастбища), земельные отношения не способствуют эффективному развитию отрасли: четверть отечественных сельскохозяйственных угодий не используется. Положение в сельском хозяйстве в сфере земельных отношений ухудшилось в сравнении с дореформенным временем. Можно утверждать, что земельная реформа в стране потерпела неудачу.

3. Структура форм собственности на землях сельскохозяйственного назначения в России

Площадь земель сельскохозяйственного назначения с на 1 января 2018 г. составила 383227,7 тыс. га. В сравнении с 2017 г. площадь земель уменьшилась на 384,3 тыс. га.

Общественно-экономическая структура данных земель представлена в таблице. Площадь сельскохозяйственных угодий в составе категории земель сельскохозяйственного назначения составила 19 7785,1 тыс. га, а несельскохозяйственных угодий – 185 442,6 тыс. га. Более 54% (101 364,1 тыс. га) несельскохозяйственных угодий категории составляли земли, предоставленные и предназначенные для северного оленеводства.

Общая площадь земель сельскохозяйственного назначения, находящихся во всех формах частной собственности, составила 127 767,8 тыс га, в том числе в общей (долевой и совместной) – 85 558,6 тыс га. В частной собственности граждан находилось 108 514,0 тыс га таких земель. В частной собственности юридических лиц находилось 19 253,8 тыс га.

Из всех 7 категорий земельных участков России, находящихся в частной собственности (133 087,8 тыс. га), на долю земель сельскохозяйственного назначения приходилось 96,0% (127 767,8 тыс. га), из них 65,8% (84 123,5 тыс. га) составили земельные участки, находящиеся в праве общей собственности.

В собственности граждан находилось 108 514,0 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, из них 84 123,5 тыс. га (77,5%) составляли земельные доли, в том числе невосстребованные – 15 918,9 тыс. га; 90,7% земель, принадлежащих юридическим лицам, являлось собственностью сельскохозяйственных организаций, 8,6% (1653,2 тыс. га) – собственностью крестьянских (фермерских) хозяйств.

Крестьянские (фермерские) хозяйства использовали земли: на правах частной собственности – 29,1%, арендованные у государства и муниципалитетов – 37,6%, находящиеся в пожизненном наследуемом владении – 3,0%, в безвозмездном пользовании – 2,1%, земельные участки иных организаций и граждан – 28,2%. В целом структура собственности на земли, используемые ими такова: частная собственность этих хозяйств – 39,9%, государственная и муниципальная собственность – 60,1%.

Индивидуальные предприниматели, занимающихся сельскохозяйственным производством без образования крестьянского (фермерского) хозяйства использовали земли: на праве собственности – 34,8% , на праве аренды из земель государственной и муниципальной собственности – 41,0%, в пожизненном наследуемом владении – 0,5%, в безвозмездном пользовании – 0,4%, аренды от иных юридических и физических лиц – 23,3% (из них 89,3% составили земли из общей долевой собственности граждан.

Из всех земель сельскохозяйственного назначения находилось в собственности граждан 108 514,0 тыс. га (28,3% площади категории), в собственности юридических лиц – 19 253,8 тыс. га (5,0%), в государственной и муниципальной собственности – 255 459,9 тыс. га, или 66,7%. В собственности Российской Федерации находилось 6279,1 тыс. га, в собственности

субъектов Российской Федерации – 10642,5 тыс. га, в муниципальной собственности – 12895,3 тыс. га [8, с. 1].

В собственности граждан находилось 108 514,0 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, из них 84 123,5 тыс. га (77,5%) составляли земельные доли, в том числе невосстребованные – 15 918,9 тыс. га; 90,7% земель, принадлежащих юридическим лицам, являлось собственностью сельскохозяйственных организаций, 8,6% (1653,2 тыс. га) – собственностью крестьянских (фермерских) хозяйств (см. таблицу).

Таблица – Распределение земель сельскохозяйственного назначения
Российской Федерации по формам собственности на 01.01.2018 г., тыс. га

Категория земель	Общая площадь	В собственности граждан	В собственности юридических лиц	В государственной и муниципальной собственности	из них		
					в собственности РФ	в собственности субъекта РФ	в муниципальной собственности
Земельный фонд страны в землях всех категорий	1712519,1	112930,9	20156,9	1579431,3	988724,9	20906,7	13933,4
Земли категории сельскохозяйственного назначения	383227,7	108514,0	19253,8	255459,9	6279,1	10642,5	12895,3
В том числе: фонд перераспределения земель	43361,7	3,3		43358,4	570,1	1033,8	483,1

Составлено по данным: Сведения по форме 22 за 2017 год по Российской Федерации о наличии земель сельскохозяйственного назначения по формам собственности (на 01.01.2018 года, тыс. га). – М., 2019.

Социально-экономическая структура форм земельной собственности в сельском хозяйстве России «испорчена» более всего наличием в ней земельных долей, которые занимают значительную часть площади сельскохозяйственных угодий, особенно пашни. Тенденция сокращения их количества и их площадей наблюдается в течение всего пореформенного времени и составляет 2,5–3% в год. В 2011-2017 гг. площадь земельных долей, находящихся в частной собственности граждан, сокращалась в среднем по 2225,4 тыс. га в год. За шесть лет она уменьшилась на 13352,1 тыс. га и на 01 января 2018 г. составила 84123,5 тыс. га. Согласно прогнозу площадь земельных долей, находящихся в частной собственности граждан, по землям сельскохозяйственного назначения к 01 января 2025 г. может составить 68 545,7 тыс. га.

Земельные доли не только портят земельный фонд страны, но они сдерживают экономическое развитие сельского хозяйства. В тех районах, где выделены мелкие земельные участки в счет земельных долей, использование современной техники ограничено как и масштабы производства. В целом эффективность землепользования на малых площадях земли значительно уступает таковой на крупных площадях.

Поэтому эффективная структура форм земельной собственности в сельском хозяйстве предполагает отсутствие в нем земельных долей, т.е. освобождение отрасли от данного бремени.

В связи с этим необходимо в Закон об обороте Земель сельскохозяйственного назначения внести соответствующие изменения. Действующий закон обязывает органы местного самоуправления в кратчайшие сроки избавляться в различных формах (в основном через продажу) от имеющихся у них земельных долей [9, с. 17].

Необходимо эффективней использовать фонд перераспределения земель: земельные доли не продавать, а направлять в этот фонд, а затем сдавать в аренду на льготных условиях [10, с. 54–55].

Заключение.

Правовые понятия, введенные в пореформенное время в земельное законодательство России, следует проверить на соответствие классической экономической теории.

Понятие «управление» теми или иными недвижимыми объектами, в том числе земельными участками, необходимо заменить понятием «управление процессом по изменению общественного положения недвижимых объектов».

Повышение эффективности использования земли в сельском хозяйстве предполагает изменение структуры форм земельной собственности, освобождение производства от бремени земельных долей путем их выкупа в государственную или муниципальную собственность.

Список литературы:

1. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2017 году / Росреестр. – М., 2018. – 197с.
1. Добровольные руководящие принципы ответственного управления владением и использованием земельными ресурсами в контексте национальной продовольственной безопасности / Продовольственная и сельскохозяйственная организация. ФАО ООН. – Рим, 2013. – URL:<https://www.fao.org/publications>. www.fao.org/nr/tenure. 20.04.2019.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 25.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019).
3. Большой Энциклопедический Словарь. Статья Процесс. – URL: <https://vslovari.info/slovo/bolshoj-jentziklopedicheskij-slovar/protzess/159692>. 20.04.2019.
4. Ленин В.И. Карл Маркс // ПСС. 5-е изд. – Т. 26. – М., 1978. – С. 43–93.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-ое изд. – Т. 23. – М., 1961. – С. 761.
6. Ленин В.И. Великий почин // ПСС. 5-е изд. – Т. 39. – М., 1978. – С. 15.
7. Сведения по форме 22 за 2017 год по Российской Федерации о наличии земель сельскохозяйственного назначения по формам собственности (на 01.01.2018 года, тыс. га). (Сайт Росреестра). 20.04.2019. – 1 с.
8. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ (ред. от 01.05.2019). – М., 2019. – 33с.
9. Пашков В.П. Тенденции и прогноз изменения общественно-экономической структуры земель сельскохозяйственного назначения // Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения. – Саратов. Саратовский источник. 2018. – С. 51–72.

ОЦЕНКА МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ НА ОСНОВЕ МЕТОДА «ЗАТРАТЫ–ВЫПУСК»

Остапенко Т.В., к.э.н., ИАГП РАН

Проведена комплексная оценка межотраслевых связей в агропродовольственном комплексе и его продуктовых подкомплексах. Использование метода «затраты–выпуск», проведение анализа на основе коэффициентов замкнутости и оценки тесноты межотраслевых связей позволило по-новому подойти к их оценке. Выявлена общая тенденция снижения интенсивности межотраслевых связей в агропродовольственном комплексе. Динамика и особенности межотраслевых связей в многом зависят от стратегий, применяемых субъектами продуктовых цепочек. Сделан вывод о необходимости углубления межотраслевых связей, и нахождение эффективных механизмов регулирования.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, межотраслевые связи, межотраслевая сбалансированность, интеграция, диверсификация, слияние и поглощение.

ASSESSMENT OF INTERBRANCH CONNECTIONS IN THE AGRO-FOOD COMPLEX ON THE BASIS OF “INPUT-OUTPUT” METHOD

Ostapenko T.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

A comprehensive assessment of interbranch connections in the agro-food complex and its product subcomplexes has been carried out. Using the “input-output” method, analyzing on the basis of closure factors and assessing the tightness of inter-sectoral linkages allowed find a new approach to their assessment. The general tendency of a decrease in the intensity of inter-branch connections in the agro-food complex is revealed. The dynamics and peculiarities of interbranch connections largely depend on the strategies used by the actors of the food chains. It is concluded that there is a need for deepening inter-industry connections, ways of rationalizing their structure, and finding effective regulatory mechanisms.

Keywords: agro-food complex, interbranch connections, interbranch balance, integration, diversification, mergers and acquisitions.

Введение.

Проводимые институциональные преобразования привели к трансформации институциональной структуры агропродовольственного комплекса, изменению поведения товаропроизводителей, что значительно отразилось на механизме межотраслевых связей. Важной задачей на текущий момент является перестройка хозяйственного механизма агропродовольственного комплекса, усиление ориентации всех его звеньев на конечные результаты. Необходимы поиск и реализация новых стратегий развития АПК, направленных на использование резервов роста конечной продукции. Поэтому актуальной задачей является оценка уровня развития межотраслевых связей, обоснование их влияния на конечные результаты агропродовольственного комплекса и систему его регулирования.

Цель исследований.

Основной задачей исследований является выявление особенности формирования межотраслевых связей в агропродовольственном комплексе, его отдельных подкомплексов для выбора механизмов регулирования.

Методика исследований.

Теоретической и методологической основой послужил метод «затраты–выпуск», а также методы сравнительного анализа, обобщения, систематизации.

В работе использованы специфические межотраслевые коэффициенты замкнутости комплекса по распределению и потреблению продукции, коэффициенты тесноты межотраслевых связей. Коэффициент замкнутости комплекса по распределению продукции характеризует удельный вес продукции отраслей подкомплекса, израсходованной на собственные

производственные нужды, в общем объеме производственного потребления. Коэффициент замкнутости комплекса по потреблению продукции показывает долю продукции отраслей подкомплекса в общем объеме его материальных затрат. Коэффициент тесноты межотраслевых связей характеризует вклад комплекса в производство конечного продукта комплекса.

Информационной базой исследования явилась Всемирная база данных «затраты–выпуск» WIOD, которая представляет информацию до 2014 г.

Результаты исследований.

В системе межотраслевых взаимодействий агропродовольственного комплекса основное место занимают взаимодействия отраслей продуктовых подкомплексов. Создание эффективной системы межотраслевых взаимодействий обуславливает необходимость согласования экономических интересов товаропроизводителей по всей технологической цепочке. Важным условием для этого является замкнутость межотраслевых взаимодействий продуктовых подкомплексов, что означает максимальный охват связей, обеспечивающих выпуск того или иного вида продуктов питания.

Межотраслевые связи отраслей агропродовольственного комплекса, очень сложно и многообразно переплетаясь, обеспечивают воспроизводственный процесс. Важнейшим инструментом исследования основных пропорций воспроизводства и межотраслевого обмена является межотраслевой баланс. В нем представлены наиболее важные пропорции воспроизводства. Поэтому становятся возможными сопоставления ресурсов и потребностей, затрат и результатов производства, а также структурный анализ взаимосвязей валового и конечного продукта.

Методологической базой исследования межотраслевых взаимодействий в агропродовольственном комплексе является межотраслевой баланс. Информационной базой для расчетов послужила Всемирная базы данных «затраты–выпуск» WIOD [9]. На ее основе были рассчитаны коэффициенты замкнутости, которые определяются нижепредставленным образом.

Коэффициент замкнутости по распределению продукции:

$$K_r = \frac{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m X_{ij}^r}{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n X_{ij}}$$

где K_r – коэффициент замкнутости комплекса r по распределению продукции; X_{ij}^r – затраты продукции i -й отрасли комплекса r при производстве продукции j -й отрасли этого же комплекса; X_{ij} – затраты продукции i -й отрасли для производства продукции j -й отрасли в межотраслевом балансе; m – число отраслей, вошедших в комплекс r ; n – число отраслей в полном межотраслевом балансе.

Коэффициенты замкнутости по потреблению продукции:

$$K'_r = \frac{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m X_{ij}^r}{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m X_{ij}}$$

где K'_r – коэффициент замкнутости комплекса r по потреблению продукции.

Коэффициент тесноты связей:

$$K_s = \frac{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m X_{ij}^r}{\sum_{j=1}^n Y_j}$$

где Y_j – конечный продукт j – й отрасли комплекса.

К агропродовольственному комплексу согласно классификации WIOD отнесены сельское хозяйство и производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий. Результаты расчетов приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика коэффициентов замкнутости по распределению, потреблению и тесноты связей в агропродовольственном комплексе России по годам

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Коэффициент замкнутости по распределению продукции	0,793	0,785	0,790	0,795	0,792	0,778	0,766
Коэффициент замкнутости по потреблению продукции	0,659	0,579	0,570	0,559	0,553	0,568	0,549
Коэффициент тесноты связей	0,496	0,475	0,543	0,518	0,482	0,445	0,452

Рассчитано по данным: National Input-Output Tables, Released November 2016. –

URL: http://www.wiod.org/new_site/database/niots.htm

Проведенный анализ показал общую тенденцию снижения замкнутости межотраслевых связей в агропродовольственном комплексе. Причина снижения межотраслевых связей связана с глубиной и длительностью кризисных явлений в агропродовольственном комплексе.

Механизм межотраслевых связей меняется на различных этапах экономического развития вслед за сдвигами макроэкономической структуры. Сдвиги в межотраслевых связях связаны с институциональными и структурными преобразованиями. Рыночные преобразования АПК привели к трансформации межотраслевых связей, разрыву межотраслевых связей, снижению доли сельхозтоваропроизводителей в конечной цене продовольствия. Перспективы развития межотраслевых связей связаны с необходимостью их углубления, рационализации структуры, нахождения эффективных механизмов регулирования. Углублению межотраслевых связей способствует формирование замкнутых продуктовых цепочек.

Определенное влияние на коэффициенты замкнутости оказывают структурные сдвиги, разнонаправленность структурных сдвигов, в ряде случаев – упрощение структуры. В последние годы в агропродовольственном комплексе наметились две тенденции. Одна состоит в ослаблении сложившихся ранее межхозяйственных связей с ориентацией на другие рынки, в том числе зарубежные. Другая тенденция связана с курсом на расширение интеграционных процессов, формированием вертикально интегрированных агрохолдингов.

Процесс выделения продуктовых подкомплексов в качестве относительно самостоятельных объектов регулирования включает определение качественной и количественной характеристик системообразующих связей элементов подкомплексов и их свойств. Особый интерес представляет исследование степени замкнутости продуктовых подкомплексов агропродовольственного комплекса. Результаты расчетов степени замкнутости продуктовых подкомплексов, выполненных на основании российской базы по данным Базовых таблиц «затраты–выпуск» за 2011 г., опубликованных в 2017 году, приведены в таблице 2

Таблица 2 – Характеристика отдельных продуктовых подкомплексов АПК

Продуктовые подкомплексы	Производственное потребление продукции подкомплекса, млн руб.	Все производственное потребление в отраслях подкомплекса, млн руб.	Все материальные затраты в отраслях подкомплекса, млн руб.	Коэффициент замкнутости по распределению продукции	Коэффициент замкнутости по потреблению продукции
Мясопродуктовый	927 192	1132 360	1114 667	0,819	0,832
Молочнопродуктовый	322 553	394 375	472 599	0,818	0,683
Масложировой	159 531	283 423	213 218	0,563	0,748
Мукомольно-крупяной	85 423	166 267	132 381	0,514	0,642
Флодоовощной	41 420	89 602	95 388	0,462	0,434

Рассчитано по данным: Базовые таблицы «затраты–выпуск» за 2011 г. / Росстат. – М., 2017 [10].

Несмотря на общую тенденцию снижения межотраслевых связей в агропродовольственном комплексе, имеются локальные подкомплексы, в которых сформировались глубокие и тесные межотраслевые связи. Основой классификации комплексов взаимосвязанных отраслей является единство исходного сырья, последовательность технологического процесса его обработки, особое экономическое назначение конечного продукта того или иного подкомплекса.

Каждый подкомплекс характеризуется своими отраслевыми особенностями. Наиболее сложившимся является мясопродуктовый подкомплекс. Понятие сложившегося подкомплекса не означает его законченности и тем самым не исключает необходимости его дальнейшего развития и совершенствования. Высокий коэффициент замкнутости подкомплекса дает основания для формирования интегрированных структур.

Проведенные на основе Базовых таблиц «затраты–выпуск» расчеты показывают, что большая часть производимой продукции в продуктовых подкомплексах потребляется на собственное производство, то есть идет на внутриподкомплексное потребление. Так, например, вне мясопродуктового подкомплекса на производственное потребление расходуется всего 17,1% его конечной продукции, в молочнопродуктовом подкомплексе – 18,2%. Для плодовоовощного подкомплекса данный показатель составляет 53,8% (табл. 2).

В системе межотраслевых взаимодействий агропродовольственного комплекса продуктовый подкомплекс выступает, с одной стороны, потребителем продукции отраслей, не вошедших в его состав, а, с другой – поставщиком сырья в эти отрасли. Химическая промышленность поставляет средства химической защиты растений, минеральные удобрения. Отрасли микробиологии и комбикормовой промышленности производят кормовые добавки для животноводства, что позволяет снизить дефицит кормового белка и повысить продуктивность животных.

В структуре материальных затрат доля продукции отраслей, не вошедших в подкомплекс, варьирует от 16,8% в мясопродуктовом комплексе до 56,6% в плодовоовощном подкомплексе. В масложировом подкомплексе этот показатель составил 25,2%, в молочнопродуктовом – 31,7%. Остальная часть затрат формируется за счет собственной продукции (табл. 2).

Высокой долей внутриотраслевого потребления собственной продукции на производственные нужды отличается легкая промышленность (около 80%). Пищевая промышленность формирует материальные затраты за счет собственных ресурсов лишь на 35%, но это составляет почти 90% производственного потребления ее продукции [1].

Структура межотраслевых производственных связей во многом определяется степенью использования продукции сельского хозяйства. Выполненные расчеты показали, что доля животноводства в структуре затрат мясной отрасли составила 68,6%, а в структуре затрат молочной отрасли – 73,9%. Доля растениеводства в структуре производственного потребления мукомольно-крупяной отрасли составила 82,4%, а в структуре масложировой отрасли – 67,9 %.

В самом сельском хозяйстве отмечаются «изменения в производственной структуре. Увеличились посевные площади под коммерчески выгодными культурами, в животноводстве быстро развивались отрасли с коротким циклом производства, повысился уровень диверсификации производства, в т.ч. и за счёт большего внимания производителей» [3].

За прошедшие десятилетия произошло значительное развитие технологий, прежде всего информационных. Процесс производства высокотехнологичной продукции характеризуется большей сложностью производственных связей, более длинными производственными цепочками. Проведенный анализ показал, что с 2000 по 2014 гг. отрасль телекоммуникаций в сельском хозяйстве выросла в 4,3 раза, а в пищевой промышленности в 6,8 раза. Проводится, хотя и недостаточно быстро, глубокая модернизация производственных предприятий АПК на основе нового технологического уклада, рост которого становится основой развития экономики на ближайшее время; его ядро должны составить кластеры нано-, био-, а также информационно-коммуникационных технологий, которые растут в настоящее время устойчивыми темпами.

В агропродовольственном комплексе быстро растет отрасль «финансовые услуги, кроме страхования и пенсионного обеспечения». Анализ показал, что с 2000 по 2014 г., в пищевой промышленности она выросла в 20,1 раза, а в сельском хозяйстве в 14,5 раза.

Становление постиндустриальной экономики связывают с развитием сетевых структур, состоящих из относительно малых предприятий. Кластер представляет собой сетевую форму. Последние, связывая множество малых и средних компаний в единые структуры, делают их способными успешно конкурировать с гигантами бизнеса, проявляют и усиливают их преимущества, заключающиеся в гибкости и приспособляемости к запросам рынка [5].

Современное развитие агропродовольственного комплекса характеризуется нарастанием тенденций трансформации рынка. Важное значение при рассмотрении трансформации продовольственного рынка имеют его отраслевые особенности.

Наблюдаемый в последние годы рост мясной отрасли был обусловлен формированием крупных вертикально интегрированных агрохолдингов. Они получали мощный импульс развития в виде средств господдержки и политики импортозамещения. Характерной тенденцией последних лет является то, что крупные агрохолдинги начали увеличивать масштабы производства, ориентируясь не только на замещение импорта, но и активное вытеснение с рынка малых форм хозяйствования. В мясной отрасли есть насыщенные сектора, такие как свино- и птицеводство, где продолжается поглощение менее эффективных компаний крупными игроками.

В мясопродуктовой отрасли вертикальные связи между сырьевым и перерабатывающим сегментом масштабнее и устойчивее, чем в молочнопродуктовой. Крупные мясопродуктовые холдинги активно удлиняют свои производственные цепочки путем включения звена переработки в продуктовую цепочку. Завершение экстенсивной фазы органического роста мясной отрасли требует от агропромышленных холдингов не только реализуемого ими удлинения производственных цепей за счет выхода в переработку, но и оптимизации издержек, связанных с зависимостью от импортных составляющих: кормов, оборудования, различных технологий. Условием дальнейшего устойчивого роста отрасли является повышение эффективности производства, особенно в свиноводстве, рентабельность которого поддерживается только при высоких ценах на конечную продукцию и низких на корма [2].

В молочной отрасли активизировались процессы как обратной, так и прямой вертикальной интеграции. Обратная вертикальная интеграция (например, «Молвест», «Комос Групп», Кировский молочный комбинат) необходима для защиты от монополизма поставщиков. Прямая интеграция (например «ЭкоНива», ГК «Русаро», «Дамате», «АгроПромком-плектация и ряд других) дает возможность увеличить добавленную стоимость и влиять на конечный спрос. Некоторые производители организуют собственные розничные торговые точки и сети, чтобы перемещать произведенный продукт по цепочке к конечному потребителю. Вертикальная интеграция позволяет не только сократить транзакционные издержки, но и увеличить прибыль за счет снижения стоимости конечной продукции.

Проведенный анализ показал, что молочную отрасль ожидает усиление конкуренции со стороны агрохолдингов, лидеров рынка. Отрасль ждет развитие консолидации, когда наиболее перспективные предприятия будут приобретаться профильными и непрофильными инвесторами, в том числе зарубежными. Продолжится процесс вертикальной интеграции, когда производители молока начнут развивать собственную переработку, а переработчики для возможности контролировать сырьевой фактор – производство молока-сырья.

Фирмы в той или иной степени сочетают разные стратегии. На развивающихся рынках со слабой институциональной средой преимущества одной стратегии перед комбинацией стратегией минимальны. На динамичных рынках фирмы выигрывают от комбинирования стратегий.

Заключение.

Проведенный на основе межотраслевого баланса анализ подтверждает углубление межотраслевых связей, рационализации их структуры, нахождения эффективных механизмов регулирования.

Результаты такого анализа на основе коэффициентов замкнутости и оценке тесноты межотраслевых связей позволяют более глубоко подойти к оценке межотраслевых связей.

Исследование особенностей развития агропродовольственного комплекса как целостной системы, для которой характерными является высокая степень замкнутости и тесноты межотраслевых связей, свидетельствует о снижении интенсивности межотраслевых связей комплекса в целом и его отдельных подкомплексов.

Анализ экономических стратегий интеграции и диверсификации, применяемых субъектами продовольственного рынка, уровня их инновационного потенциала позволяет сделать вывод о необходимости ликвидации неоправданных различий доходности субъектов, устойчивости их состояния.

Список литературы:

1. Анфиногентова А.А. Системный подход к непрерывному совершенствованию управления агропродовольственным комплексом России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2018. – № 1. – URL: <http://iagpran.ru/datas/users/c19aae02b13fb49bcf5067eff993880b.pdf>
2. Альбеков А.У., Ремета А.А. Проблемные аспекты вертикальной интеграции производственно-распределительных цепей агропромышленных холдингов в условиях насыщения рынка мясной продукции // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2017. – № 2. – С.11–16.
3. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Особенности формирования продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе России // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 7 (84). – № 12. – С. 71–79.
4. Захарова Е. Структурные сдвиги в межотраслевых связях АПК России в 1995–2003 годы // Экономика и математические методы. – 2008. – Т. 44. – № 2. – С. 37–41.
5. Методология исследования сетевых форм организации бизнеса /М.А. Бек [и др.]; под науч. ред М.Ю Шерешевой; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2014. – 446 с.
6. Молочная отрасль 2018–2019: [справочник] / Национальный союз производителей молока. – М., 2018. – 388 с.
7. Структурные изменения в российской экономике и структурная политика: Аналитический доклад / под научным руководством Е.Г. Ясина. – М., 2018. – 252 с.
8. Трансформация структуры экономики: механизмы и управление. ИНП. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 262 с.
9. National Input-Output Tables, Released November 2016. – URL: http://www.wiod.org/new_site/database/niots.htm
10. Базовые таблицы «затраты–выпуск» за 2011 г. / Росстат. 2017 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/baz-tev-2011.xlsx

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ: ОЦЕНКИ ВЗАИМОЗАМЕЯЕМОСТИ ФАКТОРОВ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБЪЕМОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Кутенков Р.П., д.э.н, ИАГП РАН

Предлагается методика расчета оптимальных соотношений между размерами ресурсов для достижения заданных объемов производства валовой продукции сельского хозяйства с учетом размера посевных площадей в регионе. Рассмотрены три группы регионов РФ с размерами посевных площадей соответственно меньше 1 млн га, от 1 до 2 млн и свыше 2 млн га. Для каждой из них построены производственные функции Кобба – Дугласа и на их основе определены используемые при решении задачи коэффициенты эластичности выпуска валовой продукции на 1 га посевных площадей по рассмотренным видам ресурсов, а также для конкретных значений выпуска, эластичности взаимной замены факторов производства. Научная новизна определяется предложенным инструментарием и методами агрегирования статистической информации. Полученные результаты могут быть использованы при разработке механизмов оптимизации сельскохозяйственного производства в субъектах РФ.

Ключевые слова: сельскохозяйственное производство, валовая продукция, факторы, соотношения, оптимизация, производственная функция, регионы Российской Федерации.

PRODUCTION FUNCTIONS: ASSESSMENT OF MUTUABILITY OF FACTORS AND PROJECTION OF VOLUMES OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE RUSSIAN REGIONS

Kutenkov R.P., doctor of economic sciences, IAgP RAS

It has been proposed a method of calculating the optimal ratios between the sizes of the resources to achieve the specified production volumes of gross agricultural output, taking into account the size of the acreage in the region. Three groups of regions of the Russian Federation were considered with the size of the sown areas, respectively, less than 1 million hectares, from 1 to 2 million and over 2 million hectares. For each of them, the Cobb-Douglas production functions were developed. They have been determined the elasticity coefficients of gross output per hectare of sown areas for considered resources, as well as, for specific values of output, the elasticity of the mutual replacement of production factors. Scientific novelty is determined by the proposed tools and methods for aggregating statistical information. The results can be used to develop mechanisms for optimizing agricultural production in the regions of the Russian Federation.

Keywords: agricultural production, gross output, factors, ratios, optimization, production function, regions of the Russian Federation.

Введение.

В соответствии с принятыми определениями производственная функция – это экономико-статистическая модель процесса производства продукции, отражающая устойчивую закономерную количественную зависимость между объемными показателями ресурсов и выпуска [1]. Она представляет сложившееся соотношение между затратами факторов производства (капитала, труда, земли и пр.) и соответствующим объемом выпуска продукции [2]. В абстрактно-математической форме применительно к сельскохозяйственному производству это соотношение выглядит следующим образом

$$Q=F(K,L,T), \quad (1)$$

где Q – выпуск сельскохозяйственной продукции; F – некий оператор, преобразующий значения факторов в единицы выпуска; K, L, T – соответственно затраты факторов производства «капитал», «труд», «земля». Для конкретизации расчетов необходимо провести операциона-

лизацию факторов K, L, T и выходной функции процесса Q (то есть свести их к вычислимой на основе доступной информации форме), а также определить вид оператора F .

В качестве факторов модели (1) применительно к сельскохозяйственному производству большинство исследователей используют стоимость основных и оборотных средств, численность занятых (или среднегодовую заработную плату) в сельском хозяйстве, посевные площади под всеми сельскохозяйственными культурами (или площадь земельных угодий).

Характеристики ресурсов существенно зависят от отчетной статистики, которой располагают и которую используют при расчетах авторы исследований. При этом поскольку от единиц измерения ресурсов существенно зависит интерпретация модели (1) для обеспечения корректности анализа следует каким-то образом согласовывать единицы измерения ресурсов, в особенности, если исследование охватывает продолжительный временной период. К сожалению, это требование не всегда учитывается. В данной работе достигнуто единое представление факторов производства и выпуска продукции в стоимостной форме с использованием сопоставимых цен. В отличие от большинства известных работ (см., например, [3–7]) для построения производственной функции использованы усредненные за 2011–2015 гг. значения показателей отчетной статистики Росстата [8,9] в сопоставимых ценах 2011 г.

Цель исследований.

Решали задачи, связанные с оценкой взаимозаменяемости факторов сельскохозяйственного производства в регионах Российской Федерации с использованием аппарата производственных функций. Исследование проводили на выборке из 61 субъекта РФ – основных производителей сельскохозяйственной продукции в 2011–2015 гг. включительно.

Учитывая, что в ряде работ, в том числе, в более ранних работах автора (см., например, [10]), было установлено, что в зависимости от размеров посевных площадей в регионах России существенно меняются специализация сельскохозяйственного производства, а также выход валовой продукции и обеспеченность основными ресурсами в расчете на гектар посевных площадей, отдельно рассматривались три группы регионов: с посевными площадями под всеми сельскохозяйственными культурами в диапазонах до 1 млн га, от 1 до 2 млн, и свыше 3 млн га. В подобных группах, как было показано в работе [10], разброс исследуемых показателей был не столь значителен, как в исходной выборке регионов.

В данной работе для каждой из рассмотренных групп строятся функции Кобба – Дугласа, на их основе оцениваются эластичности выпуска сельскохозяйственной продукции по факторам фондо- и трудообеспеченности, характеризующие степень влияния рассмотренных факторов на выпуск. Взаимозаменяемость факторов оценивается с использованием метода изоквант при конкретных значениях выпуска. Используемые методические подходы и полученные соотношения могут применяться при разработке механизмов оптимизации сельскохозяйственного производства в субъектах федерации.

Методика исследований.

Процесс операционализации, то есть сведения зависимости (1) к виду (2)

$$y = f(x_1, \dots, x_n), \quad (2)$$

где y – измеряемый результат производства; f – известная функция, называемая производственной; $x_1, \dots, x_n$ – измерители затрат факторов производства сопряжен с рядом методологических трудностей, поскольку факторы из модели (1) и их последующие конкретизации обычно определяются в политэкономических терминах, весьма далеких от конструктивных определений исчисляемых индикаторов.

Например, фактор «труд» в Современном экономическом словаре [11] определен как «осознанная, энергозатратная, общепризнанная целесообразная деятельность человека, людей, требующая приложения усилий, осуществления работы; один из четырех основных факторов производства». Конкретизация этого определения, например, в работе [2] уточняет, что «фактор «труд» может представлять простой, сложный, квалифицированный, неквалифицированный, кооперированный, некооперированный, свободный, наемный, сельскохозяйственный, промышленный, производительный, непроизводительный труд, труд во вредных и опасных условиях для здоровья и жизни человека и др.» Конкретных пояснений по опера-

ционализации здесь, как видно, не содержится, однако есть намек, что «труд» является многокомпонентным фактором и для его корректного политэкономического описания может потребоваться несколько индикаторов. Это подтверждается следующим выводом авторов упомянутой работы [2]: «Если факторы производства будут представлены в конкретной форме, то их число может значительно возрасти (исчисляться сотнями единиц)».

Иными словами, число независимых переменных x_i в формуле (2) может быть существенно больше, чем число факторов в формуле (1). Сформулированный вывод может быть подтвержден результатами конкретных исследований с использованием производственных функций. Например, в работе [12] при описании развития сельскохозяйственного производства в 28 провинциях Китая с 1970 по 1987 г. в состав производственной функции включено 12 переменных, в числе которых четыре ресурсных показателя (площадь обрабатываемой земли, число работников, количество тракторов и численность тяглового рабочего скота (пересчитанные в лошадиные силы), внесение химических удобрений (азотные, фосфорные и калийные). Пять переменных, отражающих результаты проводившихся реформы цен и институциональной реформы, среди которых процент производственных единиц, охваченных измененной системой ответственности домашних хозяйств, индекс рыночных цен, процент площадей под незерновыми культурами, многофакторный индекс посевных культур, временной тренд, а также переменная-индикатор провинции. Функция выпуска (y в формуле (2)) представляет агрегированный в стоимостном выражении урожай по 7 зерновым и 12 техническим культурам (цитировано по работе [13]).

Таким образом, представленные в составе производственной функции из работы [12] переменные отражают отдельные характеристики производственных факторов, условий функционирования производства, характеристики выпуска, которые измерены в различных шкалах (натуральных, стоимостных, индикаторных). Область определения производственной функции включает все технологически допустимые сочетания значений производственных ресурсов, которые приводят к экономически обоснованным значениям исследуемых выходных характеристик производства. Вид производственной функции отражает сложившиеся при используемых технологиях производства соотношения между количествами потребляемых ресурсов и характеристиками выпуска продукции.

Производственная функция по своей сути является экономико-статистической моделью. Процесс ее построения должен включать оценку коэффициентов и проверку адекватности с использованием соответствующих статистических критериев.

В качестве производственной функции в данном исследовании использована мультипликативная функция Кобба – Дугласа

$$Y = Ax_1^\alpha x_2^\beta x_3^\gamma, \quad (3)$$

где Y – объем выпуска сельскохозяйственной продукции; x_1, x_2, x_3 – обозначения соответствующим образом операционализированных ресурсов сельскохозяйственного производства, отражающих влияние факторов капитала, труда и земли; A, α, β, γ – параметры производственной функции, подлежащие оцениванию по результатам отчетной статистики исследуемых субъектов сельскохозяйственного производства (крупное сельскохозяйственное предприятие, сельский административный район, субъект РФ и др.).

Параметры A, α, β, γ производственной функции (3) могут быть проинтерпретированы в экономических терминах. Коэффициент A обычно связывают с эффективностью производственного процесса (чем больше A , тем выше объем выпуска продукции при неизменных ресурсах). Величина A зависит от единиц измерения ресурсов, а также отражает влияние на эффективность факторов, не включенных в расчеты. Показатели степеней α, β, γ , с которыми значения ресурсов входят в формулу (3), характеризуют эластичность производственной функции по соответствующему виду ресурса и определяются как предел отношения относительного приращения функции выпуска к относительному приращению соответствующего ресурса, когда абсолютное приращение ресурса стремится к нулю. Иными словами, в терминологии работы [1, с. 48], эластичность выпуска по производственному ресурсу x_i определяется как отношение предельной производительности i -го ресурса (то есть частной производ-

ной $\frac{\partial y}{\partial x_i}(x_1, x_2, x_3)$, $i = 1, 2, 3$) к средней отдаче каждой единицы i -го ресурса ($\frac{y(x_1, x_2, x_3)}{x_i}$)

при условии использования ресурсов в количествах (x_1, x_2, x_3) . Известно, что для производственной функции Коба – Дугласа эластичности выпуска по каждому ресурсу постоянны, и, следовательно, значения α , β , γ не зависят от конкретных значений вектора ресурсов (x_1, x_2, x_3) . Если значения ресурсов и выпуска продукции измерены в одних и тех же единицах, например, стоимостных, то по значениям эластичностей может быть определена чувствительность выпуска к изменениям того или иного ресурса и тем самым определена ранжировка ресурсов по их значимости.

Если значение выпуска зафиксировать, то есть считать, что $Y = y_0$ из области значений Y , то уравнение (3) будет описывать множество соотношений значений ресурсов, при которых выпуск постоянен. Соответствующая преобразованной подобным образом модели (3) поверхность в пространстве ресурсов называется изоквантой (поверхностью постоянного выпуска). Все комбинации ресурсов, принадлежащие данной изокванте, приводят к одному и тому же значению выпуска и являются в указанном смысле взаимозаменяемы. Это позволяет при планировании производства заранее подобрать (в теоретическом плане) оптимальное соотношение ресурсов для достижения заданного (прогнозируемого) значения выпуска.

Рассматриваемая модель (3) представляется достаточно обоснованной, поскольку, в отличие, например, от линейной модели, она отражает мультипликативный эффект взаимодействия ресурсов, а также учитывает значимость каждого вида ресурса в производстве сельскохозяйственной продукции.

Построенная по приведенной методике производственная функция в случае ее адекватности может использоваться для расчета нормативов и прогнозирования объемов валовой продукции в исследуемых субъектах сельскохозяйственного производства по значениям расхода учитываемых ресурсов. При этом она может претендовать на отражение политэкономической зависимости в терминах «капитал – труд – земля – результат производства», лишь с учетом того, насколько успешно раскрыта сущность основных факторов производства в результате проведенной операционализации.

Результаты исследований.

В первоначальный набор показателей были включены следующие. Валовая продукция сельского хозяйства региона в хозяйствах всех категорий, млн руб.; остаточная балансовая стоимость основных фондов сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, млн руб.; среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве, тыс. чел.; посевная площадь сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий региона, тыс. га. В целях элиминирования эффекта погодных условий, а также инфляции, значения выхода валовой продукции и других показателей усреднялись за весь исследуемый период с 2011 по 2015 г. в расчете на год, а все стоимостные показатели рассчитывались в сопоставимых ценах 2011 г.

В дальнейших построениях с учетом проведенной группировки регионов по размерам посевных площадей значения исходных показателей приводились к единице земельной площади, а показатель «численность занятых» был заменен на высоко скоррелированный с ним (оценки коэффициента корреляции по группам регионов составляли от 0,85 до 0,93) расчетный стоимостной показатель «размер начисленной заработной платы в сельском хозяйстве региона в расчете на гектар посевных площадей». Значения всех исходных показателей определялись на основе расчетов по материалам статистической отчетности Росстата [8, 9], после чего проводились их дальнейшие преобразования (усреднения, агрегирования, сведение к сопоставимым показателям), связанные с проводимым анализом.

В итоге проведенных преобразований производственная функция для каждой группы регионов свелась к следующему виду:

$$z = Au^{\alpha}v^{\beta}, \quad (4)$$

где в обозначениях формулы (3)

$$z = \frac{Y}{x_3}, \quad u = \frac{x_1}{x_3}, \quad v = \frac{x_2}{x_3}.$$

Иными словами, функция (4) выражает землеотдачу как функцию фондо- и трудообеспеченности 1 га посевных площадей в регионе.

Для расчета оценок коэффициентов функция (4) линеаризуется посредством логарифмирования обеих частей, то есть приводится к виду

$$\ln z = \ln A + \alpha \ln u + \beta \ln v, \quad (5)$$

после чего с использованием метода наименьших квадратов по известным значениям землеотдачи, фондо- и трудообеспеченности в регионах соответствующей группы определяются расчетные значения $\ln A$, α , β . Далее следуют обычные для статистического анализа процессы оценки адекватности модели (5) описываемым данным, значимости модели в целом и ее отдельных коэффициентов, а также содержательной интерпретации результатов.

По результатам расчетов для каждой из трех групп регионов были получены следующие модели производственных функций.

Для первой группы из 34 регионов с посевными площадями менее 1 млн га:

$$\ln z = 1,094 + 0,395 \ln u + 0,481 \ln v, \quad R^2 = 0,82, \quad (6)$$

или в эквивалентной степенной форме (4):

$$z = 2,986u^{0,395}v^{0,481} \quad (6.1)$$

Для второй группы из 15 регионов с посевной площадью от 1 до 2 млн га:

$$\ln z = 1,620 + 0,581 \ln u + 0,088 \ln v, \quad R^2 = 0,70, \quad (7)$$

или

$$z = 5,053u^{0,581}v^{0,088}. \quad (7.1)$$

Для третьей группы (12 регионов с посевной площадью свыше 2 млн га):

$$\ln z = 1,048 + 0,566 \ln u + 0,317 \ln v, \quad R^2 = 0,91, \quad (8)$$

или

$$z = 2,852u^{0,566}v^{0,317}. \quad (8.1)$$

Анализ построенных производственных функций показал их статистическую существенность, поскольку значения оценок коэффициентов множественной детерминации (R^2), скорректированных с учетом числа регионов в соответствующей группе и числа коэффициентов моделей (6–8) превышают критические значения критерия Фишера при уровне значимости, меньшем 0,001. Аналогично, эластичности валовой продукции сельского хозяйства по фондообеспеченности в расчете на 1 га посевных площадей (α) для всех моделей статистически существенны по критерию Стьюдента с уровнем значимости, не превышающем 0,02. Эластичность валовой продукции по показателю трудообеспеченности (β) статистически значима лишь для первой и третьей групп регионов. Для второй группы уровень значимости рассматриваемой эластичности превышает 0,7. Следовательно, диапазон изменения начисленной заработной платы в расчете на гектар посевов во второй группе регионов не столь широк, чтобы оказывать существенное влияние на выход продукции сельского хозяйства. Подобное отсутствие стимулов повышения производительности труда также подтверждается отмеченной ранее высокой корреляцией между численностью занятых в сельском хозяйстве и начисленной заработной платой в расчете на 1 га посевных площадей. Объемы выпуска продукции сельского хозяйства на 1 га пашни в регионах второй и третьей групп более чувствительны к фондообеспеченности в сопоставлении с трудообеспеченностью, чем в первой группе, поскольку соответствующие значения эластичностей составляют 0,581 и 0,566 против 0,088 и 0,317 соответственно. В регионах первой группы (с размерами посевных площадей менее 1 млн га) влияние трудообеспеченности и фондообеспеченности более сбалансировано, при некотором преимуществе трудообеспеченности (соответствующие эластичности составляют 0,395 и 0,481).

По уровню совокупного влияния ресурсобеспеченности ($\alpha + \beta$) на выход продукции с 1 га регионы с посевными площадями до 1 млн и свыше 2 млн га (первая и третья группы)

превосходят вторую группу с посевными площадями от 1 до 2 млн га. Соответствующие суммы эластичностей составляют 0,876; 0,883 и 0,669. Значения коэффициентов A показывают, что для второй группы эффект не включенных в модель факторов выше, чем для первой и третьей групп.

Как было отмечено ранее, достижение определенных значений выпуска ($z = z_0$) может быть достигнуто при разных соотношениях между фондо- и трудообеспеченностью (u, v), удовлетворяющих уравнению изокванты, имеющему следующий вид:

$$z_0 = Au^{\alpha}v^{\beta}, \quad (9)$$

или в явном виде разрешенном относительно u :

$$u = \left(\frac{z_0}{A}\right)^{\frac{1}{\alpha}} v^{-\frac{\beta}{\alpha}}. \quad (10)$$

Значения коэффициентов A, α, β в зависимости от группы регионов представлены в моделях (6.1–8.1).

Процесс оптимизации соотношений ресурсов для достижения заданного значения выпуска с использованием изоквант для заданной группы регионов производится поэтапно. Сначала по исходным данным выбирается регион исследуемой группы, для которого значение выпуска продукции наиболее близко к заданному (z_0) при наилучшем с точки зрения используемого критерия сочетании потребностей в ресурсах u, v . Затем задается несколько значений v_k из окрестности выбранного на первом этапе значения параметра v и по формуле (10) рассчитываются соответствующие им значения параметра u_k . Из полученного множества (u_k, v_k) вновь выбираются сочетания, которые технически реализуемы и близки к оптимальным в смысле используемых критериев.

В частности, для z , равного среднему для всей рассмотренной выборки из 61 региона ($z_0 = 64,2$ тыс. руб. на 1 га), соответствующие значения v_k в зависимости от группы регионов колеблются в пределах от 22 до 29 тыс. руб. на 1 га. Значения u_k , рассчитанные по формуле (10), приведены в таблице, а графики изоквант представлены на рисунке.

Таблица – Значения сочетаний фондо- и трудообеспеченности (u, v , тыс. руб./га) для трех групп регионов, соответствующие среднему по выборке из 61 региона выходу валовой продукции сельского хозяйства ($z_0 = 64,2$ тыс. руб./га)

Группа регионов	1	2	3
Трудообеспеченность (v)	Фондообеспеченность (u)		
22	54,8	49,8	43,4
23	51,9	49,5	42,4
24	49,3	49,2	41,4
25	46,9	48,8	40,4
26	44,7	48,6	39,6
27	42,7	48,3	38,7
28	40,8	48,0	38,0
29	39,1	47,8	37,2
30	37,6	47,5	36,5

Из данных, приведенных в таблицы и рисунке, хорошо видно различие изоквант для разных групп регионов. Это свидетельствует о существенных различиях затрат ресурсов для достижения одного и того же выхода валовой продукции сельского хозяйства на 1 га в зависимости от диапазона изменения размеров посевных площадей в соответствующей группе регионов.

Изокванта для первой группы регионов (с посевными площадями менее 1 млн га) характеризуется более существенным спадом потребностей в стоимости основных фондов с ростом трудообеспеченности, в сопоставлении с другими группами. Это свидетельствует о более широких возможностях эквивалентной замены ресурсов и способствует многовариантности подходов к оптимизации сельскохозяйственного производства.

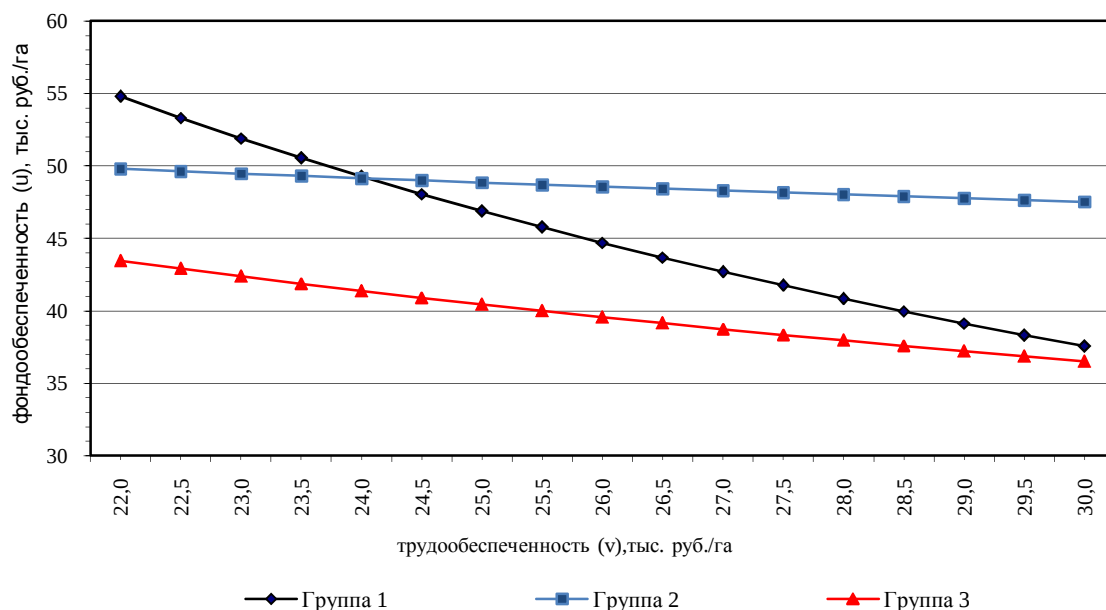

Рисунок – Изокванты, соответствующие среднему по выборке из 61 региона выходу валовой продукции сельского хозяйства ($z_0 = 64,2$ тыс. руб./га) для трех рассмотренных групп регионов

Изокванта для регионов третьей группы (посевные площади свыше 2 млн га) расположена ниже других. Это свидетельствует о более низкой, в сопоставлении с первой и второй группами, потребности в ресурсах для достижения одного и того же выпуска продукции с гектара. Наклон изокванты меньше, чем для первой группы, следовательно для эквивалентной замены потребности в труде необходимо меньшее увеличение стоимости основных фондов, чем для первой группы.

В модели (7.1) для второй группы регионов (посевные площади от 1 до 2 млн га) эластичность выпуска по трудообеспеченности (α) статистически незначима и соответствующая изокванта наиболее полого. Это означает, что для эквивалентной замены снижения потребности в труде в регионах второй группы требуется увеличение фондов в меньших размерах, чем в первой и третьей группах.

Точка пересечения изоквант дает оценку общих для первой и второй групп размеров затрат ресурсов ($v = 24$, $u = 49$) для выпуска одного и того же объема валовой продукции сельского хозяйства в регионах как первой, так и второй групп.

Заключение.

Таким образом, по приведенным таблице и графику могут быть определены оценки различных сочетаний фондо- и ресурсообеспеченности в расчете на гектар посевных площадей для получения среднего по регионам выхода валовой продукции сельского хозяйства (z_0) в зависимости от размеров посевных площадей в регионе и выбраны оптимальные сочетания с учетом применяемого критерия. Для построения прогнозов выпуска и оценок необходимых для их реализации соотношений между потребностями в основных ресурсах необходимо заменить z_0 на заданное прогнозное значение выхода валовой продукции с гектара, рассчитать с помощью приведенной методики по формулам (10) множество допустимых сочетаний (u , v) и выбрать оптимальное из них с учетом заданного критерия. Приведенная в работе методика может быть использована при разработке и оптимизации механизмов сельскохозяйственного производства в регионах

Список литературы:

1. Клейнер Г.Б. Производственные функции: теория, методы, применение. – М.: ФИС, 1986. – 239 с.

2. Григорьев А.А., Шкалаберда Л.И. Теория производства и реалии рыночной экономики. // Известия РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2015. - № 4(22). – С. 208–228.
3. Смагин Б.И. Производственная функция как основа описания технологических закономерностей аграрной сферы производства // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности: АПК – продукты здорового питания. – 2014. – № 4. – С. 94–100.
4. Германова О.Е., Рудая Ю.Н. Динамика производительности и параметров технического прогресса в сельском хозяйстве Ростовской области // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 28(355). – С. 38–47.
5. Кирилук И.П. Модели производственных функций для российской экономики // Компьютерные исследования и моделирование. – 2013. – Т. 15. – № 2. – С. 293–312.
6. Говядовская О.В., Горлов С.М. Экономико-математическая модель оценки эффективности институциональных преобразований в сельском хозяйстве // Terra Economics. – 2011. Т. 9. – № 2. – Ч. 2. – С. 14–20.
7. Филиппов А. Производственная функция: построение и анализ применительно к аграрному сектору Беларуси // Эковест. – 2003. – № 3(3). – С. 517–531.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014–2018: стат. сб. / Росстат. – М., 2014–2018. – URL: <http://www.gks.ru/>
9. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. Приложение (субъекты РФ). 2013, 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2013.; М., 2015. – URL: <http://www.gks.ru/>
10. Кутенков Р.П. Методология и результаты анализа соответствия ресурсного обеспечения и эффективности сельскохозяйственного производства в регионах России // Конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов / под общ. ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Амирит, 2017. – С. 90–109.
11. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 480 с.
12. Lin, J. Rural Reforms and Agricultural Growth in China // American Economic Review. – 1992. – Vol. 1. – P. 35.
13. Розен Л.Г., Ли Дацзюнь, Домкин К.И. Применение производственной функции Кобба – Дугласа // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2011. – № 1. – С. 109–113.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА И ЕГО РОЛИ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Родионова И.А., д.э.н., Павлов В.Н., аспирант, ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ

Анализируются теоретические вопросы содержания экономической категории «малый агробизнес». Рассматриваются различные подходы к классификации субъектов предпринимательства и критерии отнесения их к категории «малое предприятие» на основе широкого использования нормативно-правовых документов. Выявлены противоречия и несогласованность нормативного и экономического регулирования в отношении дефиниций «малые формы хозяйствования» и «малый бизнес». Предложено в качестве дополнительного критерия отнесения субъектов хозяйствования к малым предприятиям в аграрной сфере использовать критерий размера земельных угодий. Определено, что основными субъектами малого агробизнеса являются крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели, показаны отличительные признаки К(Ф)Х и ИП, а также преимущества крестьянских хозяйств по сравнению с индивидуальными предпринимателями.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, малые формы хозяйствования, крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели.

CONCEPTUAL ASPECTS OF THE STUDY OF SMALL BUSINESS AND ITS ROLE IN THE AGRARIAN SPHERE OF ECONOMY

Rodionova I.A., doctor of economic sciences, Pavlov V.N., post-graduate student, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov

The article deals with the theoretical issues of the content of the economic category "small agribusiness". Various approaches to the classification of business entities and the criteria for classifying them as "small enterprise" on the basis of the widespread use of legal documents are analyzed. Contradictions and inconsistency of normative and economic regulation in relation to the definitions of "small forms of management" and "small business" are revealed. It is offered, to use criterion of the size of the land as additional criterion of reference of subjects of managing to the small enterprises in the agrarian sphere. It is determined that the main subjects of small agribusiness are peasant farms and individual entrepreneurs. The distinctive features of peasant farms and individual entrepreneurs, as well as the advantages of peasant farms in comparison with individual entrepreneurs are shown.

Keywords: small business, entrepreneurship, small forms of management, peasant farms, individual entrepreneurs

Введение.

Развитие аграрной сферы экономики страны и решение задачи увеличения объемов производства сельскохозяйственного сырья и продовольствия, напрямую связано с эффективностью функционирования малого аграрного бизнеса. Ставка на развитие крупного специализированного производства позволяет решить продовольственную проблему в стране наиболее быстрыми темпами, однако, как подтверждает опыт зарубежных стран, роль малого бизнеса остается существенной, так как именно семейная ферма является основой аграрной экономики. Несмотря на то, что реальное формирование бизнес-деятельности прошло длительный исторический путь развития, экономическое ее содержание в рамках общепринятых категорий еще недостаточно обоснована. Кроме того, само представление о малом предпринимательстве в сельском хозяйстве не имеет четких границ, поскольку статистическая информация не приведена в соответствие с положениями нормативно-правовых документов, обозначающих критерии малого бизнеса в сельском хозяйстве. Таким образом, данное направление исследования, несмотря на значительный объем опубликованных в последние годы работ, является недостаточно разработанным как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Цель исследования заключается в уточнении содержания категории «малый агробизнес» и определении его роли в современной аграрной экономике.

Методика исследований.

Методика исследования основана на фундаментальных положениях экономической науки, работах российских и зарубежных ученых, нормативных и законодательных актах Российской Федерации по проблемам функционирования и развития малого бизнеса в аграрном секторе экономики. При решении теоретических и прикладных задач использовались общенаучные методы исследования, такие как экономический, статистический, аналитический, монографический, сравнительный, а также приемы аналогии и сравнения.

Результаты исследований.

В современной экономической литературе нет однозначного подхода к определению терминов «бизнес» и «предпринимательство». Ряд ученых, например, М.А. Козлов, считает, что эти понятия можно отождествлять [1]. Такой же позиции придерживается и А.В. Трухачев, с его точки зрения агробизнес – это сложная и подвижная система предпринимательства в сельской сфере, направленная на комплексное использование местных ресурсов с целью снижения рисков на основе многоотраслевой диверсификации деятельности хозяйствующих субъектов [2].

В Толковом словаре иностранных слов категория «бизнес» трактуется как предпринимательская экономическая деятельность, приносящая доход, прибыль [3]. Однако в научной литературе имеются принципиальные расхождения при раскрытии сущностных сторон данных понятий. Так, предпринимательство, по мнению отечественных исследователей, – это самостоятельная деятельность субъекта, характеризующаяся инициативностью, творческой направленностью, предполагающая создание новой организации, получение прибыли, внедрение инноваций; в то время как бизнесом является любая экономическая деятельность с целью получения прибыли, т.е. обычное хозяйствование, предусматривающее вложение средств в проекты, имеющие аналоги.

По мнению авторов, под категорией «бизнес» следует понимать среду предпринимательской деятельности в конкретной сфере. Бизнес – текущая деятельность, в ходе которой не предпринимаются инновационные решения. Предпринимательство же, прежде всего, выражает деятельность субъектов, которая характеризуется особой новаторской формой хозяйствования на основе постоянного поиска инновационно-ориентированных на новые возможности проектов с целью достижения эффективного использования собственных ресурсов.

В Гражданском Кодексе РФ ст.23 предпринимательской деятельностью признается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке [4].

Впервые сущность малого предпринимательства раскрывается в классическом труде А. Смита «Исследований о природе и причинах богатства народов» [5], в которой он констатирует, что именно спрос определяет пределы возможностей обмена, а не размеры рынка диктуют спрос. А. Смит приводит множество примеров в доказательство сказанному: «В уединенных фермах и маленьких деревушках ...каждый фермер должен быть вместе с тем мясником, булочником и пивоваром для своей семьи. В таких условиях трудно ожидать встретить даже кузнеца, плотника или каменщика на расстоянии менее 20 миль от его собрата по профессии».

Многие экономисты, среди которых Д. Рикардо, Дж.Ст. Милль, А. Маршалл, К. Маркс, Дж. Гелбрэйт и П. Самуэльсон, писали о несомненных преимуществах крупного бизнеса над малым. Так, английский экономист-неоклассик А. Маршалл в исследовании «Принципы экономической науки» [6] освещает конкретные преимущества крупных предприятий. К ним он относит возможность использовать дорогостоящую технику при организации производственного процесса, имеющую достаточно узкую специализацию, а потому доступную для эксплуатации крупному производителю. Мелкий предприниматель ввиду отсутствия достаточных средств и объемов вынужден использовать ручной труд.

В целом, несмотря на сравнительный анализ малого и крупного предпринимательства и демонстрации преимуществ крупного бизнеса, в работах экономистов-классиков в достаточной степени не объяснена необходимость существования малого предпринимательства в экономике. П. Самуэльсон утверждает: «Малые предприятия... составляют подавляющее большинство всех предприятий. Но по объемам продаж и величине основных фондов, по политической и экономической мощи, а также по числу работников, занятых на предприятии, в экономике доминируют лишь несколько сотен крупнейших корпораций» [7].

Многоукладность в АПК обеспечивается функционированием самых различных форм хозяйствования, в том числе и малых, на основе создания обязательных условий для максимального использования ресурсного потенциала и эффективного ведения производства. В этой связи необходимо соотнести категории «малый бизнес» с понятием «малые формы хозяйствования» в отечественной экономико-правовой плоскости.

В современном экономическом словаре термин «хозяйство» означает совокупность природных и произведенных в результате деятельности человека средств, используемых для создания, поддержания, улучшения условий и средств существования, жизнеобеспечения [8]. К субъектам хозяйствования принято относить физические или юридические лица, которые осуществляют экономическую и хозяйственную деятельность, поэтому форма хозяйствования может быть индивидуальной или совместной. То есть форма хозяйствования характеризуется конкретным типом организационно-экономических отношений, обеспечивающих реализацию экономических интересов субъекта собственности.

Организационно-правовые формы хозяйствования определены в Гражданском Кодексе РФ (ст. 50). Законом установлено, что юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в следующих организационно-правовых формах: хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

В Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства» аналогичным образом определены субъекты хозяйствования: хозяйственные общества и партнерства, производственные и потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели [9]. Одним из условий идентификации малых предприятий среди всего их множества является показатель среднесписочной численности сотрудников за прошедший календарный год, который для субъектов малого предпринимательства не должен быть выше 100 чел., число работников микропредприятия не может превышать 15 чел. Другое условие представляет собой ограничение на размер выручки от реализации продукции за предшествующий календарный год, которая не должна превышать 800 млн руб., у микропредприятий – 120 млн руб. [10] (табл. 1).

Ограничением для юридических лиц в сфере малого предпринимательства является размер суммарной доли участия РФ, ее субъектов, муниципальных образований, общественных и религиозных организаций, благотворительных фондов в уставном (складочном) капитале или паевом фонде субъекта малого предпринимательства, который не должен составлять более 25%; суммарная доля участия иностранных юридических лиц или юридических лиц, не относящихся к субъектам малого и среднего предпринимательства, не должна быть выше 49%. В то же время следует отметить, что в мировой практике критерием отнесения бизнеса к малому служит лишь численность работников предприятия.

Применение формально-правового подхода к трактовке понятия «малый бизнес» имеет определенные недостатки. Так, формально к числу малых предприятий не относится целый пласт организаций, число сотрудников которых имеет пограничное значение, превышающее установленную законом предельную величину хотя бы на одну единицу. Те же рассуждения справедливы и для предприятий, выручка от реализации которых оказывается выше 800 тыс. руб., предположим, на 1 тыс. руб., а значит, такое предприятие переходит из разряда малых в разряд средних, оставаясь зачастую при этом по качественным характеристикам малым предприятием.

Таблица 1 – Общие критерии и нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность малых предприятий в Российской Федерации

Показатель	Критерий	Нормативно-правовой акт
Предельное значение среднесписочной численности работников за предыдущий календарный год	- 15 чел. – для микропредприятий; - 16–100 – чел. – для малых предприятий; - 101–250 чел. – для средних предприятий.	ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.04.2007. № 209-ФЗ п. 2. ч. 1.1. ст. 4
Доходы за год по правилам налогового учета не превышают	- 120 млн руб. – для микропредприятий; - 800 млн руб. – для малых предприятий; - 2000 млн руб. – для средних предприятий	ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.04.2007. № 209-ФЗ п. 2. ч. 1.1. ст. 4 Постановление Правительства РФ «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» от 04.04.2016. N 265
Дополнительные критерии для ООО		
Суммарная доля участия в уставном (складочном) капитале (пасивом фонде) организации	Не более 25% принадлежит: - государству, субъектам РФ; - муниципальным образованиям; - общественным и религиозным организациям (объединениям); - благотворительным и иным фондам Не более 49% принадлежит: - иностранным организациям; - организациям, которые не являются субъектами малого и среднего предпринимательства	ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.04.2007. № 209-ФЗ подп. «а» п.1 ч. 1.1 ст. 4
Дополнительные критерии для АО		
Суммарная доля участия в капитале	Не более 25% голосующих акций принадлежит: - государству, субъектам РФ; - муниципальным образованиям; - общественным и религиозным организациям (объединениям); - благотворительным и иным фондам. Не более 49,0% голосующих акций принадлежит: - иностранным организациям; - организациям, которые не являются субъектами малого и среднего предпринимательства	ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.04.2007. № 209-ФЗ подп. «е» п.1 ч.1. 1. ст. 4

Экономический подход к выявлению сущности понятия «малый бизнес» нивелирует указанные недостатки. Во-первых, акцентируется внимание на совмещении ролей, когда собственник является и управленцем, и работником предприятия. Во-вторых, невозможно однозначно говорить о степени гибкости организаций, относящихся к числу малых, поскольку, с одной стороны, ввиду незначительных размеров, малые предприятия действительно способны быстро адаптироваться к изменениям во внешней среде, а, с другой, – те же размеры в случае негативного воздействия внешних факторов ставят малое предприятие в чрезмерную зависимость от поддержки со стороны государства. В-третьих, на малых предприятиях отмечаются персонифицированные взаимоотношения между руководителем и его сотрудниками. Однако данное исследование требует оперирования статистическими данными, поэтому применение исключительно экономического подхода не дает полного раскрытия сущности понятия. Применение лишь правового подхода является излишне формализованным, следовательно, имеет смысл использовать экономико-правовой подход [11].

Статистика Российской Федерации изучает сельскохозяйственные показатели в целом по отрасли и в разрезе категорий хозяйств – сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйствах и хозяйствах населения. По величине малого, среднего и крупного бизнеса категории хозяйств не разделяются. Априори считается, что СХО – это крупный сельскохозяйственный бизнес, а К(Ф)Х и ХН – малый. Всесторонний анализ, проведенный учеными Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, показал, что основная доля валовой продукции СХО производится в крупных хозяйствах, в которых численность работников превышает 250 чел., но при этом большинство организаций следует отнести к малому бизнесу. Среди К(Ф)Х и ИП доля хозяйств, отвечающих признакам среднего и крупного бизнеса, крайне небольшая, но в стоимости валовой продукции сельского хозяйства их роль существенна. То есть провести экономический анализ деятельности малого агробизнеса, опираясь на данные официальной статистики, представляется достаточно проблематичной задачей [12]. В табл. 2 показана динамика численности сельскохозяйственных организаций России за 2014–2017 гг.

Таблица 2 – Динамика численности сельскохозяйственных организаций России по годам, ед.

Организация	2014	2015	2016	2017
Сельскохозяйственные организации	50 386	52 180	53 646	54 707
В том числе:				
- малые (кроме микропредприятий) с численностью работников до 100 чел. и суммарным доходом по всем видам деятельности не превышающим 800 млн руб.	9569	9253	7271	7278
- микропредприятия с численностью работников до 15 чел. по всем видам деятельности и доходом не превышающим 120 млн руб.	24 456	26 977	31 169	29 359

Общее количество сельскохозяйственных организаций России за 2014–2017 гг. увеличилось на 4321 ед., или на 8,6%. В структуре продукции сельского хозяйства на их долю приходится 55,0% всего ее объема. При этом удельный вес малых и микропредприятий в общей численности сельскохозяйственных организаций в 2017 г. составил 67,0%. По организационной форме и характеру своей деятельности малые и микропредприятия являются фермерскими, но их производственные показатели по статистическим данным записываются в графу сельхозорганизации.

Спорным моментом в определении размеров сельскохозяйственных организаций является критерий площади земельных угодий. Сельское хозяйство является ведущей отраслью экономики страны, при этом земля выступает главным средством производства. Мы считаем правомерным точку зрения исследователей, которые утверждают, что размеры предприятий АПК должны увязываться не только с численностью работников, но и с площадью земельных угодий. Так, исследователь М.А. Козлов отмечает, что развитие сельхозпредприятия зависит от размера и состояния земель в большей степени нежели от численности работников [13]. Аналогичного мнения придерживаются Д.О. Свиридов и А.А. Дубовицкий, которые отмечают, что земля непосредственно влияет на конечные результаты деятельности в сельском хозяйстве, поэтому для определения размера предприятий непосредственно необходимо использовать ограничивающий критерий площади сельскохозяйственных угодий. Ученые предлагают по площади сельскохозяйственных угодий выделять 4 группы агропредприятий: микробизнес – площадь сельскохозяйственных угодий до 50 га, малый бизнес – площадь от 51 до 1 000 га, средний бизнес – площадь от 1 001 до 20 000 га, крупный бизнес – площадь свыше 20 000 га [14].

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 г. представила неоднозначные данные по размерам земельной площади (табл. 3) [15].

Таблица 3 – Группировка аграрных организаций по размеру земельной площади

Показатель	Сельскохозяйственные организации	Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	Общая площадь земли в среднем на 1 хозяйство, га	
			сельскохозяйственные организации	крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели
Удельный вес хозяйств, имевших земли в размере, %:				
до 4,1 га	6,5	13,8	1,3	7,2
4,1 – 10 га	2,8	9,3	1,7	7,1

Согласно данным, представленным в таблице, 6,5% сельскохозяйственных организаций России имеют земельную площадь, не превышающую 4,1 га, и 2,8% из них – площадь до 10 га. По размеру площади, приходящейся в среднем на 1 хозяйство, отдельные сельскохозяйственные организации мало чем отличаются от фермерских хозяйств.

Классическими формами малого агробизнеса являются крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели. Современное К(Ф)Х представляет собой объединение граждан, связанных родством и/или свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на личном участии. В настоящее время К(Ф)Х в своей деятельности руководствуются ГК РФ и ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [16]. Согласно закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» К(Ф)Х осуществляли свою деятельность без образования юридического лица, в настоящее время они должны регистрироваться как индивидуальные предприниматели, а не в виде объединения граждан, т.е. в единой структуре предприятия параллельно существуют два субъекта хозяйствования: фермерское хозяйство и его глава, между которыми имеются гражданские правоотношения.

Российским законодательством выделены следующие формы малого агробизнеса: крестьянские (фермерские) хозяйства, в том числе юридические лица и главы крестьянских (фермерских) хозяйств, индивидуальные предприниматели. В таблице 4 приведены отличительные признаки крестьянских (фермерских) хозяйств от индивидуальных предпринимателей.

Таблица 4 – Отличительные признаки К(Ф)Х и ИП

Критерий	К(Ф)Х	ИП
Количество членов организации	Неограниченное количество человек, состоящее в родственных связях, в других случаях – не более пяти	Один человек
Регистрация	Регистрируется только глава К(Ф)Х, но требуется соглашение в случае нескольких совладельцев	Регистрация одного человека с предоставлением информации о его личности
Распределение доходов	Между всеми участниками общества, согласно соглашению	Весь доход принадлежит предпринимателю
Ответственность	Распределяется между всеми участниками КФХ, согласно соответствующему положению в соглашении	Вся ответственность лежит на ИП, отвечает личным имуществом.
Льготы	Льготный период в налогообложении, имущественная государственная поддержка, страховые компенсации	Упрощенная система налогообложения, уменьшенные страховые взносы, дотации и субсидии начинающему предпринимателю
Система налогообложения: - единый сельскохозяйственный налог; - упрощенная система налогообложения; - общая система налогообложения	доступен доступна доступна и рекомендуется	не доступен доступна доступна

Большинство предпринимателей в качестве формы хозяйствования выбирают К(Ф)Х, так как это дает им право не платить первые пять лет налог на доход физических лиц в размере 13,0%, при этом данные субъекты не освобождаются от уплаты земельного и транспортного налогов, а также НДС и страховых взносов. В К(Ф)Х обязательно использование земли по целевому назначению, в то время как у ИП нет таких ограничений. В целом исследователи отмечают, что К(Ф)Х имеют ряд серьезных преимуществ по сравнению с ИП:

- поддержку и привилегии со стороны государства;
- льготный период налогообложения;
- возможность использования больших земельных участков, площадь которых превышает 2,5 га;
- возможность получения грантов по программам поддержки от различных фондов;
- официальное оформление сотрудников;
- льготные условия для получения кредитов на закупку земли и оборудования;
- при отсутствии нарушений со стороны законодательства К(Ф)Х не подлежат проверке комиссиями со стороны местного самоуправления.

В то же время, как и любая другая форма хозяйствования, К(Ф)Х не лишены недостатков, среди основных можно выделить следующие:

- большие затраты на оформление фермерского хозяйства в сравнении с обычными ИП;
- использование земли только по целевому назначению;
- обязательство участника данного хозяйства быть членом только одного К(Ф)Х.

В своих трудах известный русский экономист А.В. Чаянов рассматривал фермерскую форму производства как семейно-трудовую организацию. При этом полутрудовому хозяйству, которое наряду с рабочей силой семьи прибегает к наемному труду (капиталистическое), он противопоставлял семейное или трудовое, не использующее наемных рабочих.

Отечественные исследователи Н. Тарасов, С. Дульзон предлагают следующие формы фермерских хозяйств: семейное крестьянское хозяйство, семейное фермерское хозяйство, семейная ферма и семейное подсобное хозяйство. Д.А. Аржанцев считает, что особенности российской практики проявляются в глубокой дифференциации К(Ф)Х по размерам обрабатываемых участков, объему основных средств, численности наемных рабочих и предлагает подразделять фермерство на три группы: мелкие фермеры, классические середняки, крупные фермерские хозяйства [16].

Наиболее спорным моментом является отнесение хозяйств населения и потребительских кооперативов к субъектам малого агробизнеса. Ряд исследователей отождествляет дефиниции «малый аграрный бизнес» и «малые формы хозяйствования». Например, С. Шарипов, Г. Харисов ЛПХ наряду с К(Ф)Х относят к малым формам агробизнеса [17]. Однако в ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» четко сказано, что личное подсобное хозяйство – это форма непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции [18]. При этом реализация сельскохозяйственной продукции гражданами, ведущими личное подсобное хозяйство, допускается, но это не является предпринимательской деятельностью.

В ГК РФ ст. 123 потребительские кооперативы отнесены к некоммерческой форме организаций, а в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства» зафиксировано, что они являются субъектами предпринимательства. Основным законом, регулирующим деятельность кооперативов, является Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» в котором прямо указывается, что потребительский кооператив – это некоммерческая организация, которая создана сельскохозяйственными товаропроизводителями и/или ведущими личное подсобное хозяйство гражданами при условии их обязательного участия в хозяйственной деятельности потребительского кооператива [19].

В этой связи представляется интересной точка зрения М.С. Лата, которая классифицирует малые формы хозяйствования по типу хозяйствования на предпринимательские и не-предпринимательские. К первой группе отнесены ИП и К(Ф)Х, образованные как путем заключения договора между его членами, так и регистрации его главы в качестве индивидуального предпринимателя, а также сельскохозяйственные микропредприятия, а во вторую –

хозяйства населения и сельскохозяйственные производственные кооперативы [20]. Мы считаем, что подобная позиция дает наиболее четкое представление о разделении дефиниций «малые формы хозяйствования» и «малый агробизнес». Малые формы хозяйствования более широкое понятие, включающее множество субъектов предпринимательского и непредпринимательского типа, осуществляющих экономическую деятельность в АПК с использованием ограниченного числа работников на принципах имущественной и организационной общности с целью производства и реализации сельскохозяйственной продукции и получения доходов.

Заключение.

Вследствие несогласованности нормативных и правовых документов, регулирующих деятельность различных сельскохозяйственных субъектов, и неоднозначные позиции экономистов-аграрников, требуется уточнение дефиниции «малый аграрный бизнес, которая и конкретизирована авторами. Под малым аграрным бизнесом понимается множество субъектов, равно имеющих и не имеющих статус юридического лица, созданных посредством объединения людей, сплоченных общей бизнес-идеей под единым руководством, обладающих морально-психологической совместимостью. Рисковое функционирование данной совокупности осуществляется в рамках экономико-правовых ограничений, включающих ограничения на среднесписочную численность (не более 100 чел. за предшествующий год), величину выручки от реализации (не более 800 тыс. руб. за предыдущий год), доли участия иных хозяйствующих субъектов в капитале или паевом фонде субъекта бизнеса с целью получения прибыли.

Субъектами малого агробизнеса авторы считают:

- ИП (индивидуальные предприниматели) – физическое лицо, которому предоставляется право осуществлять коммерческую деятельность;
- граждан, ведущих совместную деятельность в области сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства (ст. ГК РФ), имеющих право создать юридическое лицо – крестьянское (фермерское) хозяйство.
- крестьянские (фермерские) хозяйства, создаваемые в качестве юридического лица на основе членства граждан для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности в области сельского хозяйства, основанной на их личном участии и объединении членами крестьянского (фермерского) хозяйства имущественных вкладов;
- микросельскохозяйственные предприятия с численностью работников до 100 чел. различных организационно-правовых форм хозяйствования.

Список литературы:

1. Козлов М.А. Повышение эффективности государственной поддержки малого и среднего бизнеса в агропромышленном комплексе (на примере Красноярского края): дис. ... канд. кон. наук. – Красноярск, 2016. – 153 с.
2. Трухачев А.В. Системные закономерности интеграционного развития аграрного предпринимательства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Ставрополь, 2011. – 23 с.
3. Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. – М.: Эксмо, 2008. – С. 117.
4. Гражданский Кодекс РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Наука. – 570 с.
6. Маршалл А. Принципы экономической науки Т.1. – М.: Прогресс, 1993. – 415 с.
7. Хакимов А.Х. Институциональные факторы развития предпринимательской деятельности в условиях рыночной трансформации. – М.: Проспект, 2014. – 109 с.
8. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/
9. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 27.12.2018). URL: <http://www.consul->

tant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbcdc9a360ad1dc314150a6328886703356/

10. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 27.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbcdc9a360ad1dc314150a6328886703356/

11. Родионова И.А. Развитие малых форм хозяйствования в аграрном секторе Саратовско области // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 47 (182). – С. 32–38.

12. Узун В.Я. Почему в рыночном сельском хозяйстве преобладает малый бизнес // Отечественные записки. – 2012. – № 6(51). – С. 8–20.

13. Свиридов Д.О., Дубовицкий А.А., Климентова Э.А. Классификационные параметры развития агробизнеса: теория и измерение // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания. – 2017. – № 2 (16). – С.76–86.

14. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. В 8 т. / Федеральная служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018.

15. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 23.06.2014). URL: <http://www.consultant.ru>

16. Аржанцев Д. А. Совершенствование механизма государственной поддержки малого предпринимательства в сельском хозяйстве (на примере Белгородской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2011. – 25 с.

17. Шарипов С., Харисов Г. Экономический потенциал и эффективность развития различных форм аграрного бизнеса в Республике Татарстан // Экономика сельского хозяйства России. – 2018. – № 2. – С.23–29.

18. О личном подсобном хозяйстве: Федеральный закон от 07.07.2003 N 112-ФЗ (ред. от 03.08.2018). ГКДЖ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/e097041d589ии2806589и17у5ф300а77024аи899.

19. О сельскохозяйственной кооперации: Федеральный закон от 08.12.1995 N 193-ФЗ (ред. от 03.08.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/e097041d589bb2806589b17e5a300f77024fb899

20. Лата М.С. Инновационное развитие малых форм хозяйствования в аграрном секторе экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Волгоград, 2018. – 30 с.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ

Исаева О.В., к.э.н., Всероссийский научно-исследовательский институт экономики и нормативов – филиал ФГБНУ ФРАНЦ

Рассмотрены основные факторы развития аграрного сектора АПК. На основе социологического исследования уточнены факторы, влияющих на структурные изменения развития различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве страны, и определена степень их влияния. По результатам исследования составлен рэнкинг факторов по всему экспертному сообществу и в разрезе экспертных групп, разработана карта факторов, влияющих на многоукладность сельского хозяйства. Результаты экспертного опроса позволили выделить наиболее значимые по степени влияния факторы: финансовые условия развития сельхозпроизводителей, государственная политика в сельском хозяйстве и природно-климатические условия.

Ключевые слова: сельское хозяйство, факторы, формы хозяйствования, экспертный метод исследований, рэнкинг, карта факторов.

THE MAIN FACTORS INFLUENCING THE DEVELOPMENT OF DIFFERENT FORMS OF FARMING IN RUSSIAN AGRICULTURE

Isaeva O.V., candidate of economic sciences,
All-Russian Research Institute for Economy and Normative -
branch of Federal Rostov Agrarian Scientific Centre

The article describes the main factors of agricultural sector development. Based of sociological research, the factors influencing the structural changes in the development of different forms of agriculture in the country are clarified, and the degree of their influence is determined. According to the results of the study, a ranking of factors across the expert community and in the context of expert groups was made, a map of factors affecting the diversity of agriculture was developed. The results of the expert survey made it possible to identify the most significant factors in the degree of influence: financial conditions for the development of agricultural producers, state policy in agriculture and climatic conditions.

Keywords: agriculture, factors, forms of management, expert research method, ranking, factors map

Введение.

В период непрерывных социально-экономических реформ в России, глобализации мировой экономики, возникновения новых угроз, связанных с введением санкций западными странами и препятствующими стабильному развитию аграрного сектора экономики, требуется проработка мер, направленных на защиту национальных интересов и обеспечения продовольственной безопасности страны. В этой связи существует необходимость дальнейшего углубления исследований по уточнению и изучению наиболее существенных факторов, влияющих на деятельность отечественных агроструктур в условиях «новой нормальности».

Проведенные исследования позволили сформулировать авторское определение категории «новая нормальность», под которым автор понимает современное состояние экономики, характеризующееся в аграрном секторе снижением эффективности традиционной государственной политики, ухудшением внутренних и внешних условий функционирования аграрного производства, требующее применения новых инструментов управления, правил и подходов, способствующих созданию необходимых ресурсов для перехода на новую модель социально-экономического роста, в том числе к более высоким технологическим укладам в отраслях сельского хозяйства.

Выявление факторов и их анализ позволяют сопоставить роль и направления регулирования аграрной экономики, определить характер формирования и развития многоукладной аграрной экономики в новых социально-экономических условиях. В исследованиях под факторами понимается совокупность причин, определяющих функционирование и тенденции развития сельхозпроизводителей различных категорий хозяйствования.

Исследования в данном направлении проводились ВНИИЭиН – филиал ФГБНУ ФРАНЦ в соответствии с государственным заданием на 2018 г. в рамках темы 0707-2017-0007 «Разработать Концепцию развития многоукладности форм хозяйствования в сельском хозяйстве Российской Федерации в условиях «новой нормальности».

Цель исследования состоит в уточнении и систематизации ключевых факторов, влияющих на структурные изменения развития различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве страны, а также в определении степени влияния каждого из них.

Методика исследований.

Методический аппарат исследований основан на системе общенаучных и локальных методов и приемов, системного подхода с использованием абстрактно-логического и институционального анализа, метода монографических исследований, интуитивного моделирования, эконометрических, мониторинговых исследований и экспертного опроса.

Результаты исследований.

Современное российское сельское хозяйство характеризуется дифференциацией регионов по удельному весу различных форм хозяйствования, их отличительными особенностями и результативностью хозяйственной деятельности. Важным направлением эффективного ведения сельскохозяйственного производства является формирование соответствующей институциональной среды, которая обеспечивала бы положительные результаты функционирования как отдельных хозяйствующих субъектов, так и многоукладной аграрной экономики в целом.

Исследования, проводимые в последние годы сотрудниками ВНИИЭиН [1, 2, 3, 4, 5, 6], показали, что деятельность всех хозяйствующих субъектов подвержена влиянию различного рода проблем, оказывающих воздействие на процесс формирования и функционирования многоукладного сельского хозяйства. В связи с этим возникает необходимость уточнения и оценки факторов, влияющих на структурные изменения развития различных форм хозяйствования в аграрном секторе экономики в условиях «новой нормальности». Как показывает отечественный и зарубежный опыт, анализ и изучение общих и специфических, объективных и субъективных факторов дает возможность обеспечить выявление связей, объясняющих природу явления, а также формы взаимоотношений во внешней среде функционирования.

На основе исследований по вопросам влияния факторов на развитие аграрной структуры России [7, 8, 9] определено выделение таких факторов, как государственная политика в сельском хозяйстве, финансовые условия развития сельхозпроизводителей, агропродовольственная инфраструктура, логистика, обеспеченность каналами сбыта аграрной продукции, влияние научно-технического прогресса, природно-климатические условия, развитие интеграционных процессов, кооперации, сложившиеся неформальные институты, региональные особенности развития территорий, землеобеспеченность, возрастной состав сельского населения и др.

Для решения поставленной задачи проведено социологическое исследование по вопросам изучения основных факторов, влияющих на структурные изменения развития различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве России. В качестве метода социологического исследования применен экспертный метод (экспертный опрос). Как показывает анализ литературы по теме исследования, достоверность использования данного метода находится в пределах допустимой ошибки [10, 11].

Экспертный метод исследования основан на интуиции, мнении и опыте высококвалифицированных специалистов в соответствующей области. Он широко применяется при изучении экономических процессов, оценки степени влияния того или иного явления, когда отсутствие статистической информации не позволяет достоверно оценить и измерить влияние

факторов, определяющее конечные результаты деятельности. Экспертный метод используется для решения различных сложных, слабоструктурируемых проблем. Экспертный опрос может проводиться в форме очного или заочного, индивидуального или коллективного опроса (интервьюирование, анкетирование, коллективная дискуссия, «мозговой штурм», «мозговая атака», Метод Дельфи и др.). Однозначные рекомендации по их применению дать сложно, выбор того или иного метода экспертного опроса определяется спецификой исследуемой проблемы, наличием финансовых ресурсов, временными возможностями, территорией охвата и др.

Для проведения исследований по вопросам выявления факторов, влияющих на многоукладность сельского хозяйства, использован метод экспертного опроса в форме анкетирования. При отборе факторов для внесения их в анкету использован метод индивидуальной экспертной оценки и коллективной генерации идей – «мозговая атака».

Процедура проведения экспертного опроса, включающая основные этапы, их содержание и последовательность, представлена на рисунке 1, включает в себя постановку цели экспертного опроса; отбор факторов и составление анкет; определение критериев отбора экспертов и формирование экспертной группы; проведение экспертного опроса (анкетирования); обработку и анализ экспертной информации; составление карты факторов, влияющих на многоукладность сельского хозяйства.

Рисунок 1 - Алгоритм проведения экспертной оценки факторов, влияющих на структурные изменения развития различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве России

На первом этапе проведения экспертного опроса формулируется его цель. Целью данного исследования является отбор и оценка влияния наиболее существенных факторов, определяющих структурные изменения развития различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве России.

На втором этапе проводится отбор и формируется перечень факторов на основе проведенного автором логического анализа с использованием статистического и монографического методов. При отборе факторов целесообразно руководствоваться следующими критериями: факторы должны быть наиболее вероятными и явными для всех категорий хозяйствования; их влияние должно характеризоваться масштабными последствиями, приводящими к структурным сдвигам; а последствия влияния максимально отражаться на показателях всех

хозяйствующих субъектов – финансовых, производственных, экономических, организационных и др.

После отбора и составления перечня факторов формируется анкета исследования. Для исследования факторов развития многоукладности форм хозяйствования в сельском хозяйстве разработаны три варианта анкет по группам экспертов: для руководителей и специалистов СХО, глав К(Ф)Х, владельцев ЛПХ; для руководителей и специалистов сельскохозяйственных потребительских кооперативов и специалистов управлений сельского хозяйства, муниципальных образований, Министерства сельского хозяйства. Анкета включает в себя такие основные разделы:

- характеристика респондента;
- тенденции развития для различных сельхозтоваропроизводителей России в среднесрочной перспективе;
- факторы, влияющие на тенденции развития различных сельхозпроизводителей России;
- направления управления развитием различных категорий хозяйств в сельском хозяйстве.

На следующем этапе определяются критерии отбора и формируются группы экспертов, при этом основным вопросом является определение количественного и качественного состава общей экспертной группы.

Определение выборочной совокупности основано на следующих методических подходах [7, 12]:

- по методикам проведения экспертных опросов репрезентативным и рациональным считается состав группы от 12 до 30 экспертов;
- в целях обеспечения репрезентативности выборки объектов исследования по генеральной совокупности использовано представительство различных форм хозяйствования в их территориальном расположении по нескольким регионам страны (Ростовская область, Краснодарский край, Воронежская область);
- обоснованность и качество полученных результатов обеспечивается представительством всех хозяйствующих субъектов многоукладной аграрной экономики: СХО, К(Ф)Х, ЛПХ, СПоК, органов управления; представительство экспертов, имеющих разную специализацию в данной отрасли и их количество в группе;
- репрезентативность полученных качественных оценок экспертов обеспечивается предъявлением к ним требованиям: уровень эрудиции и компетентности, специальные знания в области сельскохозяйственного производства, высшее или специальное профильное образование, опыт работы в аграрной сфере.

В качестве экспертов выступили 30 специалистов – представителей всех категорий хозяйств, сельскохозяйственной потребкооперации и органов управления. Все экспертное сообщество условно разделено на пять групп (табл. 1). Основная часть экспертов состояла из представителей сельхозтоваропроизводителей, на долю которых приходится 73% экспертного сообщества.

Таблица 1 – Количественный состав экспертного сообщества проведения социологического исследования

Группа	Состав экспертной группы	Количество экспертов	Доля в общем количестве экспертов, %
1	Руководители и специалисты СХО	5	16,7
2	Главы К(Ф)Х	12	40,0
3	Владельцы ЛПХ	5	16,7
4	Руководители и специалисты СПоК	4	13,3
5	Специалисты управлений сельского хозяйства муниципальных образований, МСХ	4	13,3
Всего		30	100,0

Источник: составлено по материалам исследования

На следующем этапе социологического исследования проведен индивидуальный опрос экспертов в очной и заочной формах, последняя подразумевала рассылку экспертам анкет с сопроводительными письмами с указанием цели исследования и рекомендациями по заполнению анкетных листов.

На пятом этапе проводится обработка и анализ полученной экспертной информации. На данном этапе проверяется правильность и полнота заполнения анкет по всем группам экспертов в соответствии с поставленными целями экспертного опроса.

Обработка информации, полученной в ходе проведения экспертного опроса, осуществлялась в следующей последовательности:

- определение соответствия баллов оценочному месту факторов по степени важности по каждой группе экспертного сообщества;
- подсчет баллов по факторам по всему экспертному сообществу, а также по каждой экспертной группе;
- определение доли каждого фактора и их распределение по степени важности (рэнкинг факторов).

По мнению всего экспертного сообщества, наиболее значимыми факторами, влияющими на развитие различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве страны, являются финансовые условия развития сельхозтоваропроизводителей, государственная политика в сельском хозяйстве, природно-климатические условия, обеспеченность и доступность к каналам сбыта аграрной продукции, диспаритет цен на потребляемые ресурсы и производимую продукцию, на долю которых приходится 10,80; 10,10; 8,19; 7,85 и 7,70 % соответственно (табл. 2).

Таблица 2 – Общая оценка факторов, влияющих на развитие многоукладности форм хозяйствования в сельском хозяйстве, всего экспертного сообщества

Место	Фактор	Доля фактора, %
1	Финансовые условия развития сельхозтоваропроизводителей	10,80
2	Государственная политика в сельском хозяйстве	10,10
3	Природно-климатические условия	8,19
4	Обеспеченность и доступность к каналам сбыта аграрной продукции	7,85
5	Диспаритет цен на потребляемые ресурсы и производимую продукцию	7,70
6	Зависимость от импортных товаров (семян, удобрений, техники, племенных животных и т.д.)	7,47
7	Агропродовольственная инфраструктура (наличие связей между производством, переработкой и торговлей)	7,08
8	Логистика (система движения товара)	6,50
9	Землеобеспеченность	6,48
10	Развитие кооперации	5,46
11	Влияние научно-технического прогресса	4,44
12	Региональные особенности развития территорий	4,37
13	Развитие интеграционных процессов в АПК (агрохолдинговых структур, кластеров)	3,65
14	Слабая развитость рынка агрострахования	3,45
15	Возрастной состав сельского населения	3,43
16	Сложившиеся неформальные институты (обычаи, навыки, опыт, традиции)	2,76
17	Иные факторы	0,27
	ИТОГО	100,0

Сумма трех факторов, занимающих первые строки рэнкинга, составляет более 29,09%, что соответствует закону Парето или принципу 20/80, согласно которому примерно 20% факторов являются основными, так как именно они дают 80% суммарного эффекта.

К факторам, оказывающим наименьшее влияние на развитие многоукладности сельскохозяйственного производства, экспертами отнесены следующие: влияние научно-технического прогресса (4,44%), региональные особенности развития территорий (4,37%), развитие интеграционных процессов в АПК – агрохолдинговых структур, кластеров (3,65%),

слабая развитость рынка агрострахования (3,45%), возрастной состав сельского населения (3,43%), сложившиеся неформальные институты – обычаи, навыки, опыт, традиции (2,76%). При опросе эксперты практически не указывали «иные факторы», равные 0,27 %. Данные факторы оценили эксперты – руководители и специалисты СХО, к ним была отнесена слабая законодательная база в части земельного права.

Рассмотрим результаты социологического исследования по каждой экспертной группе.

В первой группе, в которой в качестве экспертов выступили руководители и специалисты СХО, были определены три основных фактора: финансовые условия развития сельхозпроизводителей (10,73%), государственная политика в сельском хозяйстве (9,46%), природно-климатические условия (9,32%), их сумма составила 29,51%. Следует отметить, что мнение членов первой экспертной группы по определению трех главных факторов, влияющих на развитие многоукладности в сельском хозяйстве, полностью совпало с мнением всего экспертного сообщества. На четвертое место по значимости влияния факторов эксперты определили зависимость от импортных товаров – семян, удобрений, техники, племенных животных и т.д. (8,76%), на пятое – обеспеченность и доступность к каналам сбыта аграрной продукции (7,63%). Данные факторы отнесены всем экспертным сообществом на 6-е и 4-е места, соответственно (табл. 3).

Таблица 3 – Общая оценка факторов, влияющих на развитие многоукладности форм хозяйствования в сельском хозяйстве по группам экспертов

Фактор	Доля фактора, %				
	Руководители и специалисты СХО	Главы К(Ф)Х	Владельцы ЛПХ	Руководители и специалисты СПоК	Специалисты управлений сельского хозяйства, муниципальных образований, МСХ
Финансовые условия развития сельхозпроизводителей	10,73	10,88	9,88	13,91	9,17
Государственная политика в сельском хозяйстве	9,46	10,34	6,89	13,02	11,74
Природно-климатические условия	9,32	8,77	5,84	8,83	7,34
Зависимость от импортных товаров (семян, удобрений, техники, племенных животных и т.д.)	8,76	7,44	6,14	5,74	8,99
Обеспеченность и доступность к каналам сбыта аграрной продукции	7,63	8,34	6,28	7,51	8,81
Диспаритет цен на потребляемые ресурсы и производимую продукцию	7,20	8,52	6,73	7,73	6,98
Землеобеспеченность	6,79	7,44	7,49	3,09	4,77
Логистика (система движения товара)	6,36	6,95	7,04	3,53	7,16
Агропродовольственная инфраструктура (наличие связей между производством, переработкой и торговлей)	5,65	7,32	8,83	7,51	5,69
Развитие интеграционных процессов в АПК (агрохолдинговых структур, кластеров)	4,80	2,54	4,19	4,85	3,85
Развитие кооперации	4,66	4,41	5,09	12,36	4,40
Влияние научно-технического прогресса	4,24	4,90	5,24	0,44	5,69
Слабая развитость рынка агрострахования	3,81	2,84	5,54	1,32	4,04
Региональные особенности развития территорий	3,53	4,66	6,14	1,55	4,77
Возрастной состав сельского населения	2,97	3,08	4,64	1,10	5,50
Сложившиеся неформальные институты (обычаи, навыки, опыт, традиции)	2,54	1,57	4,04	7,51	1,10
Иные факторы	1,55	0,00	0,00	0,00	0,00
ИТОГО	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Источник: разработано автором по материалам исследования.

По мнению экспертов-руководителей и специалистов СХО, самыми малозначимыми факторами являются следующие: развитие интеграционных процессов в АПК (4,80%); развитие кооперации (4,66%); влияние научно-технического прогресса (4,24%); слабая развитость рынка агрострахования (3,81%); региональные особенности развития территорий (3,53%); возрастной состав сельского населения (2,97%); сложившиеся неформальные институты – обычаи, навыки, опыт, традиции (2,54%); иные факторы (1,55%). В сумме данные факторы составили менее 30%.

Оценка факторов экспертами – главами К(Ф)Х (2-я группа) представлена следующим образом: лидирующая группа факторов определяется тремя основными факторами, полностью соответствующими мнению всего экспертного сообщества и первой группы экспертов: финансовые условия развития сельхозпроизводителей, государственная политика в сельском хозяйстве, природно-климатические условия с долей фактора 10,88, 10,34 и 8,77% соответственно. Сумма данных факторов составляет 29,99%, что превышает значение суммы тех же факторов в рэнкинге всего экспертного сообщества на 0,9%. На четвертое и пятое места главы К(Ф)Х поставили диспаритет цен на потребляемые ресурсы и производимую продукцию, а также обеспеченность и доступность к каналам сбыта аграрной продукции, на долю которых приходится 8,52 и 8,34% соответственно.

Проблемы землеобеспеченности и зависимости от импортных товаров (семян, удобрений, техники, племенных животных и т.д.) оценены экспертами второй группы одинаково – 7,44%, чуть меньшее влияние на развитие многоукладности форм хозяйствования в сельском хозяйстве страны оказывает агропродовольственная инфраструктура (наличие связей между производством, переработкой и торговлей) – 7,32%.

Главы К(Ф)Х не считают значительной степень влияния таких факторов, как научно-технический прогресс, региональные особенности развития территорий, развитие кооперации и возрастной состав сельского населения, на долю которых приходится 4,90; 4,66; 4,41 и 3,08%, соответственно, что в сумме составляет 17,05%.

Три последних места в рэнкинге факторов экспертами отданы (кроме «иных факторов», равных 0,0) слабой развитости рынка агрострахования (2,84%), развитию интеграционных процессов в АПК – агрохолдинговых структур, кластеров (2,54%), влиянию сложившихся неформальных институтов – обычаи, навыки, опыт, традиции (1,57%).

По мнению экспертов – владельцев ЛПХ (3-я группа), наиболее значимыми факторами, влияющими на структурные изменения развития различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве, являются финансовые условия развития сельхозтоваропроизводителей (9,88%), агропродовольственная инфраструктура – наличие связей между производством, переработкой и торговлей (8,83%), землеобеспеченность (7,49%), доля которых в сумме составляет 26,2%. На четвертое место по значимости влияния факторов эксперты определили систему движения товара (логистику) – 7,04%. В отличие от мнения экспертов первой и второй групп, которые значение влияния государственной политики в сельском хозяйстве определили на второе место, владельцы ЛПХ данный фактор в рэнкинге указали на пятом месте – 6,89%. Равную степень значимости 3-й экспертной группы имеют такие факторы, как региональные особенности развития территорий и зависимость от импортных товаров (семян, удобрений, техники, племенных животных и т.д.) – 6,14%.

Самыми малозначимыми факторами, занявшими три последних строчки в рэнкинге факторов, по мнению экспертов – владельцев ЛПХ стали: возрастной состав сельского населения (4,64%), развитие интеграционных процессов в АПК – агрохолдинговых структур, кластеров (4,19%) и сложившиеся неформальные институты – обычаи, навыки, опыт, тради-

ции (4,04%). Следует отметить, что доля самых малозначимых факторов не опускается ниже 4,0%, самых значимых – не превышает 9,88 %, что свидетельствует о равномерном распределении факторов в ранжинге.

В четвертой экспертной группе, в которую вошли руководители и специалисты СПоК, были определены три основных фактора: финансовые условия развития сельхозпроизводителей (13,91%), государственная политика в сельском хозяйстве (13,02%), развитие кооперации (12,36%), сумма которых составила почти 40,0%. Следующие два места заняли такие факторы, как природно-климатические условия и диспаритет цен на потребляемые ресурсы и производимую продукцию, на долю которых приходится 8,83% и 7,73%, соответственно. Следует отметить, что в ранжинге факторов всего экспертного сообщества, а также экспертов первой и второй групп природно-климатические условия располагались на третьем месте.

Руководители и специалисты СПоК одинаково оценили влияние таких факторов, как агропродовольственная инфраструктура (наличие связей между производством, переработкой и торговлей), обеспеченность и доступность к каналам сбыта аграрной продукции и сложившиеся неформальные институты (обычаи, навыки, опыт, традиции) на уровне 7,51%. В качестве факторов, наименее влияющих на развитие многоукладности в сельском хозяйстве, эксперты 4-й группы выделили (кроме «иных факторов», равных 0): логистику (систему движения товара) – 3,53%, землеобеспеченность – 3,09%, региональные особенности развития территорий – 1,55%, слабую развитость рынка агрострахования – 1,32%, возрастной состав сельского населения – 1,10%, влияние научно-технического прогресса – 0,44%. Сумма данных факторов составляет всего 11,03%.

Результаты анкетирования группы экспертов – руководителей и специалистов СПоК отличаются от других групп и тем, что в структуре индексов суммы трех основных факторов и трех самых малозначимых больше, чем у других экспертных групп, тем самым уменьшая степень значимости «среднего массива» факторов, оцененных экспертами 4-й группы.

Специалисты управлений сельского хозяйства, муниципальных образований, МСХ (5-я группа) выделили государственную политику в сельском хозяйстве, финансовые условия развития сельхозпроизводителей и зависимость от импортных товаров (семян, удобрений, техники, племенных животных и т.д.) как наиболее значимые факторы, влияющие на развитие многоукладности форм хозяйствования в аграрном секторе экономики. Степень влияния данных факторов оценена экспертами суммарно в 29,90%. Следующим по степени важности эксперты 5-й группы выделили обеспеченность и доступность к каналам сбыта аграрной продукции (8,81%), что полностью совпало с мнением всего экспертного сообщества. Пятому месту ранжинга соответствует фактор, определяющий природно-климатические условия – 7,34%. Одинаково оценены такие факторы, как влияние научно-технического прогресса и развитие агропродовольственной инфраструктуры (наличие связей между производством, переработкой и торговлей), а также региональные особенности развития территорий и землеобеспеченность, степень влияния которых составляет 5,69 и 4,77% соответственно.

К менее значимым факторам специалистами управлений сельского хозяйства, муниципальных образований, МСХ отнесены следующие: развитие кооперации, слабая развитость рынка агрострахования, развитие интеграционных процессов в АПК (агрохолдинговых структур, кластеров), на долю которых приходится 4,40; 4,04 и 3,85 % соответственно.

Эксперты 5-й группы единодушны с экспертным сообществом первых трех групп, определив в ранжинге факторов наличие сложившихся неформальных институтов (навыков, опыта, традиций и др.) на последнее место.

После проведения обработки и анализа экспертной информации на последнем этапе проведения экспертной оценки факторов, влияющих на структурные изменения развития

различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве России, составлена карта факторов, влияющих на многоукладность сельского хозяйства (рис. 2).

Рисунок 2 – Карта факторов, влияющих на развитие многоукладности форм хозяйствования в сельском хозяйстве России, всего экспертного сообщества

Заключение.

Исследование вышеприведенных факторов, влияющих на развитие различных форм хозяйствования в аграрном секторе экономики, позволило сделать вывод о том, что современное состояние сельского хозяйства определяется целым комплексом переплетенных проблем, для решения которых требуется проработка мер, направленных на защиту национальных интересов и обеспечение продовольственной безопасности страны, со стороны государства. Одним из таких направлений может стать разработка Концепции развития многоукладности форм хозяйствования в сельском хозяйстве РФ, отражающей основные механизмы, направления и систему мер, обеспечивающих эффективное развитие различных форм хозяйствования в современных социально-экономических условиях функционирования аграрного сектора экономики. Принятие эффективных государственных решений может содействовать гибкому реагированию многоукладного сельского хозяйства на влияние тех или иных факторов.

Список литературы:

1. Кузнецов В.В. Факторы инновационного развития сельского хозяйства в условиях «новой нормальности» // Друкеровский вестник. – 2018. – № 1. – С. 67–72.
2. Щитов С.Е., Морозов Е.М. Оценка возможного влияния дестабилизирующих факторов финансово-экономического характера на перспективы развития сельского хозяйства Рос-

сии // Формирование конкурентоспособной экономики АПК региона : теоретический и практический аспекты: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 23–24 сент. 2014 г. / ред. кол.: П. М. Першукевич [и др.]; ФГБНУ Сиб. НИИ экономики сел. хоз-ва, Алтайское. отделение. – Барнаул: Типогр. «Алтай. дом. печати», 2014. – С. 108–111.

3. Солдатова И.Ю. Институциональные факторы в политике продовольственной безопасности России: федеральный и региональный аспект // Роль национальных общественных и глобальных институтов в развитии агропромышленного комплекса России и за рубежом: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Ростов н/Д, 7–8 окт. 2015 г. / ФАНО. ФГБНУ ВНИИЭиН. – Ростов н/Д, 2015. – С. 65–70.

4. Черная А.Е. Господдержка как основной фактор развития сельхозпроизводителей // Современное экологическое состояние природной среды и научно-практические аспекты рационального природопользования: 2-я Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. / ФГБНУ «Прикасп. науч.-исслед. ин-т аридного земледелия». – С. Соленое Займище, 2017. – С. 1860–1863.

5. Современные тенденции, проблемы и перспективы функционирования сельскохозяйственных потребительских кооперативов / А.Н. Тарасов [и др.]; ГНУ ВНИИЭиН. – Ростов н/Д: ООО «АзовПечать», 2014. – 184 с.

6. Теоретические основы управляемого социально-экономического развития сельского хозяйства в условиях воздействия глобальных процессов / А. Н. Тарасов [и др.]; ВНИИЭиН – филиал ФГБНУ ФРАНЦ. – Ростов н/Д: ООО «АзовПринт», 2018. – 228 с.

7. Оценка рисков функционирования сельскохозяйственных товаропроизводителей в регионах Российской Федерации / А.Н. Тарасов [и др.]. – Ростов н/Д: ГНУ ВНИИЭиН Россельхозакадемии, 2013. – 186 с.

8. Институциональная модель преодоления рисков функционирования сельскохозяйственных товаропроизводителей / А. Н. Тарасов [и др.]; ГНУ ВНИИЭиН. – Ростов н/Д: ООО «АзовПечать», 2014. – 156 с.

9. Кирсанова О.В. Экономические условия и механизмы развития малого и среднего бизнеса в сельском хозяйстве : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / ГНУ ВНИИЭиН Россельхозакадемия. – Воронеж, 2014. – 171 с.

10. Методика экономических исследований в сельском хозяйстве: учеб. пособие для студ. с.-х. вузов по экон. спец. – 4-е изд., перераб. – М.: Экономика, 1982. – 216 с.

11. Рабочая книга по прогнозированию / редкол.: И.В. Бестужев-Лада (отв. ред.). – М.: Мысль, 1982. – 430 с.

12. Разработать методические положения по оценке рисков функционирования сельскохозяйственных товаропроизводителей в регионах Российской Федерации: отчет о НИР: 01.02.01.02 / ГНУ «Всерос. науч.-исслед. ин-т экономики и нормативов»; рук. А.Н. Тарасов; исполн.: О.И. Павлушкина, В.Ф. Маковкина, О.С. Добровольская, А.Е. Черная, О.В. Кирсанова, Н.Л. Татаренко. – Ростов н/Д, 2012. – 186 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Коновалова Т.Л., ст. преподаватель, Оберт Т.Б., ст. преподаватель,
Саратовский государственный национальный исследовательский
университет имени Н.Г. Чернышевского

Анализируются противоречия развития сельского хозяйства России в условиях дисбаланса между отдельными позитивными изменениями и проявлениями аграрного кризиса. Выделены некоторые проблемы аграрного сектора, наиболее значимые для экономики страны в целом. Рассмотрена ситуация на рынках хлеба и сахарной свеклы. Предложены меры государственной поддержки аграрного сектора.

Ключевые слова: аграрный сектор, интенсификация сельского хозяйства, государственная поддержка, стимулирование конкуренции, продовольственная безопасность.

MODERN CONTRADICTIONS IN DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN RUSSIA

Konovalova T.L., senior teacher, Obert T.B., senior teacher,
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

Contradictions of development of agriculture of Russia in the conditions of an imbalance between separate positive changes and manifestations of agrarian crisis are considered. Some problems of the agrarian sector, the most significant for national economy are allocated. The situation in the market of bread and sugar beet is considered. Measures of the state support of the agrarian sector are shown.

Keywords: agrarian sector, agriculture intensification, state support, competition stimulation, food security.

Введение.

Положительные сдвиги, которые произошли в развитии сельского хозяйства России в 2015–2016 гг., в то же время выделили ряд негативных тенденций – накопленных отраслевых проблем и дисбалансов, усугубляющихся на фоне ухудшения макроэкономической ситуации в стране. Реально располагаемые доходы сельского населения упали за два последних года более чем на 10% при сокращении спроса на продовольствие на 13%, особенно на мясную и молочную продукцию, фрукты и ягоды [1]. Рост сельскохозяйственного производства остается неустойчивым, сохраняются и усугубляются структурные диспропорции между отдельными отраслями и подотраслями, стадиями агропромышленной цепочки, регионами, малым, средним и крупным бизнесом и др. Всё это приводит к углублению аграрного кризиса в стране. Причины его кроются прежде всего в несовершенстве государственного управления отраслью, недостаточной государственной поддержке сельского хозяйства, слабости регулирования аграрного рынка, ущербности проводимой аграрной политики.

Цель исследований выделить проблемы аграрного сектора, наиболее значимые для экономики страны в целом и, проанализировав их, предложить наиболее эффективные меры государственной поддержки, в том числе в сфере управления отраслью.

Методика исследований.

Теоретической и методологической основой написания данной статьи послужили труды российских экономистов и данные современной статистики. Затронуты как теоретические, так и практические аспекты развития сельскохозяйственного производства. В исследовании применялись общеметодологические принципы и приемы исследования, сопоставления.

Результаты исследований.

Аграрный сектор является ведущим в экономике РФ, при этом он оказывает существ-

венное влияние и на общие макроэкономические параметры развития национальной экономики.

В настоящее время на удовлетворение продовольственных запросов населения в России приходится около 48% потребительского рынка, а затраты на питание в 2016 г. составляли почти половину расходов отечественных домохозяйств против 1/3 на начало 2014 г. Стабильное снабжение населения основными продуктами питания отечественного производства, рациональное использование ресурсного потенциала сельского хозяйства, стимулирование обеспечения достойных доходов занятых в сельском хозяйстве – важнейшие условия существования и развития страны, ее продовольственной безопасности.

Однако позитивные количественные показатели прироста продукции в сельском хозяйстве (в 2015 г. по отношению к предыдущему году он составил 2,6%, в 2016 г. – 4,8%) достигались при фактическом снижении показателей интенсификации сельского хозяйства, прежде всего фондооснащенности на единицу земельной площади. Происходит "интенсивное" истощение почвенного плодородия. Органические удобрения почти перестали вноситься в почву, а количество минеральных удобрений резко снизилось. Урожайность зерновых в России в 2–3 раза ниже, чем в развитых странах. Определенный эффект дает использование западных технологий, а также использование импортных семян (до 50% и более, а по сахарной свекле – 97%). Это повышает урожайность, но выносит из почвы большое количество питательных веществ. На многих землях перестали вводиться севообороты, являющиеся важным элементом общей культуры земледелия, – показателем его интенсивного развития.

Благоприятные показатели современного сельскохозяйственного экспорта, особенно зернового, являются следствием перекосов в структуре посевных площадей, увеличения посевов зерновых за счет сокращения кормовых культур, общих диспропорций между растениеводством и животноводством. В результате, вывоза за рубеж зерно, Россия вынуждена импортировать животноводческую продукцию почти на эквивалентный объем.

Зерновой экспорт ряд исследователей рассматривает как угрозу экономической и продовольственной безопасности страны [2]. Во-первых, неконтролируемый вывоз зерна нарушает структурное единство отечественного АПК, задерживая развитие животноводства. Во-вторых, сельское хозяйство страны ориентируется не на внутренний, а на внешний рынок без должного учета национальных потребностей и цен. За годы реализации национального проекта «Приоритетное развитие АПК» и «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» задача приоритетного развития отечественного животноводства так и не была решена.

По данным И. Буздалова, в сельском хозяйстве России насчитывается около 30 тыс. сельскохозяйственных организаций, почти 230 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств, около 17 млн приусадебных семейных хозяйств, а также около 80 тыс. садово-огородных объединений, в которых земельные участки имеют более 14 млн семей. При разумной аграрной политике сельское хозяйство может дать свыше 15% общего объема производства и до 1/4 стоимости импорта РФ.

В настоящее время объем господдержки аграрной отрасли составляет 12,7 млрд руб. (4,4 млрд долл.) в год. При вступлении в ВТО Россия, вопреки существующим для этой организации правилам, выставила обязательным условием повышение для страны максимально возможного уровня господдержки сельского хозяйства с 4,4 до 9 млрд долл. в 2012 г., и лишь затем снижение этой поддержки постепенно до сегодняшнего уровня к 2018 г. [3].

Несмотря на позитивные тренды в сельскохозяйственном производстве, в России активизируются застарелые проблемы и появляются новые риски и неопределенности в сфере обеспечения отечественными компонентами всех составляющих производства. В результате в период до 2026 г. ожидается замедление темпов роста как спроса, так и предложения на мировых продовольственных рынках, что неблагоприятно для России и может свести на нет достигнутый положительный эффект импортозамещения.

К настоящему моменту Россия перешла от политики импортозамещения к политике

стимулирования экспорта продовольственной продукции. В условиях, когда на российском рынке вероятно перенасыщение по таким товарным позициям, как зерновые, птица, свинина и сахар необходимо искать новые экспортные возможности. И в первую очередь необходимо обеспечить не продуктивное импортозамещение молочной, мясной, овощной продукции, а импортозамещение научного потенциала сельскохозяйственной отрасли, сельскохозяйственного машиностроения, материалов, технологий, базовых экономических составляющих для отечественного сельскохозяйственного производства [4]. Наступающий период депрессивных цен означает, что российские экспортеры будут вынуждены «вытеснять» своих конкурентов, других игроков мирового рынка, либо более высоким качеством, либо более низкими ценами, либо тем и другим.

Состояние конкуренции в сельскохозяйственной сфере РФ можно рассмотреть на примере рынка семян сахарной свеклы, на котором ФАС России проводил ретроспективный анализ с целью выявления существующих проблем. В нашей стране сахарная свекла – это основной источник заводского сырья для производства сахара. Как известно, рынок сахара является низко концентрированным, с развитой конкурентной средой [5]. В корнеплодах сахарной свеклы содержится 16–20% сахарозы. Выращивают культуру преимущественно для производства сахара, а также как корм для животных. Из корнеплодов данной культуры получают патоку, которую в свою очередь используют для производства лимонной кислоты, глицерина, спирта, органических кислот, дрожжей. Жом, добываемый из сахарной свеклы, используют для корма животных, а дефекаат служит отличным удобрением. Сахарная свекла применяется и для производства этилового спирта.

Для размножения используются две категории семян – оригинальные и элитные (семена элиты). К оригинальным относятся семена первой ступени размножения. Эти семена и являются эталоном чистоты сорта, то есть прародителями всех последующих поколений какого-либо сорта. Элитные семена получают от оригинальных. Импортируемый посевной материал состоит из готовых к посеву семян (товарные семена), вороха, требующего дальнейшей подработки, элитных семян для последующего размножения. Есть отечественные семена – семена сахарной свеклы, полученные из оригинальных семян отечественной селекции. К иностранным относятся:

- семена, полученные на территории Российской Федерации из элитных семян иностранной селекции, ввезенных на территорию РФ;
- семена, полученные в результате подработки и обработки вороха, ввезенного на территорию РФ;
- готовые к посеву семена, ввезенные на территорию РФ.

Учитывая, что основная часть семян свеклы на территорию Российской Федерации поступает из-за рубежа, рынок семян свеклы можно рассматривать как сегмент мирового рынка.

Приобретателями/покупателями семян сахарной свеклы являются сельхозтоваропроизводители, осуществляющие коммерческие закупки семян свеклы с целью посева у отечественных или иностранных продавцов. Согласно данным ФТС России, поставки семян сахарной свеклы (родительских форм оригинальных и элитных семян) на территорию РФ осуществляют следующие компании: Сесвандерхаве (Бельгия), КВС (Германия), Сингента (Франция), Штрубе (Германия), Мезон Флоримонд Депре (Франция), Бетасид ГмбХ (Германия), Кутновская Ходовля Бурака Цукровенко/ КНВС (Польша), В. Легутко (Польша), Аврора (Италия).

Отечественными производителями родительских форм оригинальных и элитных семян сахарной свеклы являются: ФГУП Льговская опытно-селекционная станция (Курская область), ФГБНУ Всероссийский научно-исследовательский институт сахарной свеклы и сахара им. А.Л. Мазлумова (Воронежская область), ФГБНУ Первомайская селекционно-опытная станция сахарной свеклы (Краснодарский край).

В результате анализа рынка не были выявлены хозяйствующие субъекты с признаками доминирования на рынке в соответствии со ст. 5 «Закона о защите конкуренции» (с долей

более 50% и более 35%). Ведущие позиции на рынке семян сахарной свеклы за анализируемый период принадлежат иностранным компаниям Сесвандерхаве (Бельгия), Сингента (Франция), КВС (Германия).

Следует отметить, что группа компаний SESVANDERHAVE через российское предприятие ООО «Сесвандерхаве» осуществляет производство семян свеклы из элитных семян собственной селекции на территории Российской Федерации. Однако удельный вес таких семян в общем объеме реализованных семян невелик и составляет менее 1%.

Отечественные компании на исследуемом рынке – ЗАО «Щелково Агрохим», ОАО «Перелешинский семенной завод», ООО «Ольховатский семенной завод» находятся на последних строках рейтинга, так как занимают незначительные доли ($\leq 1,3\%$), что говорит о полном отсутствии возможности влиять на условия обращения товара (семян сахарной свеклы).

Уровень концентрации рынка семян сахарной свеклы в установленных географических границах, представленный в таблице, определен на основе показателей рыночной концентрации – коэффициента рыночной концентрации (CR-3) и индекса рыночной концентрации Герфиндаля-Гиршмана (HHI)

Таблица – Значения показателей рыночной концентрации на рынке семян сахарной свеклы

№	Субъектный состав товарного рынка	Доля хозяйствующих субъектов			Уровень концентрации товарного рынка		
		2013 г.	2014 г.	2015 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
1	<i>Сесвандерхаве</i> (SESVANDERHAVE N.V./S.A.)	23	24	33	умеренный	умеренный	высокий
2	<i>Сингента</i> (SYNGENTA FRANCE S.A.S /MARIBO SEED INTERNATIONAL APS)	22,9	26,1	24,3			
3	<i>КВС</i> (KWS SAAT AG)	21	19	20			
4	<i>Штрубе</i> (STRUBE GMBH & CO. KG)	14	15	7			
5	<i>Мезон Флоримонд Депре</i> (S.A.S. MAISON FLORIMOND DESPREZ)	10	7	7			
6	<i>Бетасид</i> (BETASEED GMBH)	3	3,8	3,8			
7	<i>Делепланге Сие-Штрубе Гмб</i> (DELEPLANQUE & CIE - STRUBE GMBH & CO. KG)	2,8	1,4	1,8			
8	<i>ООО Ольховатский семенной завод</i>	0,6	1	1,2			
9	<i>ОАО Перелешинский семенной завод</i>	0,6	0,5	0,4			
10	<i>ЗАО Щелково Агрохим</i>	0,1	0,5	0,1			
11	<i>КНВС</i> (KUTNOWSKA HODOWLA BURAKA CUKROWEGO SP.Z.O.O.)	0,6	0,1	0			
12	<i>Аврора П.С. Продукция</i> (AURORA S.P.A PRODUCTS)	0	0	0,4			
13	<i>В. Легутко</i> (W. LEGUTKO PRZEDSIEBIORSTWO HODOWLANO-NASIENNE)	0,019	0	0			

Составлено по данным сайта Федеральной антимонопольной службы. Управление контроля химической промышленности и агропромышленного комплекса. Обзор состояния конкуренции на рынке семян сахарной свеклы. – URL: <https://fas.gov.ru>. Дата обращения 01.05. 2019 г.

По результатам анализа количественных и качественных показателей данный товарный рынок отнесен к высококонцентрированному рынку (с недостаточно развитой конкурентной средой).

В настоящее время в России основными барьерами при вхождении в отрасль являются:

- значительные затраты при выведении нового сорта/гибрида;
- отсутствие необходимого материально-технического оснащения, технологий и кадров для выведения нового сорта/гибрида;
- недостаточное субсидирования со стороны государства.

Российский рынок семян сахарной свеклы в 2015 г. можно характеризовать как высококонцентрированный с олигопольной структурой. Причем процессы концентрации продолжались на протяжении исследуемого периода – от умеренноконцентрированного в 2013–2014 гг. до высококонцентрированного в 2015 г.

Проведенное исследование выявило, что доля импортных семян на отечественном рынке составляет около 98%. Это говорит о критической ситуации с семенами сахарной свеклы: внутренний рынок практически полностью зависит от импортных поставок, доля отечественных семян – менее 2%. Основными поставщиками семян на российский рынок (с долей более 70% от общего объема реализации семян на территории Российской Федерации) являются: Сесвандерхаве (SESVANDERHAVE N.V./S.A., Бельгия), Сингента (SYNGENTA FRANCE S.A./MARIBO SEED INTERNETIONAL APS, Франция) и KBC (KWS SAAT AG, Германия). Их суммарная доля в общем объеме реализации семян сахарной свеклы на территории Российской Федерации возросла с 68% в 2013 г. до 78,3 % в 2015 г. Однако говорить о коллективном доминировании указанных фирм сегодня нельзя, поскольку на данном товарном рынке в 2016–2017 гг. происходили значительные изменения, в том числе продажа активов компаний третьим лицам. В результате доля каждой компании может меняться.

Российские селекция и семеноводство переживают глубокий кризис. В настоящее время отечественная селекция представлена в основном государственными селекционными центрами. Негосударственные селекционные центры в Российской Федерации развиты слабо, в основном это подразделения крупных семеноводческих хозяйств. Материально-техническая и технологическая база центров селекции и семеноводства устарела, что существенно замедляет селекционный процесс и производство высококачественных семян. Кроме того, коммерциализация достижений сдерживается недостаточным ресурсным (в том числе финансовым) обеспечением, отсутствием действенного механизма обратной связи с бизнес-сообществом, выступающим в качестве заказчика, нескоординированностью звеньев системы семеноводства, а также целым рядом других факторов.

Локализация производства показывает, что в России в основном осуществляется подработка семян сахарной свеклы. При этом лишь незначительные объемы гибридов производятся на территории РФ из импортируемых родительских форм.

Похожая ситуация складывается и на других сельскохозяйственных рынках. Так, в первые десятилетия нынешнего века обострилась конкуренция на рынке хлеба. Появились торговые сети, которые стали сами выпекать хлеб. Хлебобулочные изделия на таких предприятиях стали производиться с использованием специальных улучшителей и готовых хлебных смесей по ускоренной технологии.

Значимым субъектом хлебного рынка стали иностранные производители, открывшие свои представительства или создавшие совместные предприятия с российскими компаниями. В качестве примера можно указать на финский концерн Fazer Bakeries Ltd, который в 1990-х гг. сотрудничал с ОАО «Хлебный дом» (Санкт-Петербург) в качестве стратегического инвестора, затем приобрел контрольный пакет и в итоге выкупил этот бизнес, который известен в России как ОАО «Фацер» [6].

Указанные процессы привели к изменению товарного предложения на рынке хлеба, расширению ассортимента хлеба и хлебобулочных изделий. Значительное место на данном рынке занял «быстрый хлеб», в производстве которого широко используются хлебопекарные смеси, разнообразные хлебопекарные улучшители и пищевые добавки, предлагаемые более 20 компаниями из Германии, Великобритании, Франции, Австрии, Турции и других стран. Производство такой продукции в России осуществляют в основном иностранные компании,

которые присутствуют на нашем рынке с 1990-х гг. Например, мировой концерн IREKS (представительство в России – ООО «Ирекс»), международная группа компаний PURATOS, представленная более чем в 50 городах России (ЗАО «Пуратос») и более чем в 100 странах мира, «Саф-Нева» – российское предприятие международной группы компаний Lesaffre, предлагающее разнообразный ассортимент продукции для профессионального и потребительского рынка, в том числе сухие активные, инстантные, прессованные дрожжи и закваски. Без этой продукции российские компании уже не могут обойтись, попадая в определенную зависимость от иностранных производителей.

Учитывая результаты проведенного анализа, можно предложить ряд мер по повышению конкурентоспособности российского аграрного сектора, укреплению продовольственной безопасности России.

Так, на рынке семян сахарной свеклы необходимо принять меры, способствующие снижению зависимости от импортного генетического материала, что можно сделать путем создания и модернизации селекционно-семеноводческих центров в РФ, стимулирования покупки семян, произведенных с использованием российского селекционного материала, фундаментальных и прикладных исследований в области селекции и семеноводства.

В условиях санкций и продовольственного эмбарго государство должно поддерживать предприятия, предлагающие исконно русские продукты, использующие традиционную рецептуру, поскольку развитие на хлебном рынке инновационных рецептов по ускоренным технологиям приводит к «вымыванию» традиционного ассортимента, чрезмерному увеличению в хлебопекарном производстве применения пищевых добавок и хлебопекарных улучшителей, то есть к потере вкуса и качества хлеба.

На российском хлебном рынке должны произойти и уже происходят существенные изменения. Российский рынок хлебобулочных изделий всё более вписывается в глобальный рынок. Крупные международные концерны, располагающие существенными конкурентными преимуществами и богатым опытом ведения конкурентной борьбы, стремятся к завоеванию большей доли рынка, соперничая с российскими крупными производителями хлеба. При этом российский хлебный рынок в значительной степени зависит от импорта пищевых добавок и хлебопекарных улучшителей, поставляемых из-за рубежа.

Для решения этих проблем нужны новации в области государственного регулирования на рынке хлеба. Необходимо внести изменения в ценовую политику с тем, чтобы обеспечить соблюдение экономических интересов как сельхозтоваропроизводителей, так и интересов населения.

В то же время в связи с введением санкций и усилением государственной поддержки в данной сфере создаются благоприятные возможности для малого бизнеса. Развитие сети мини-пекарен свидетельствует о том, что малый бизнес имеет в данной сфере хорошие перспективы, определенные преимущества по сравнению с массовым производством, может более полно учитывать интересы различных групп потребителей.

По темпам технологической модернизации Россия отстает от развитых стран. Это сдерживает повышение конкурентоспособности аграрной отрасли и закрепляет ее зависимость от параметров мирового сельскохозяйственного производства как по количественным, так и ценовым показателям. Из 180 товарных позиций, предлагаемых российскими производителями на экспорт, только 17 обладают явными конкурентными преимуществами. По-прежнему доминируют товары сырьевой группы, и потенциал диверсификации экспорта остается ограниченным [4].

Также необходим пересмотр существующих подходов к субсидированию сельхозпроизводителей в рамках государственной программы поддержки сельского хозяйства. Реалии аграрного сектора экономики таковы, что без поддержки как фермерским, так и крупным предприятиям сложно добиваться серьезных и стабильных результатов. Поэтому на правительственном уровне проводятся системные финансовые вливания – субсидирование отрасли по всем направлениям. К ним относятся меры денежно-кредитной политики, когда проводится льготное кредитование и приоритетное инвестирование аграрных проектов.

Существуют и специфические направления господдержки сельскохозяйственного производства, к которым можно отнести следующие:

- страхование на льготных условиях сельскохозяйственных культур в зонах рискованного земледелия, элитного поголовья скота;
- бюджетные дотации, которые представлены целевым ассигнованием из бюджета убыточной реализации продукции в условиях низкого урожая;
- возмещение недополученного дохода производителем при сдерживании роста цен на социально значимые продукты;
- бюджетная политика, выражающаяся в дополнительном финансировании сельскохозяйственной отрасли;
- субсидирование процентных ставок по кредитам на развитие АПК;
- возмещение лизинговых платежей на производственное оборудование;
- планирование – составление программ поддержки, разработка актуальных мер поддержки, прогнозы по развитию различных направлений.

Вышеперечисленные меры нужны для грамотного распределения финансирования. В 2019 г. на развитие агропромышленной отрасли правительство выделяет 300 млрд рублей. Распределяться деньги будут по новой схеме, которая получила название «единой региональной субсидии»: если раньше транши направлялись под конкретные программы, то в 2019 г. в регион переводится полная сумма на развитие сельского хозяйства. Здесь заложены страховые преференции, субсидирование кредитов, фермерских и крестьянских форм хозяйств, садоводства и племенного животноводства. Это даст возможность охвата всех представленных в конкретном субъекте направлений развития АПК.

Заключение.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что, несмотря на сложность ситуации, сложившейся в настоящий момент в отечественном сельском хозяйстве, отрасль обладает резервами и перспективами для ее развития и выхода на уровень, соответствующий требованиям мирового глобального рынка. В данной ситуации речь должна идти не только об эффективных мерах государственной поддержки аграрного сектора российской экономики, но согласованности действий центра, региональных органов управления и непосредственных сельхозтоваропроизводителей.

Список литературы:

1. Буздалов И. Современное положение в сельском хозяйстве России: системный аграрный кризис продолжается // Общество и экономика. – 2018. – № 3. – С. 75–92.
2. Гумеров Р. Продовольственная безопасность страны: угрозы нарастают (об эффектах членства в ВТО и не только об этом) // Российский экономический журнал. – 2013. – № 1. – С. 58–70.
3. Щурина С.В., Пруненко М.А. Инвестиции в сельское хозяйство России в условиях вступления в ВТО: ожидания и реальность // Российский экономический вестник. – 2013. – № 10. – С. 3–10.
4. Комаров В. Мировое сельское хозяйство – 2026 // Экономист. – 2017. – № 12. – С. 82–87.
5. Коновалова Т.Л., Оберт Т.Б. Внутриотраслевая конкуренция: стратегии и методы // Аграрный научный журнал. – 2018. – № 3. – С. 78–83.
6. Усенко Н.И., Отмахова Ю.С., Позняковский В.М. Структурные и качественные трансформации на рынке хлеба (анализ современного состояния проблемы развития) // ЭКО. – 2016. – № 1. – С. 108–124.

ВОВЛЕЧЕНИЕ СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ВСЕХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Черная А.Е., Всероссийский научно-исследовательский институт
экономики и нормативов – филиал ФГБНУ ФРАНЦ

Рассматриваются тенденции и проблемы развития инновационных процессов, происходящих в сельском хозяйстве, участниками которых являются сельхозпроизводители трех форм хозяйствования – сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства. Проведен анализ инновационной базы в данных формированиях – наличие основных фондов, состояние сельскохозяйственной техники по категориям хозяйств, эффективность процессов технической модернизации, затраты и результаты внедрения инноваций. На основе выявленных тенденций и проблем разработаны направления вовлечения сельхозпроизводителей в инновационные процессы, требующие усилий как со стороны самих сельхозпроизводителей, так и со стороны государства.

Ключевые слова: сельхозпроизводители, формы хозяйствования, инновационные процессы, тенденции, проблемы, направления, развитие, государственная поддержка.

INVOLVEMENT OF AGRICULTURAL PRODUCERS OF ALL FORMS OF BUSINESS INTO INNOVATIVE PROCESSES

Chernaya A.E., All-Russian Research Institute for Economy and Normative -
branch of Federal Rostov Agrarian Scientific Centre

The tendencies and problems of the development of innovative processes in agriculture are considered. Their participants are agricultural producers of three forms of business patterns - agricultural organizations, family farms, personal subsidiary farms. The analysis of the innovation base in these business patterns is carried out. The base includes the availability of fixed assets, the state of agricultural equipment by farm categories, the effectiveness of technical modernization processes, costs and results of innovation. On the basis of the revealed tendencies and problems, the directions of involvement of agricultural producers into innovative processes have been developed. These directions require efforts from both agricultural producers and the state.

Key words: agricultural producers, business patterns, innovation processes, trends, problems, directions, development, government support.

Введение.

Функционирование сельского хозяйства в современных политико-социально-экономических условиях осложнено глобальными вызовами и требует тщательной проработки направлений развития ключевых точек роста отрасли, от правильного воздействия на которые зависит успешность решения проблем продовольственной независимости и безопасности страны, социальной защищенности ее граждан в условиях «новой реальности».

Всероссийским НИИ экономики и нормативов с участием автора в течение ряда лет проводятся исследования по совершенствованию направлений развития многоукладного сельскохозяйственного производства [1, 2, 3], производителей основных форм хозяйствования – сельскохозяйственных организаций (СХО), крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х) и личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в специфических условиях различных сельских территорий. Развитие конкурентоспособности и экспортного потенциала аграрной отрасли сдерживается недостаточностью основных производственных фондов и высоким процентом их «старения», низкими темпами внедрения инноваций (новых образцов техники и технологий), а также слабой связью науки с производством. Выявление сложившихся условий, тенденций и факторов развития инновационности и ее составляющих элементов в отрасли поможет выявить приоритетные направления регулирования и поддержки государством данных процессов в системной упорядоченности.

Цель исследований – определение основных направлений вовлечения сельхозпроизводителей всех форм хозяйствования в инновационные процессы на основе выявления тенденций и проблем, препятствующих эффективному развитию данных процессов в сельском хозяйстве.

Методика исследований. Исследования проводились на основе использования методов и приемов общенаучного и локального характера, системного подхода, применяя методы: абстрактно-логический, монографический, статистический, институционального анализа, мониторинговых исследований и ряда других.

Результаты исследований.

Тенденции и проблемы развития инновационных процессов. Обеспечение конкурентоспособности сельхозпродукции отечественных производителей в значительной степени зависит от их оснащенности основными фондами, которая является недостаточной, что снижает потенциальные инновационные возможности в увеличении производства сельскохозяйственной продукции и выполнения необходимых технологических операций. В таблице 1 приведены показатели наличия основных видов сельхозтехники по результатам всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг.

Таблица 1 – Наличие основных видов сельскохозяйственной техники по категориям хозяйств на 01.07.2006 г. и 01.07.2016 г. в РФ, тыс. ед.*

Сельхозтехника	СХО			К(Ф)Х			ЛПХ		
	2006 г.	2016 г.		2006 г.	2016 г.		2006 г.	2016 г.	
		всего	в среднем на 1 хозяйство, ед.		всего	в среднем на 1 хозяйство, ед.		всего	в среднем на 1 хозяйство, ед.
Тракторы	437,6	294,8	8,1	158,8	162,3	0,9	413,1	558,3	0,003
Автомобили грузопассажирские	267,2	135,7	3,7	57,1	56,9	0,3	506,6	644,6	0,004
Плуги тракторные	120,3	78,4	2,1	76,8	77,5	0,4	123,2	...	-
Сеялки	190,1	124,9	3,4	83,9	92,8	0,5	...	...	-
Косилки	49,4	38,7	1,1	27,4	40,3	0,2	132,4	...	-
Комбайны: зерноуборочные	112,1	75,1	2,1	54,0	54,2	0,3	...	...	-
кукурузоуборочные	2,4	0,9	0,02	1,0	7,2	0,04	...	...	-
картофелеуборочные	3,8	2,7	0,07	2,0	0,2	0,001	...	...	-
кормоуборочные	28,2	15,3	0,4	2,7	1,7	0,01	...	...	-

* разработано и составлено автором по [4, 5].

За исследуемые десять лет численность сельхозтехники значительно снизилась в СХО, например, количество тракторов уменьшилось на 32,6%, автомобилей грузопассажирских – на 49,2%, комбайнов зерноуборочных – на 33,0%. В К(Ф)Х при сокращении количества хозяйств численность сельхозтехники увеличилось, за исключением автомобилей грузопассажирских, количество которых уменьшилось на 0,4%. В ЛПХ количество тракторов увеличилось на 35,1%, автомобилей грузопассажирских – на 27,2%, к сожалению, статистические данные о наличии плугов тракторных и косилках в 2006 г., отсутствуют. Численность сельхозтехники в среднем на одно хозяйство незначительная, так, зерноуборочных комбайнов и плугов тракторных в среднем на одно хозяйство приходится 2,1 ед., автомобилей грузопассажирских – 3,7 ед. и т.д.

Основная часть средств, предназначенных на технологические инновации в отрасли, расходуется на приобретение технических средств и оборудования (50,3%), затраты на научные разработки составляют лишь 1/8 часть. При этом доля импорта машин, оборудования и транспортных средств увеличилась с 44,8% в 2015 г. до 47,4% в 2016 г. В 2017 г. на обновление сельхозтехники в АПК выделение средств не намечалось, но благодаря финансирования производителей сельскохозяйственной техники в размере 15,7 млрд руб. сельхозпроизводители приобрели на льготных условиях 17157 ед. техники: 6658 зерноуборочных комбайнов,

1531 трактор и 322 кормоуборочных комбайна, а также 8646 ед. других видов техники, что в 1,9 раз больше, чем в 2016 г. Согласно данным, приведенным в таблице 2, на 2017 г. приходится значительную часть приобретенной сельхозтехники у отечественных производителей в 2013–2017 гг.

Таблица 2 – Техническая модернизация сельских хозяйств РФ отечественной сельхозтехникой в 2013–2017 гг.*

Показатель	2016 г.	2017 г.	2017 г. к 2016 г. (+, %)	2013–2017 гг.	Доля 2017 г. к 2013–2017 гг., %
Количество сельхозтехники, приобретенной сельхозпроизводителями у отечественных производителей, ед.	9209	17 157	+86,3	54 072	31,7
В том числе: зерноуборочные комбайны	2325	6658	+186,4	14 072	47,3
кормоуборочные комбайны	95	322	+239,0	777	41,4
тракторы	582	1531	+163,1	3830	40,0
другие виды техники	6207	8646	+39,3	35 393	24,4

* разработано автором по [6].

С начала 2018 г. и по настоящее время насущной проблема остается модернизации основных фондов в российском сельском хозяйстве. Причинами снижения темпов модернизации стали девальвация рубля и повышение цен на ввозимые технические средства. Характеристика основных фондов сельского хозяйства в 2017 г. представлена в таблице 3.

Таблица 3 – Характеристика основных фондов сельского хозяйства в 2017 г.*

Показатель	Наличие основных фондов		Степень износа, %	Коэффициенты, % ед.	
	2017 г., млрд руб.	2017 г. в % к 2016 г.		обновления, на конец года	выбытия, на на- чало года
Основные фонды организаций во всех видах экономической деятельности	197 373	103,9	48,1	4,4	0,8
в том числе в СХО	4860	104,0	41,3	5,7	1,9

* составлено автором по [6].

Как видно из данных таблицы 3, доля основных фондов СХО по всем видам экономической деятельности в 2017 г. составляет около 2,5%, степень их износа остается значительной – 41,3%, однако меньше общероссийского показателя на 6,8 %. Коэффициент обновления на начало года превышает коэффициент выбытия на 3,8 %, что является положительной тенденцией. Расходы СХО на инжиниринг достаточно высоки – 17,7 % (в растениеводстве – 37,5 %), т.е. данный показатель в два раза выше, чем в промышленности. При этом расходы на другие «интеллектуальные» услуги составляют лишь 3%.

Затраты на инновационную деятельность в агробизнесе осуществляются в основном за счет собственных средств (59,3%) и кредитов и займов (39%), бюджетные средства составляют лишь 1,1% [7]. В 2017 г. Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) по показателям 2016 г. впервые был проведен анализ статистических данных по внедрению инноваций в сельском хозяйстве по авторской методологии. Измерение инновационной активности отечественных аграриев показало, что результатами внедрения инноваций сельскохозяйственными производителями являются: рост урожайности в растениеводстве, продуктивности скота и птицы в животноводстве и аквакультурах, повышение качества продукции (1/3 часть опрошенных), увеличение производственных мощностей (22,9%), восстановление и рост плодородия земель сельхозназначения (22,4%) [8].

Результаты исследований ИСИЭЗ НИУ ВШЭ выявили незначительные результаты инновационной активности в сельском хозяйстве, несоответствующие эффективному развитию агросферы. Удельный вес крупных и средних СХО, применивших в 2016 г. инновационные разработки, составил только 3,4% (в промышленности – 9,2%), а в зарубежных странах дан-

ный показатель значительно превышает российский: в Испании он составляет 8,6%; в Дании – 40,8; Нидерландах – 48,3; Норвегии – 59,8%.

Направления вовлечения сельхозпроизводителей в инновационные процессы. Инновационное развитие сельхозпроизводителей всех форм хозяйствования – это наиболее эффективный способ обеспечения их устойчивого развития, а, следовательно, и всей отрасли в целом, и одновременно важное условие обеспечения продовольственной безопасности страны.

Инновационное развитие определяется двумя взаимосвязанными составляющими – научными исследованиями и их внедрением в производстве. Отсутствие одного из этих направлений является тормозом инновационного развития.

Внедрение инноваций в аграрной сфере регламентируется Концепцией развития аграрной науки и научного обеспечения агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной приказом Минсельхоза РФ от 25 июня 2007 г. № 342 [9]. В ней сформулирована необходимость «определения инновационного механизма участия науки в процессе освоения в производстве научных разработок, обеспечивающих эффективное развитие агропромышленного комплекса Российской Федерации».

Система инноваций аграрной экономики включает в себя следующие типы: производственные, технико-технологические, экономические, организационно-управленческие, экологические, селекционно-генетические, социальные, информационные.

На инновационное развитие сельхозпроизводителей влияют факторы как способствующие развитию инновационного процесса (положительные), так и сдерживающие данный процесс (отрицательные). К положительным факторам относятся: рыночное хозяйствование; современный научный и образовательный потенциал; хорошие природно-климатические условия; экологически чистая среда производства сельхозпродукции; достаточно емкий рынок сбыта. К отрицательным – недостаточное развитие аграрной науки и ее слабые связи с производством; длительность проведения научных исследований, связанных со спецификой воспроизводства в сельском хозяйстве; сложность организационной структуры – большое количество министерств и ведомств, занимающихся проблемами АПК.

Достаточность собственных финансовых средств – один из основных факторов, влияющих на доступность инноваций для сельхозпроизводителей, которая весьма дифференцирована [10]. В условиях «новой нормальности» внедрение инноваций осуществляется преимущественно в крупных СХО. Для активизации инновационных процессов хозяйствующим субъектам необходимо совершенствовать производственно-финансовую деятельность, разрабатывать собственную стратегию развития, ориентированную на внедрение необходимых инновационных технологий, способных повысить эффективность производства, конкурентоспособность и рентабельность их продукции.

С учетом значительной доли в производстве отечественной сельскохозяйственной продукции малыми формами хозяйствования (МФХ), увеличение их возможности повышения инновационного потенциала несомненно приведет к росту производственных показателей как количественных, так и качественных. С этой целью необходимо актуализировать следующие виды инноваций: разработка и внедрение прогрессивных технологий, техники по производству сельскохозяйственной продукции, первичной переработке и упаковке, высокопродуктивных сортов сельскохозяйственных культур и пород животных; использование преимуществ местных природных ресурсов; производство экологически чистой органической продукции; взаимодействие с другими формами бизнеса – кооперация с крупными товаропроизводителями с инновационной составляющей, применение новых для нашей экономики международных форм бизнеса, управленческих решений (франчайзинг, аутсорсинг и т.д.). Решение данных проблем взаимосвязано и, в конечном итоге, определяет рост производительности труда, увеличение объемов и качества продукции (услуг), финансовой устойчивости наряду с крупными и средними хозяйствами сектора МФХ.

По мнению автора, из всех вышеперечисленных видов инноваций основным является разработка и внедрение прогрессивных технологий. Данное направление непосредственно влияет на снижение текущих производственных затрат и себестоимость продукции, что в сложившихся финансово-экономических условиях является первостепенной необходимостью для сельхозпроизводителей. В конечном итоге системное пропорциональное развитие всех направлений будет способствовать результативности функционирования сельскохозяйственных производителей всех категорий.

Основными препятствиями внедрения инноваций различными формами сельхозпроизводителей, по мнению автора, являются невысокий уровень государственной поддержки, низкая доходность основной деятельности сельхозпроизводителей, длительные сроки окупаемости, высокая стоимость отслеживания и внедрения нововведений, неготовность работников к использованию новейших образцов техники и технологий, отсутствие реального рынка научных разработок. Решение этих проблем состоит в эффективном лоббировании инновационного развития, повышении роли государства в данном процессе с помощью разработки соответствующих механизмов и инструментов для стимулирования инновационной активности.

Правовое и финансово-экономическое государственное регулирование вовлечения в инновационные процессы сельхозпроизводителей должно быть достаточно гибким. Для его активизации необходимо на всех уровнях от федерального до районного задействовать правовые, экономические, технологические, организационные и социальные механизмы государственной поддержки. Их действие должно быть направлено на создание и освоение инноваций, их распространение и внедрение. При этом органы государственной власти должны определять правила функционирования и взаимодействия участников инновационного процесса путем формирования нормативно-правовой среды. Издержки при освоении инноваций весьма значительны, поэтому их обеспечение должно носить характер государственно-частного партнерства.

К числу приоритетов государственного регулирования внедрения инноваций в производственные процессы различных форм хозяйствования могут быть отнесены совершенствование государственной стратегии инновационной политики; формирование организационно-экономического механизма инновационного производства в сельском хозяйстве; разработка и совершенствование на региональном и муниципальном уровнях программ инновационного развития сельхозпроизводителей; технико-технологическое переоснащение; внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий, в том числе и при хранении и переработке сельхозпродукции; прекращение процесса деградации почв и восстановление их плодородия, разработка агроландшафтов и адаптивных технологий агросистем; вовлечение аграриев в развитие производства органической продукции; создание инновационной системы информационного обеспечения, создание рынка инноваций; формирование инфраструктуры инновационной деятельности в сельском хозяйстве; развитие комплексной системы подготовки и переподготовки специалистов в области инновационной деятельности, способных активизировать инновационную составляющую производственного процесса.

Внедрение данных приоритетов государственного регулирования вовлечения сельхозпроизводителей в инновационные процессы необходимо сопровождать развитием обратной связи между сельхозпроизводителями и создателями инновационной продукции. Такая связь в виде информационного обеспечения может поддерживаться на основе функционирования консультационных сельскохозяйственных служб (центров), а также при подготовке и переподготовке высококвалифицированных специалистов для отрасли. Постановление от 10.10.2018 г. №1212, вступившее в силу в 2019 г., предусматривает применение таких информационных ресурсов, которые должны стать единым источником информации для предпринимателей сельского малого и среднего бизнеса [11].

Немаловажным фактором эффективности внедрения инноваций в деятельности сельхозпроизводителей является создание «пилотных территорий» для апробации нововведений, ими могут быть хозяйства сельхозпроизводителей с высокой результативностью производст-

ва. Финансирование пилотных проектов по апробации инноваций может осуществляться на государственные средства или из объединенных средств сельхозпроизводителей, а также венчурными компаниями. Ведущую роль в данном процессе целесообразно отвести государственно-частному партнерству. Только государству может принадлежать право выбора направлений развития инноваций; регулирование деятельности в инновационной сфере, создание механизмов и условий инвестирования инновационных проектов, а также анализ и контроль в данной сфере [12].

Создание и развитие агротехнопарков является не менее значимой стратегической задачей, чем всё вышеизложенное. Данные формирования являются аккумуляторами передовых научных идей и их воплощения в сельском хозяйстве. Основными источниками финансирования выступают федеральный и региональный бюджеты, средства участников данных формирований, гранты из федеральных и региональных источников структур власти. При создании агротехнопарков необходимо определить потребности сельхозпроизводителей региона в конкретных видах инноваций на базе анализа приоритетных направлений развития региона; четко сформулировать цели, задачи, а также перспективы функционирования агротехнопарка на данной территории, оценить эффективность влияния на функционирование сельхозпроизводителей.

Заключение.

Эффективная инновационная политика государства с целью вовлечения сельхозпроизводителей всех форм хозяйствования в инновационные процессы и создание для этого максимально благоприятных условий будут способствовать их развитию, повышению конкурентоспособности, а также обеспечению внутреннего рынка продуктами питания и выходу на мировой продовольственный рынок. В связи со значительной долей производства сельхозпродукции малыми формами хозяйствования необходимо создание условий для внедрения ими инноваций, что позволит задействовать их значительный потенциал. При этом драйвером инноваций МФХ может стать внедрение ими достижений биотехнологии и широкое использование приемов и методов органического сельского хозяйства. Эффективное внедрение сельхозпроизводителями инновационной техники и технологий, научных достижений в производство сельхозпродукции, в ее хранение и реализацию позволит значительно повысить производительность труда, уровень рентабельности производства и доходов агропроизводителей, а также обеспечит производство экологически чистой сельскохозяйственной продукции.

Список литературы:

1. Институциональная модель преодоления рисков функционирования сельскохозяйственных товаропроизводителей / А.Н. Тарасов [и др.]; ГНУ ВНИИЭиН. – Ростов н/Д., 2014. – 149 с.
2. Концепция социально-экономической государственной стратегии функционирования сельхозтоваропроизводителей России в условиях глобальных вызовов / А.Н. Тарасов [и др.]; ФГБНУ ВНИИЭиН. – Ростов н/Д: АзовПечать, 2015. – 208 с.
3. Концептуальные основы управления социально-экономическим развитием сельского хозяйства / А.Н. Тарасов [и др.]; ФГБНУ ВНИИЭиН. – Ростов н/Д: АзовПечать, 2017. – 226 с.
4. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. / Федеральная служба гос. статистики. М., 2018. – URL : <http://www.vshp2016.ru/resume/> (дата обращения 18.02.2019г.)
5. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: В 9 т. – М., 2006. – URL: www.gks.ru/news/perepis2006/totals-osn.htm (дата обращения 23.03.2018 г.)
6. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2017 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы: Распоряжение Минсельхоза РФ от 28.04.2018 г. №808-р. – URL: <http://government.ru/docs/32544/#32544=1:1:Cgy,1:7:mVy> (дата обращения 27.05.2018 г.)

7. Наука. Технологии. Инновации: 2019: краткий стат. сборник / НИУ ВШЭ. – М., 2019. – 84 с.
8. Что показало первое измерение инновационной активности в сельском хозяйстве? – URL: <https://issek.hse.ru/press/209621586.html> (дата обращения 07.04.2019 г.)
9. О концепции развития аграрной науки и научного обеспечения АПК России до 2025 года: Приказ Минсельхоза РФ от 25 июня 2007 г. № 342. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2062813/#ixzz5O9UjoU9p> (дата обращения 10.07.2018 г.)
10. Бобок В.С. Особенности инвестиционной политики в АПК России // Аграрная наука. – 2014. – № 14. – С. 6–9.
11. О внесении изменений в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным субъектам малого и среднего предпринимательства на реализацию проектов в приоритетных отраслях по льготной ставке: Постановление Правительства РФ от 10.10.2018 № 1212. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308882/ (дата обращения 10.07.2018 г.)
12. Ильина Е.А. Мировой опыт государственной поддержки аграрных предприятий // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2012. – №1 (1). – С. 17–22.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ БЕДНОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СЕЛЬСКОМУ И ГОРОДСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ РОССИИ

Шабанов В.Л., д.соцол.н., ИАГП РАН

Показаны преимущества относительного подхода и адекватность взвешенной шкалы доходов при анализе бедности. С использованием абсолютного и относительного подходов получены оценки уровня и социально-демографической структуры бедности сельского населения в РФ. Представлены расчетные данные, характеризующие уязвимость сельского населения и отдельных его социально-демографических групп перед бедностью. Статистические расчеты выполнены на базе микроданных выборочного наблюдения доходов Росстата по итогам 2017 г.

Ключевые слова: абсолютная и относительная бедность, сельская бедность, риск бедности, социально-демографическая структура (профиль) бедности, взвешенная шкала доходов, медианный доход логарифмически нормальное распределение.

COMPARATIVE ANALYSIS OF ABSOLUTE AND RELATIVE POVERTY IN RURAL AND URBAN AREAS OF RUSSIA

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

The article shows the advantages of the relative approach and the adequacy of a weighted income scale in the analysis of poverty. Using the absolute and relative approaches, estimates of the level and socio-demographic structure of rural poverty in the Russian Federation are obtained. The calculated data characterizing the vulnerability of the rural population and its individual socio-demographic groups to poverty are presented. Statistical calculations were carried out on the basis of microdata of sample observation of Rosstat revenues for the year 2017.

Keywords: absolute and relative poverty, rural poverty, poverty risk, socio-demographic structure (profile) of poverty, weighted income scale, median income, log-normal distribution.

Введение.

Среди существующих концептуальных подходов к пониманию бедности выделяются два монетарных – абсолютный и относительный. В рамках первого в число бедных включаются те, кто имеет доходы «меньшие, чем некоторый установленный абсолютный минимум». Второй подход относит к бедным тех, кто имеет доходы «меньшие, чем у остальных» [1, с. 91].

Концепция абсолютной бедности появилась в начале XX века в контексте дискуссий о минимальном размере оплаты труда [2]. Недостатки современных методик ее реализации связаны со сложными и громоздкими вычислениями большого числа показателей, требующих постоянных корректировок: в статистическом ведомстве России – объема и стоимости 42 видов продовольственных товаров, включенных в состав потребительской корзины, с учетом региональных различий. Преимущества концепции относительной бедности – ее методологическая ясность, простота расчетов и возможность использования для международных и межрегиональных сравнений.

Основные методические проблемы применения обоих подходов связаны с выбором показателя дохода (валового или денежного) и шкалы эквивалентности, адекватно учитывающей размер домохозяйства.

Использование показателя валового дохода, включающего как денежную, так и натуральную составляющую, важно для тех регионов и стран, в которых значительная часть личного потребления обеспечивается за счет натуральных поступлений [3]. В России бедное (малоимущее) население до 2017 г. определялось через показатель располагаемых ресурсов, в составе которого учитывались как денежная, так и натуральная составляющая; с 2017 г. используется показатель денежного дохода. Натуральная составляющая в располагаемых ре-

сурсах российского домохозяйства в 2017 г. была незначительной – 2,4% для города и 7,9% для села [4, с. 16]; это явилось основным мотивом перехода к денежному доходу, который чаще применяется для измерения бедности статистическими ведомствами разных стран мира и считается почти общепринятым.

При исчислении бедности необходимо учитывать эффект совместного проживания людей в домашних хозяйствах [5], то есть объектом анализа является не индивид как таковой, а индивид в составе домохозяйства или домохозяйство в целом. Эффект совместного проживания проявляется в разделении труда и обязанностей в домохозяйстве, при котором вопросы денежного обеспечения неравномерно распределяются между членами семьи, и в более экономном масштабе расходования ресурсов, достигаемом покупкой продуктов питания более крупными (а потому более дешевыми) партиями и совместным потреблением [6].

Учет совместного проживания индивидов производится путем нахождения среднедушевого дохода домохозяйства – простого и взвешенного, образованного с помощью приписывания разных весов всем членам домохозяйства. Использование простого (невзвешенного, когда все веса устанавливаются равными единице) среднедушевого дохода игнорируют естественные различия в потреблении людей разного возраста – детей, трудоспособных, пенсионеров, учитываемые при формировании потребительской корзины и расчетах прожиточного минимума.

Одной из наиболее распространенных шкал эквивалентности является так называемая Оксфордская шкала, принятая в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), согласно которой первому взрослому (старше 14 лет) члену домохозяйства приписывается вес, равный 1, второму и последующим взрослым – 0,5, детям – 0,3. Конкретные веса, присваиваемые членам домохозяйства, строго не обосновываются; они служат для уменьшения влияния размера семьи на показатель среднедушевого дохода, для более корректного сравнительного анализа доходов семей разного размера и состава [7, с. 24–48]. Применение данной шкалы означает формальное уменьшение размера домохозяйства и соответствующее увеличение размера среднедушевого дохода. Так, величина простого среднедушевого дохода домохозяйства в 2017 г. составляла 22,4 тыс. руб. в месяц, рассчитанная по шкале ОЭСР – 35,9 тыс. руб. в месяц¹. Естественно, что принятие другой шкалы не меняет фактический уровень жизни; переход к взвешенной шкале приводит лишь к изменению масштаба показателя дохода и к необходимости другого восприятия его формальных значений.

Цель исследований.

Основной целью исследований является сравнительный анализ оценок уровня и структуры монетарной бедности городского и сельского населения России, полученных при использовании абсолютного и относительного подходов.

Результаты исследований.

Согласно «абсолютной» методике исчисления бедности, принятой Росстатом, малоимущий статус приписывается тем индивидам и домохозяйствам, чей среднедушевой денежный доход не превышает величины прожиточного минимума. При этом используется номинальный *начисленный* доход (то есть полученный до выплат обязательных платежей и сборов). Это объясняется тем, что в составе ПМ, с которым происходит сравнение дохода, обязательные платежи и сборы учитываются. При расчетах по «относительной» методике должны учитываться только *располагаемые* доходы, получаемые после вычета обязательных платежей и сборов.

Проведем расчеты бедности по «относительной» методике, взяв за основу показатель располагаемого денежного среднедушевого дохода, рассчитанный «простым» и «взвешенным» способами (табл. 1). В последнем случае возьмем за основу эквивалентную шкалу

¹ Все расчеты здесь и далее проведены с использованием микроданных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах Росстата по итогам 2017 г. [8]. Для сопоставимости с материалами официальной статистики при расчетах использовались выборочные данные, откорректированные по методике Росстата, доводящей социально-демографическую структуру выборки до социально-демографической структуры генеральной совокупности. Расхождения с официальными данными всюду не превышают 1–7% и объясняются погрешностями при воспроизведении методики Росстата.

ОЭСР. Порог, определяющий уровень бедности, установим в 60% (как принято в большинстве стран ОЭСР) и 50% от медианного значения соответствующего показателя дохода, приведенного к логарифмически нормальному распределению, которое использует Росстат для корректировки эмпирического распределения доходов.

Таблица 1 – Расчетные показатели порога и уровня относительной бедности, по РФ, 2017 г.

Показатель среднедушевого располагаемого дохода, руб. в месяц	Порог бедности (0,6Me)	Уровень бедности (0,6Me), %	Порог бедности (0,5Me)	Уровень бедности (0,5Me), %
Простой денежный	11319	23,4	9433	16,3
Взвешенный денежный	17521	21,5	14601	14,2

Возможность перехода от эмпирического распределения к теоретическому, представленному аналитической функцией – двухпараметрической логнормальной, – позволяет упростить анализ, сведя его к анализу параметров, без существенной потери точности. Обоснованность применения логнормальной функции для аппроксимации доходов признана многими исследователями и практиками; данная аналитическая процедура получила широкое распространение как в органах государственной статистики РФ, так и среди исследователей [9; 10; 11, с. 56–57]. Кривые, представленные на рисунке, свидетельствуют о близости двух распределений показателя «простого» среднедушевого располагаемого денежного дохода – эмпирического, скорректированного по методике Росстата, и теоретического, построенного на основе логнормальной функции.

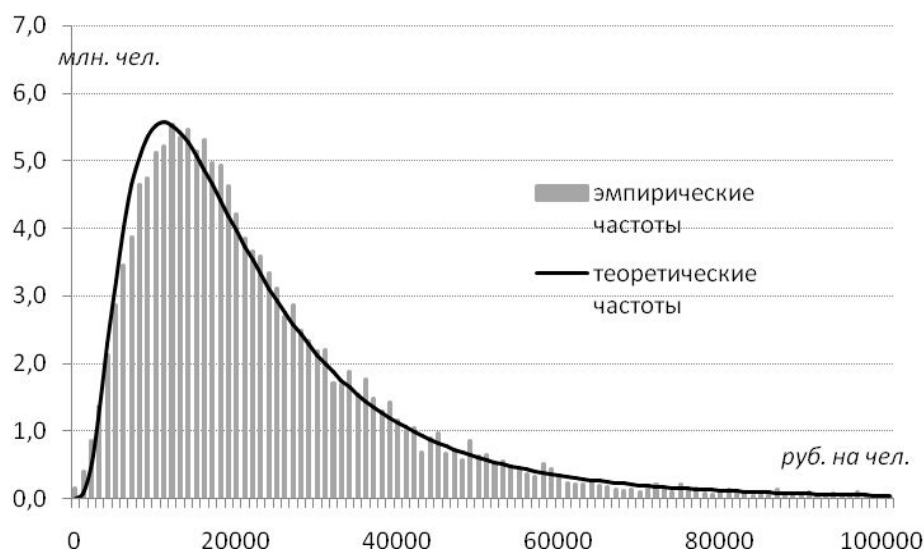

Рисунок – Плотности эмпирического и теоретического распределений доходов (для величины доходов, меньших 100 тыс. руб. на 1 члена домохозяйства в месяц) в 2017 г., руб. на 1 члена домохозяйства в месяц

Как известно, функция плотности логнормального распределения имеет вид:

$$f(x) = \frac{1}{\sigma x \sqrt{2\pi}} e^{-\frac{1}{2\sigma^2}(\ln x - \mu)^2}.$$

Она зависит от двух параметров – μ и σ ; их совместная динамика определяет форму кривой. Каждый из них по отдельности не поддается социально-экономической интерпретации, однако интерпретируемые коэффициенты (среднее, мода, медиана и другие, построенные на процентилях) легко строятся на их основе. В частности, медиана в функции логнормального распределения равна: $Me = e^\mu$

Медиана зависит только от одного параметра μ , то есть по сравнению со средним

(среднеарифметическим) доходом (равным $\bar{x} = e^{\frac{\mu + \sigma^2}{2}}$) медианный доход, делящий всю совокупность индивидов на две равные по численности группы, более устойчив. На изменение медианы слабее, чем на изменение среднего, влияют экономическая и социальная динамика, а также погрешности в формировании выборочной совокупности. Важность последнего определяется тем, что при проведении бюджетных обследований домашних хозяйств в любой стране наиболее богатые попадают в состав выборки меньше, чем требуется для репрезентативности, из-за чего выборка оказывается смещенной. На величину среднего дохода эта погрешность формирования выборки влияет существенно и почти не влияет на величину медианного дохода. Более высокая устойчивость определила выбор медианного дохода в качестве показателя, на основе которого вычисляется порог бедности, в статистических ведомствах многих стран мира. Медианный доход будет использоваться в настоящей работе.

Конкретные значения уровня относительной бедности существенно разнятся в зависимости от применения той или иной методики (см. табл. 1).

Величина прожиточного минимума, установленного в 2017 г., составляла 10 088 руб. в месяц, а уровень бедности, получаемый в рамках абсолютного подхода сравнением с данной величиной показателя номинального (начисленного) среднедушевого денежного дохода домохозяйства, – 13,2%. Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют о том, что применение относительного подхода к исчислению бедности независимо от наличия или отсутствия взвешивания при использовании порога в 60% медианного дохода, значительно увеличивает показатель уровня бедности. При этом способ взвешивания слабее влияет на уровень бедности, чем способ определения порога бедности. Различия в уровне бедности, обусловленные применением простой шкалы, когда все весовые коэффициенты равны 1, и шкалы, взвешенной по методике ОЭСР, – сильно эластичной по размеру домохозяйства – составляют 1,9–2,1 п.п. В то же время ослабление критерия определения бедности путем уменьшения ее порога до 50% медианного дохода существенно уменьшает уровень бедности и приводит его к значениям, более близким к значениям, рассчитанным по методике исчисления абсолютной бедности Росстата. Таким образом, в дальнейшем анализе социально-демографической и территориальной структуры бедности будем использовать «относительный» подход к ее исчислению, опирающийся на показатель среднедушевого располагаемого денежного дохода, простого или взвешенного, и порог в 50% его медианного значения.

Для анализа структуры (профиля) бедности Росстат использует индекс риска бедности, определяемый как отношение удельного веса численности выделяемой группы в малоимущем населении к ее численности во всем населении. Повышенная уязвимость группы перед бедностью характеризуется индексом, превышающим 1: чем больше индекс, тем выше риск. В таблице 2 представлены группировки населения России – всего и малоимущего, определяемого тремя способами по четырем показателям (возрасту, месту жительства, экономической активностью, размеру семьи).

Две методики исчисления бедности – абсолютная Росстата и относительная, основанная на простом среднедушевом доходе, дают похожую структуру бедности по рассматриваемым показателям и близкие значения рисков бедности для выделенных групп. Это естественно, так как массив, сформированный по простой относительной методике, полностью включает в себя массив, сформированный по абсолютной методике, и лишь незначительно расширяет его за счет включения индивидов, имеющих доход (среднедушевой простой денежный), больший, чем величина ПМ, и меньший, чем относительный порог.

Уязвимы перед бедностью дети до 15 лет, семьи с детьми; сельское население; взрослое неработающее население. Наименьший риск попадания в категорию бедных имеют пенсионеры по возрасту (лица старше трудоспособного возраста) и семьи из одного–двух человек; размер семьи находится в прямой зависимости с риском бедности: чем больше семья, тем выше для нее риск оказаться в числе бедных.

Таблица 2 – Социально-демографическая структура всего и малоимущего населения РФ, 2017 г., % ко всему населению

Показатель	По РФ в целом	Малоимущие (по абсолютной методике Росстата)	Риск бедности	Малоимущие (по относительной методике, простой)	Риск бедности	Малоимущие (по относительной методике, взвешенной)	Риск бедности
<i>По возрасту</i>							
До трудоспособного	18,2	37,5	2,06	35,8	1,97	28,1	1,54
Трудоспособного	57,1	55,1	0,96	54,0	0,95	51,1	0,89
Старше трудоспособного	24,7	7,4	0,30	10,2	0,41	20,8	0,84
<i>По территории</i>							
Город	74,3	46,9	0,63	46,8	0,63	44,6	0,60
Село	25,7	53,1	2,07	53,2	2,07	55,4	2,16
<i>По экономической активности взрослого населения</i>							
Работающий	55,5	33,8	0,61	34,6	0,62	31	0,56
Неработающий	26,3	28,7	1,09	29,6	1,13	40,9	1,56
В том числе безработный	8,2	20,4	2,49	18,9	2,30	19,2	2,34
<i>По размеру семьи</i>							
1 чел.	10,5	1,3	0,12	2,1	0,20	12,6	1,20
2 чел.	22,5	6,1	0,27	6,7	0,30	12,2	0,54
3 чел.	24,8	15,8	0,64	16,2	0,65	16,9	0,68
4 чел.	22,3	30,2	1,35	30,3	1,36	24,3	1,09
5 и выше	19,9	46,6	2,34	44,7	2,25	34,0	1,71

Важно отметить, что отсутствие работы у взрослого населения, хотя и повышает его риск бедности, но не значительно: риск бедности у детей и жителей села гораздо выше. Формально это можно объяснить тем, что значительная часть неработающих взрослых – лица старше трудоспособного возраста, получающие пенсию и имеющие один из самых низких рисков бедности. Категория безработных в анализируемом обследовании доходов не выделяется, однако можно оценочно определить численность незанятого населения трудоспособного возраста – неучетом лиц пенсионного возраста среди неработающих взрослых. Выделенная таким образом группа незанятого населения трудоспособного возраста ожидаемо оказывается самой уязвимой перед бедностью.

Заметные различия в структуре бедности продуцирует методика, основанная на использовании показателя среднедушевых *взвешенных* доходов. Использование взвешенной шкалы, при которой членам одной семьи приписываются разные весовые коэффициенты, меньшие или равные 1, снижает влияние размера семьи на показатель уровня бедности и формирует массив малоимущих индивидов, который существенно отличается по составу и структуре от массивов, формируемых другими применяемыми методиками. Можно видеть, что четкая прямая зависимость между размером семьи и риском бедности исчезает, при этом именно одиночки становятся наиболее уязвимой перед бедностью группой (за исключением семей, состоящих из 5 и более лиц, чей риск бедности при любых оценках оказывается самым высоким). Одиночки переходят из категории лиц, практически не уязвимых перед бедностью, в категорию наиболее уязвимых. Семьи из двух человек перестают считаться практически не уязвимыми перед бедностью, как показывали другие методики. Риск бедности для семей из трех человек почти не изменился, а семьи из четырех человек перешли из сильноуязвимых в умеренноуязвимые. Такая статистическая трансформация при переходе к взвешенной шкале объясняется тем, что совокупный доход семьи из двух-трех человек растет быстрее, чем ее взвешенный размер, что бывает гораздо реже при использовании простой шкалы. Вопрос оправданности перехода от простой шкалы к взвешенной должен решаться на концептуальном уровне, а не на методическом, где применение обеих шкал является одинаково обоснованным.

В целом дифференциация семей разного размера по значениям индекса риска бедности заметно снижается, что логично вытекает из самого принципа построения взвешенной шкалы. Однако изменения коснулись и других показателей. В отношении возраста дифференциация риска бедности снизилась: дети остались наиболее уязвимой группой, однако их уязвимость заметно уменьшилась. Одновременно с этим повысилась уязвимость перед бедностью лиц пенсионного возраста, что представляется более реалистичным. Риск попадания пенсионеров в категорию бедных даже при использовании взвешенной шкалы остается ниже, чем у лиц трудоспособного возраста, что говорит о неблагоприятном положении трудоспособного населения, чьи профессиональные возможности, устойчивость на рынке труда, уровень зарплат занижены. Наличие сравнительно небольших, но гарантированных доходов в форме пенсий дает более высокие гарантии от бедности, чем активный поиск на рынке труда.

Что касается территориальной дифференциации бедности, то использование любой шкалы дает практически одинаковые результаты: уязвимость перед бедностью сельского населения всегда оказывается одной из самых высоких по сравнению с выделенными группами, что говорит о наличии системных проблем в сельской местности.

Сравним структуры бедности сельского и городского населения: в таблице 3 представлены риски бедности, рассчитанные для города и села по отдельности; они позволяют оценить неоднородность распространения бедности в рассматриваемых социально-демографических группах.

Таблица 3 – Риски бедности в городе и селе РФ, 2017 г., % ко всему населению

Показатель	По абсолютной методике Росстата		По относительной методике, простой		По относительной методике, взвешенной	
	город	село	город	село	город	село
<i>По возрасту</i>						
До трудоспособного	2,22	1,79	2,14	1,70	1,59	1,40
Трудоспособного	0,93	1,03	0,92	1,01	0,86	0,96
Старше трудоспособного	0,29	0,30	0,39	0,42	0,92	0,77
<i>По экономической активности взрослого населения</i>						
Работающий	0,57	0,67	0,59	0,69	0,52	0,63
Неработающий	1,09	0,93	1,12	0,98	1,68	1,25
В том числе безработный	2,68	1,83	2,46	1,71	2,51	1,72
<i>По размеру семьи</i>						
1 чел.	0,11	0,15	0,16	0,26	1,42	1,10
2 чел.	0,27	0,29	0,27	0,34	0,52	0,60
3 чел.	0,65	0,72	0,66	0,74	0,69	0,78
4 чел.	1,48	1,27	1,51	1,26	1,16	1,06
5 и выше	2,48	1,80	2,40	1,72	1,65	1,38

Независимо от методики расчета трудоспособное сельское население более уязвимо перед бедностью, чем городское. Одновременно с этим положение незанятого взрослого населения в селе с точки зрения риска бедности лучше, чем в городе. По-видимому, это объясняется широким распространением среди незанятого взрослого сельского населения, в том числе в трудоспособном возрасте, самозанятости, которая обеспечивает формально незанятого сельского жителя большим доходом, чем у городского незанятого, но меньшим, чем у горожанина трудоспособного возраста, имеющего работу.

С более высоким риском бедности трудоспособного сельского населения статистически связан более низкий риск бедности детей в сельской местности. Доля трудоспособного населения в селе ниже, чем в городе (54,4% против 58%), доля детей выше (20,4% против 17,4%); при этом менее многочисленное трудоспособное сельское население активнее, чем городское, «оттягивает» на себя значительную долю показателя риска бедности. Это также подчеркивает повышенную социально-экономическую уязвимость сельского населения трудоспособного возраста.

В сельской местности влияние размера семьи на риск бедности заметно меньше, чем в городе. Представляется реалистичным, что одиночкам в селе труднее, чем в городе, а больший размер семьи в селе меньше, чем в городе, ощущается на ее благосостоянии. Отметим также, что использование взвешенной шкалы всюду делает картину по городу и по селу в целом более однородной и менее дифференцированной, как и по всему населению.

Заключение.

Исчисление относительной бедности имеет определенные преимущества перед исчислением абсолютной бедности – большую простоту и наглядность методики, дающую лучшие возможности для анализа показателей бедности в динамике, для межстрановых сопоставлений и др. Концептуальный подход к относительной бедности как к состоянию, при котором доходы семьи оцениваются «ниже, чем у других», представляется более содержательным и адекватным предмету анализа, чем подход, связывающий абсолютную бедность с доходами, не превышающими заданной экономически обоснованной величины.

При этом независимо от принятого подхода вопрос использования сложной шкалы эквивалентности – присваивания различных весов членам домохозяйства при расчетах среднедушевых доходов – остается открытым: он связан с учетом эффекта совместного проживания, уменьшающего влияние на показатели бедности размера семьи, и требует дополнительного анализа.

Исследование структуры бедности с использованием обеих методик, простой и взвешенной шкалы эквивалентности, показывает, что бедность определяется общей повышенной социально-экономической уязвимостью сельского населения, особенно в трудоспособном возрасте. Отчасти она нивелируется более широкими, чем в городе, возможностями сельской самозанятости, обуславливающими снижение риска бедности неработающего сельского населения. Использование взвешенной шкалы принципиально меняет статус одиночек, чья уязвимость перед бедностью резко возрастает и сильно ослабляет позиции пенсионеров по возрасту, что представляется более реалистичным и является дополнительным аргументом в пользу принятия взвешенной шкалы.

Список литературы:

1. Фролова Е.Б., Великанова Т.Б. Методика измерения относительной бедности // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – №10–11. – С. 89–98.
2. Пасовец Ю.М. Риски бедности в современных российских условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №2 (38). – С. 143–160.
3. Бондаренко Л.В. Измерение сельской бедности (методология и опыт) // АПК: экономика, управление. – 2005. – № 1. – С. 8–13.
4. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2017 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Росстат. – М., 2018.
5. Абанокова К.Р., Локшин М.М. Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // Экономический журнал ВШЭ. – 2014. – № 4. – С. 620–644.
6. Овчарова Л.Н. Предложения для стратегии содействия сокращению бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – № 10–11. – С. 78–89.
7. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова [и др.]; под ред. Н.Е. Тихоновой. – М., СПб.: Нестор-История, 2018. – 368 с.
8. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах Росстата по итогам 2017 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html (Дата обращения 15.04.2018)
9. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. – М.: Наука, 2012. – 432 с.
10. Суворов А.В. Проблемы оценки дифференциации доходов населения в современной России // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 2. – С. 3–18.
11. Социально-экономические индикаторы бедности в 2014–2017 гг. / Росстат. – М., 2018. – URL: www.gks.ru

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ ВЫПУСКНИКОВ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАГП РАН

Представлены результаты анализа семейных факторов формирования миграционных намерений выпускников сельских школ. Выявлено влияние социально-демографических (состав и структура семьи, брачный статус) и социально-экономических характеристик (уровень образования и статус занятости опрошенного родителя, уровень доходов, обеспеченность специфическим имуществом для детей). На материалах проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2017 г. прикладного социологического исследования показаны различия в семейных предпосылках развития тех или иных миграционных намерений выпускников сельских школ – ориентация на переезд в город, на трудовую миграцию, отказ от смены жительства. Сделан вывод о том, что планы о будущей жизни в родном селе слабо распространены, и для определенных социальных групп являются определенной стратегией жизнеустройства детей с учетом имеющихся у родителей возможностей.

Ключевые слова: миграционные намерения, выпускники сельских школ, ресурсы домохозяйства.

FAMILY FACTORS OF FORMATION OF MIGRATION INTENTIONS OF RURAL SCHOOL GRADUATES

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The article presents the results of the analysis of family factors in the formation of migration intentions of rural school graduates. The influence of socio-demographic (composition and structure of the family, marital status) and socio-economic characteristics (level of education and employment status of the interviewed parent, income level, provision of specific property for children) was revealed. The materials of the applied sociological research conducted by the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences in 2017 show the differences in family prerequisites for the development of certain migration intentions of rural school graduates (focus on moving to the city, on labor migration, and on return to the native village). It was concluded that intentions to return to the home village are poorly distributed, and for certain social groups it is a certain strategy for the living arrangement of children, taking into account the possibilities available to the parents.

Keywords: migration intentions, rural school graduates, household resources.

Введение.

Ежегодно большинство выпускников сельских школ уезжают в города в надежде начать новую жизнь в качестве студентов или учащихся различных учебных заведений, а также наемных работников или даже предпринимателей. Их решение о миграции с малой родины будет иметь серьезные последствия для будущей жизни с точки зрения образования, трудовой деятельности, поиска брачного партнера, воспитания потомства, моделей потребительского поведения, стиля и качества жизни. Сельско-городская миграция представляет собой значительное перемещение в социальном пространстве, является существенной и неотъемлемой частью построения индивидуальных жизненных траекторий и способов достижения собственного благополучия. Каждое перемещение обосновано индивидуальными размышлениями, расчетами и решениями в повседневной жизни – осознанными и не очень, а также особенностями уклада жизни родительской семьи и личностными характеристиками. Влияние родителей и близких родственников в процессах принятия решения о миграции огромно: они участвуют в формировании системы жизненных ценностей, образовательных, трудовых и миграционных установок, системы мотивации и критериев успешности молодых людей. Родители обеспечивают не только финансовую и моральную поддержку, служат надежным

тылом в различных жизненных ситуациях, но и демонстрируют определенные социальные ожидания от своих детей.

Согласно теоретическим подходам экономических наук, потенциальные мигранты соотносят свой уровень образования, имеющийся жизненный и профессиональный опыт, а также ожидания возможной выгоды в виде доходов с предполагаемыми издержками миграции. Решения о миграции зачастую отражают расширенную стратегию домохозяйства для минимизации риска материального благополучия. В ситуации неопределенности предполагаемых выгод и издержек от миграции можно предположить, что люди, ориентированные на пространственные перемещения, имеют более высокую склонность к риску по сравнению с теми, кто предпочитает не менять место жительства. Предпочтения риска особенно актуальны для молодежи, так как это возраст активного участия в различных моделях рискованного поведения. Социальные теории миграции указывают на важную роль семьи и культурных норм в процессе принятия решения о миграции. Родственные и семейные факторы представляют собой важный источник социального капитала, предоставляя информацию и поддержку потенциальным мигрантам, что снижает их издержки на перемещение и адаптацию. По мере распространения миграции населения происходит расширение и укоренение практик в создании и моделях поведения, что превращает этот процесс в своеобразную традицию. В сообществах с высокими показателями и длительными практиками миграции возникает «культура миграции», когда миграция становится нормой, укоренившейся в отправляющем сообществе [1].

Ряд исследователей обращает внимание на то, что инвестиции в детей, способствующие миграции, служат для диверсификации и расширения возможностей занятости и доходов для домохозяйства, в том числе обеспечивая поддержку родителям в престарелом возрасте [2]. Стратегическая поддержка образовательных и миграционных намерений детей является одним из способов оптимизации долгосрочного благополучия как детей, так и домохозяйства в целом. В дополнение к диверсификации рисков и ожиданию будущей отдачи для благополучия домохозяйства этнографические и количественные исследования показывают, что молодежь, уезжающая от родителей, делает это как часть связи их с большой семейной системой [3]. Они могут уезжать с друзьями или родственниками, проживать с ними в новом месте и продолжать получать поддержку от родителей. Эти практики укрепляют существующие социальные связи семьи между ее членами. Родители могут продолжать оказывать влияние на детей через явные или подразумеваемые социальные ожидания от детей, а также их контролировать через доверенных лиц.

М. Вебер подчеркивает, что осуществление социального действия (миграции) имплицитно включает установки и действия других и в своем развитии ориентировано на них, что необходимо учитывать при изучении миграционного поведения сельской молодежи. Миграционные установки и действия сельской молодежи обусловлены влиянием моделей поведения уже уехавшей из села молодежи, установок родителей и родственников, друзей и других односельчан [4]. Исследование семейных характеристик, обуславливающих формирование миграционных намерений выпускников сельских школ, позволит, с одной стороны, выявить социальные факторы развития тех или иных миграционных намерений, обусловленные особенностями родительской семьи, а, с другой – позволит наметить механизмы модификации миграционных установок сельской молодежи.

Целью исследования являлось выявление и оценка факторов, обусловивших формирование тех или иных миграционных намерений, связанных с характеристиками родительской семьи. В качестве основных детерминант рассматривались социально-демографические (состав и структура семьи, брачный статус) и социально-экономические параметры (уровень образования и статус занятости опрошенного родителя, уровень доходов, обеспеченность специфическим имуществом для детей).

Методика исследований.

Информационную базу исследования составили результаты прикладного социологического исследования «Родители и дети в сельских семьях», проведенного Институтом аграр-

ных проблем РАН в 2017 г. Выборка целевая, N = 370. Объектом исследования являлись выпускники средних общеобразовательных сельских школ Саратовской области (анкета выпускника) и их родители (анкета для родителей). Всего в селах Саратовской области в 2017 г. было 2 199 одиннадцатиклассников, нами опрошены около 16,8% из них, а также их родители. Выбор школ осуществлялся на основе наполняемости класса (отбирались сельские школы, имеющие на момент исследования не менее 10 учащихся выпускного класса).

Исходя из целей исследований в составе респондентов были выделены три группы молодежи в соответствии со сложившимися миграционными настроениями. Типологическая группировка осуществлялась на основе анализа ответов на вопрос «Каковы ваши ближайшие жизненные планы?». Объединение в группы производилось на основе утвердительного ответа о наличии следующих планов:

- «переехать в Саратов на постоянное место жительства» (группа ориентированных на переезд в город – 61,9% ответивших на вопрос;
- «уехать работать в Москву или другой крупный город» (ориентированные на трудовую миграцию – 30,2%;
- «вернуться в родное село» (ориентированные на возвращение в село – 7,9%.

Дальнейший анализ проводили на основе оценки ответов родителей выпускников, объединенных в группы по миграционным намерениям.

Ключевой гипотезой исследования являлось предположение о том, что родители имеют значительное влияние на формирование миграционных намерений путем конструирования жизненных ориентиров, установок, стереотипов, а также развития мотивационно-достиженческой системы. Поэтому исследование влияния родителей, с одной стороны, позволило выявить типологические группы семей и их характеристики, выходцы из которых склонны к тем или иным миграционным передвижениям, а, с другой – наметить механизмы трансформации установок детей через субъективные родительские представления о желаемом успешном будущем для них. Иными словами, полученная информация о том, каковы представления родителей о желаемых перспективах для их детей, может способствовать разработке и внедрению эффективных механизмов закрепления молодежи на селе.

Результаты исследований.

Родители имеют особое влияние на молодых людей в период выбора профессии посредством обсуждения преимуществ отдельных профессий, возможностей получения образования, помощи в раскрытии способностей, потребностей подростка, понимании мотивов его действий. Уровень образования родителей наряду с их профессиональным статусом и уровнем доходов обуславливают социально-экономический статус семьи, который служит основой для будущих результатов детей в трудовой сфере, определяя профессиональные притязания и достижения на основе количества и качества полученных знаний. Важным каналом влияния социально-экономического статуса семьи является соответствующая ему культурная среда, детерминирующая профессиональные и образовательные нормы и ценности. Уровень образования является наиболее важным компонентом человеческого капитала, обуславливающим значительную отдачу в будущем с точки зрения оплаты труда и продвижения по службе. Человеческий капитал родителей с высшим образованием определяет высокие образовательные, личные и профессиональные стремления детей, повышающие их будущую конкурентоспособность. Происхождение из семьи с высоким социально-экономическим статусом обеспечивает детям богатые родительские, социальные и экономические ресурсы, способствующие накоплению, развитию и последующему эффективному использованию их человеческого капитала [5, 6].

Большинство опрошенных молодых сельчан являются выходцами из полных семей с обоими родителями, однако среди молодежи, планирующей уехать работать в Москву, выше остальных доля лиц, выросших в монородительской семье (26,2%). Среди молодых сельчан, планирующих вернуться в село, минимальная доля тех, кто проживает с одним из родителей – 9,1% (табл. 1). Среди них максимальная доля выходцев из многодетных семей (с тремя и более детьми) – 36,4%, в то время как среди молодежи, планирующей уехать в Москву, ве-

лик удельный вес фактора единственного ребенка в семье (40,5%). Среднее число детей в их семьях составляет 1,82 ребенка, в семьях тех, кто решил переехать в Саратов – 1,97 ребенка, в то время как в семьях выпускников, решивших вернуться в родное село – 2,25 ребенка. При этом очередность рождения респондента – выпускника школы, как оказалось, так же имеет значение. Полученные результаты показывают, что среди ориентированных на работу в Москве максимальный удельный вес тех, кто является первым (старшим) ребенком в семье – 59,5%, в то время как у большинства ребят, решивших остаться в селе, есть старшие братья и/или сестры (выпускник – первый ребенок в семье только у 27,3% опрошенных). Можно сделать вывод о том, что чаще других отправить ребенка за лучшей жизнью в столицу хотят родители, имеющие либо единственного ребенка, либо старшего. Родители, имеющие несколько старших детей и прошедшие этап их жизнеустройства, чаще ориентируют своих младших детей на жизнь в родном селе.

Таблица 1 – Демографические особенности родительской семьи выпускников сельских школ в зависимости от миграционных намерений, % от опрошенных

Характеристика семьи	Выпускники, планирующие переезд на постоянное место жительства в Саратов	Выпускники, планирующие уехать в Москву (другой крупный город)	Выпускники, планирующие вернуться в родное село
Полная семья с обоими родителями	80,9	73,8	90,9
Монородительская семья	19,1	26,2	9,1
<i>Количество имеющихся детей</i>			
1 ребенок	29,8	40,5	0,0
2 детей	51,1	54,8	63,6
3 и более детей	19,1	4,8	36,4
<i>Очередность рождения детей</i>			
Выпускник – первый ребенок в семье	50,0	59,5	27,3
В семье есть старшие дети	50,0	40,5	72,7

Среди молодежи, ориентированной на трудовую миграцию, высок удельный вес выходцев из семей с атипичными формами брачных отношений родителей. Только 61,3% родителей состоят в официальном браке (среди родителей выпускников, планирующих переезд в Саратов, – 77,4%, среди тех, кто решил остаться в родном селе, – 76,5%). Около 9,7% состоят в гражданском браке, еще 16,1% разведены, 4,8% никогда не состояли в браке, остальные 3,2% состоят в браке, но не проживают вместе (по всем вариантам – максимальные значения среди всех групп молодежи). Очевидно, что данное обстоятельство накладывает отпечаток, с одной стороны, на формирование отношений между родителями и детьми с точки зрения крепких отношений с родными отцами у части респондентов, а, с другой – индивидуальных самоощущений нужности своим родителям, которые могут страдать из-за разлада в отношениях между родителями. Данный вывод подтверждается тем фактом, что среди молодежи, ориентированной на трудовую миграцию, ниже остальных групп молодежи удельный вес указавших на наличие отца (82,9%), что подразумевает, вероятно, наличие более – менее теплых и дружеских отношений с ним. Среди лиц, желающих переехать в Саратов, имеют отцов 85,0%, среди решивших вернуться в село – 88,0%.

Уровень образования родителей опрошенных выпускников достаточно высок. Данный факт объясняется тем, что в семьях, ориентирующих своих детей на поступление в 11-й класс и получение в дальнейшем высокого уровня образования, выше концентрация образованных родителей. Поступление в старшие классы общеобразовательной школы является своеобразным социальным «фильтром», по линии которого происходит дифференциация образовательных и жизненных стратегий современной сельской молодежи [7]. При получении основного общего образования (то есть по окончании 9 классов) сельская молодежь делится на две социальные группы – на тех, кто ориентируется на получение высшего образования, и тех, кто выбирает приобщение к миру профессий среднего уровня квалификации и скорейший выход на рынок труда. Поэтому поступление в 11-й класс априори свидетельствует о

высоких образовательных и жизненных ориентациях, в то время как дети родителей с невысоким уровнем образования «отсеялись» из школы после окончания 9-го класса.

Кроме того, результаты прикладного социологического исследования «Родители и дети в сельских семьях», проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2017 г., позволяет сделать следующие выводы относительно влияния уровня образования родителей на будущие результаты детей. Родители, имеющие высшее образование и, соответственно, обладающие значительным запасом человеческого капитала, склонны ориентировать своих детей на профессии, позволяющие добиться повышения своего социального статуса путем увеличения, расширения индивидуального человеческого капитала. Они нацелены на создание комфортной, благоприятной обстановки для своих детей и в своих родительских предпочтениях ориентируются на формирование и развитие способностей детей с целью воспитания гармонично развивающейся личности. Первоочередным критерием выбора профессии они указывают личный интерес ребенка, его склонности, позволяющие ему стать профессионалом путем развития любви к профессии. Достижение жизненного успеха рассматривается как результат собственных усилий и саморазвития.

Родители, имеющие среднее общее или основное общее образование, то есть не имеющие профессии, зачастую проживают в низкоресурсных домохозяйствах, чаще являются главами монородительских семей, среди них выше доля лиц, не имеющих оплачиваемой занятости, по сравнению с членами высокодоходных семей. В числе их приоритетных родительских предпочтений – забота о здоровье детей, получении хорошего образования и успешном будущем трудоустройстве. Они демонстрируют невысокую заинтересованность в наличии расширенного перечня товаров и услуг для детей и коммуникационных практик. При этом главным критерием выбора профессии для детей они считают необходимость обеспечения стабильности и безопасности в будущем, главными компонентами будущей работы – материальный достаток и престижность работы, желательно в команде единомышленников. Данная модель родительского поведения может рассматриваться как компенсационная, ориентирующая детей на максимальное использование индивидуальных ресурсов и способностей, позволяющая восполнить недостаток родительских ресурсов.

Родители выпускников, ориентированных на работу в Москве, как и тех ребят, которые решили вернуться в родное село, имеют более высокий уровень образования. Среди них соответственно 42,1% и 43,8% имеют высшее образование, еще 43,9% и 50,0% – среднее профессиональное. В составе родителей выпускников, решивших переехать в город, несколько меньше как имеющих высшее (40,3%), так и среднее профессиональное образование (38,7%), а также максимальный удельный вес родителей, имеющих среднее общее образование (12,6%) и начальное профессиональное (7,6%).

Среди родителей выпускников, ориентированных на возвращение в сельскую местность, выше удельный вес тех, кто имеет оплачиваемую занятость (87,5%), большинство из них работает в сфере образования (53,3%) и сельском хозяйстве (26,6). Около 60,0% из них работает в соответствии с полученной специальностью. Родители ребят, решивших ехать работать в Москву, реже заняты в качестве наемных работников (69,6%), зато чаще других занимаются предпринимательской деятельностью (10,7%). Среди преобладающих сфер занятости – сфера услуг (24,1%), образование (26,7%), торговля и общественное питание (17,8%), органы управления (11,1%). Среди них минимальная доля работающих по специальности (40,0%). Около 73,9% родителей выпускников, решивших перебраться жить в город, имеют оплачиваемую занятость, еще 16,0% заняты домашним и личным подсобным хозяйством, 7,6% – предпринимательской деятельностью. В группе этих родителей представлено многообразие сфер деятельности: образование (19,2%), сфера услуг (17,2%), торговля (16,1%), сельское хозяйство (15,0%), промышленность (11,8%), медицина (9,7%). Около 42,6% из них указали, что работают в соответствии с полученной специальностью.

Анализ уровня среднедушевых денежных доходов свидетельствует об отсутствии серьезных различий по этому показателю между выбранными категориями домохозяйств. Несколько выделяются на общем фоне семьи, дети в которых ориентированы на переезд на по-

стоянное место жительства в Саратов, в сторону более низких доходов. Среди семей выпускников, ориентированных на работу в Москве, около 47,3% имеют среднедушевые денежные доходы в размере регионального прожиточного минимума, около 36,4% – от одного до двух прожиточных минимумов, 16,4% – более двух ПМ на человека. Большинство этих семей относят себя к среднему уровню материального благополучия («иногда мы делаем дорогие покупки») – 70,2%, каждая пятая семья считает свое материальное положение низким («нам хватает только на самое необходимое») – 21,1%. Оценка наличия специализированного (личного) имущества, предназначенного для детей, показывает высокий уровень обеспеченности им в этих семьях. Так, около 80,3% детей из этих семей имеют персональный компьютер (собственный), 39,5% – планшет, 11,8% – игровую приставку, 53,9% – велосипед, мотоцикл, мотороллер. Анализ характера распределения ресурсов в данных домохозяйствах позволяет сделать вывод о том, что члены семьи больше сосредоточены на текущем потреблении («тратим деньги на то, что необходимо семье или отдельным членам семьи») – 64,5%, а сбережения делают реже остальных («деньги тратятся на всех по минимуму, остальное откладываем») – 11,3%. Эти семьи характеризуются высокими потребительскими предпочтениями по сравнению с остальными группами семей – они указали максимальный средний уровень желаемых доходов («сколько денег необходимо вашей семье, чтобы жить хорошо») – 89 942 руб.

Для семей, чьи дети планируют вернуться в село, характерно приблизительно такое же распределение по уровню доходов – 50,0% имеют доходы ниже величины прожиточного минимума, 35,7% – от одного до двух, еще 14,3% – более двух прожиточных минимумов на члена семьи. Важно отметить, что эти семьи чаще остальных относят себя к среднему (73,3%) и высокому (13,3%) уровню материального достатка. Дети из этих семей также характеризуются высоким уровнем обладания собственным специфическим имуществом. Смартфон имеют 93,8% опрошенных, ноутбук – 56,3%, собственный персональный компьютер – 62,5%, игровую приставку – 12,8%. Характер распределения ресурсов в этих семьях характеризуется большей склонностью к сбережению («деньги тратятся на всех по минимуму, остальное откладываем») – 23,5%. Родители из этих семей имеют самые скромные предпочтения, указав на средний желаемый уровень дохода для семьи, равный 53 636 руб. Важно отметить, что у данной группы семей самое высокое среднее число членов семьи, поэтому желаемый уровень среднедушевых доходов является минимальным из всех рассматриваемых групп домохозяйств.

Среди домохозяйств выпускников, планирующих переехать в город, около 54,3% относятся к малоимущим (имеют доходы ниже величины прожиточного минимума), еще 33,6% имеют доходы от одного до двух прожиточных минимумов и 2,1% – более двух. Среди них 70,3% отнесли себя по субъективной оценке к среднему уровню материального достатка, еще 24,6% – к низкому. Анализ наличия специфических ресурсов для детей показывает, что дети из этих семей характеризуются более низким уровнем обладания рассматриваемым имуществом. Так, личный персональный компьютер имеют 61,9%, смартфон – 83,0%, ноутбук – 40,8%, планшет – 38,1%, игровую приставку – 6,8%, велосипед, мотоцикл, мопед – 43,5% (все значения минимальные среди всех групп). Около половины этих семей распределяют ресурсы по необходимости на всех членов семьи (53,0%), около 20,5% – по минимуму на всех, остальные средства откладывают. Еще 9,8% домохозяйств концентрируются на расходовании средств на тех членов семьи, чьи потребности выше или тем, кому нужнее в данный момент. В качестве желаемого уровня доходов для семьи они называют в среднем 76 750 руб.

Значительное влияние родителей на формирование жизненных приоритетов, ориентаций и установок, а также конструирование способов их реализации в совокупности со своей родительской поддержкой, может являться действенным механизмом выстраивания установок на возвращение в родное село. Если бы родители видели в сельской местности предпосылки для воплощения своих представлений об успешной, благополучной жизни, они смогли бы транслировать эти установки своим детям. Очевидно, что для семей, ориентирующих

своих детей на трудовую миграцию с высокими стандартами потребления и качества жизни, такой вариант развития событий маловероятен. Однако для части семей, чьи дети решили переехать в город на постоянное место жительства, это могло бы стать привлекательным. Об этом свидетельствуют ответы сельских выпускников на открытый вопрос о том, какие возможные варианты жизнеустройства на селе их родители им предлагали. Конечно, абсолютное большинство респондентов отвечало, что их родители однозначно советуют им уезжать из села, потому что здесь «плохо», «ничего не развивается», «всё запущено». Но встречаются мнения молодых людей, заявивших о намерениях уехать из села, но «если бы здесь было хорошо», «было бы, где работать и куда сходить», «были бы нормальные условия жизни и занятости», они бы остались на малой родине.

Результаты проведенного исследования подтверждают сделанные выводы. Около 50,1% родителей детей, ориентированных на трудовую миграцию, не хотят, чтобы их дети жили в сельской местности и работали на предприятиях АПК; еще 38,0% затруднились с ответом и только 11,9% указали, что хотели бы такого будущего для детей. Аналогичная тенденция свойственна родителям детей, ориентированных на переезд в город. При этом среди родителей тех ребят, которые решили возвращаться в родное село, около 36,4% хотели бы, чтобы их дети жили и работали на селе преимущественно в АПК. Около 54,5% из них затруднились с ответом, вероятно полагая, что на данном этапе это мало привлекательно, но в целом они не против такой альтернативы. Данный факт позволяет предположить наличие определенных условий, которые, по мнению родителей, могли бы обеспечить успешное будущее для их детей. Мнение родителей выпускников сельских школ о привлекательных вариантах жизнеустройства для их детей в сельской местности оценивалось путем оценки ответа на вопрос: «Как Вам кажется, могли бы какие-то из перечисленных вариантов стать интересными для вашего ребенка, чтобы Вы посоветовали ему возвращаться в родное село после обучения?» (табл. 2). Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что родители выпускников, ориентированных на возвращение в родное село, склонны рассматривать различные варианты трудоустройства и жизни на селе. Около 30,3% считает, что для их детей могла бы стать привлекательной работа в мелкотоварном сельскохозяйственном производстве на себя (семейная ферма, самозанятость); еще 24,3% привлекает занятость на среднем или крупном предприятии АПК. Для 27,3% кажется интересной возможность работать на среднем или крупном предприятии несельскохозяйственного профиля. Только 18,1% опрошенных родителей выпускников однозначно сказали о том, что не хотят, чтобы их дети жили и работали в сельской местности. Среди родителей детей, ориентированных на трудовую миграцию и на переезд в город на постоянное место жительства, доля нежелающих сельского будущего для своих детей намного выше (63,4 и 57,5% соответственно).

Таблица 2 – Мнение родителей выпускников сельских школ о привлекательных вариантах жизнеустройства для их детей в сельской местности, % от опрошенных

Вариант мнения родителей	Выпускники, планирующие переезд на постоянное место жительства в Саратов	Выпускники, планирующие уехать в Москву (другой крупный город)	Выпускники, планирующие вернуться в родное село
Работать в мелкотоварном сельскохозяйственном производстве на себя (семейная ферма, самозанятость) с возможностью получения поддержки от государства	14,9	19,5	30,3
Работать на среднем или крупном предприятии АПК в своем (соседнем) населенном пункте (животноводческий комплекс, агрохолдинг, фермерское хозяйство)	8,5	2,4	24,3
Работать на среднем или крупном предприятии несельскохозяйственного профиля в своем (соседнем) населенном пункте	19,1	14,7	27,3
Я не хочу, чтобы мой ребенок жил и работал в селе	57,5	63,4	18,1

Заключение.

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что самыми высококуресурсными домохозяйствами являются те, дети из которых ориентированы на работу в Москве. В составе опрошенных семей эти домохозяйства чаще других имеют высокий социально-экономический статус (21,1%). Социально-экономический статус подразумевает домохозяйства, в которых хотя бы один из родителей имеет высшее образование, одновременно с этим хотя бы один из родителей имеет оплачиваемую занятость, а среднедушевые денежные доходы семьи находятся на уровне выше среднего (для села это выше величины регионального прожиточного минимума на члена семьи). Среди семей, дети в которых ориентированы на возвращение в село, доля высокостатусных домохозяйств составляет 18,8%. Среди выпускников, планирующих переехать в город на постоянное место жительства, около 17,6% являются выходцами из семей с высоким социально-экономическим статусом.

Важно отметить, что домохозяйства, дети из которых ориентированы на возвращение в село, находятся в меньшинстве, причем в значительном. Они представляют собой скорее нетипичные для современного села семьи с точки зрения мнения относительно миграционных планов своих детей. Очевидно, что желание вернуться в родное село после обучения обусловлено во многом влиянием и возможностями их родителей. Полученные результаты свидетельствуют о наличии двух потоков внутри этого явления. Типичными представителями первой группы являются родители, чаще всего матери, работающие в сфере образования, ориентирующие своих детей на получение педагогического образования и возвращение в село на «забронированную» должность (в виду нехватки учителей в сельских школах). Второй поток образуют родители, занятые преимущественно в сельском хозяйстве и так же имеющие возможность «помочь» своим детям трудоустроиться либо в те же организации, где работают сами, либо имеющие связи в других сельхозорганизациях, испытывающих кадровый голод на специалистов сельскохозяйственного и/или инженерно-технического профиля. Подтверждением этому является, во-первых, направления профессиональных интересов у выпускников, выразивших желание вернуться в село, а также их надежда на помощь родителей и/или родственников в качестве главного фактора жизненного успеха. Таким образом, ориентация своих детей на возвращение в сельскую местность свидетельствует о наличии взвешенной (рациональной) стратегии жизнеустройства своих детей.

Семьи, дети в которых ориентированы на переезд на постоянное место жительства в Саратов, представляют собой наиболее типичную социальную группу сельских семей, среднестатистических сельчан, кое-как нашедших оптимальную для себя стратегию обеспечения материального благополучия, но характеризующуюся относительно невысоким уровнем жизни по сравнению с другими. Очевидным в этих условиях становится желание «вытолкнуть» детей из этой среды, и они все усилия прикладывают для улучшения шансов своих детей в будущем. Очевидно, что без улучшения качества жизни на селе и в отсутствии свободных рабочих мест, удержать на селе детей из этих семей нереально. В этих условиях необходимо ориентироваться, с одной стороны, на разработку и реализацию действенных инструментов комплексного развития сельских территорий, а, с другой – на потребности, интересы и предпочтения молодежи, намеревающейся вернуться в родное село.

Вариативность выбора места жительства и трудоустройства сельской молодежью требует углубления знания о том, каковы характер и особенности родительского влияния в этих условиях. Подобные исследования способствуют более глубокому пониманию места и роли родительских характеристик и семейных ресурсов в формировании миграционных намерений сельской молодежи, а также выявлению социальных и экономических механизмов, способных оказать воздействие на эти процессы.

Список литературы:

1. Tienda M., Taylor L., Moghan J. (2007). New Frontiers, Uncertain Futures: Migrant Youth and Children of Migrants in a Globalised World. . – Retrieved from http://crcw.princeton.edu/migration/files/new_frontiers_uncertain_futures.pdf

2. BeckeG. S. and Tomes N. (1994). Human capital and the rise and fall of families // Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education, 3rd Edition, Becker G.S. (ed.), Chicago: The University of Chicago Press: 257–298.
3. Boyden J. (2013). “We’re not going to suffer like this in the mud”: Educational aspirations, social mobility and independent child migration among populations living in poverty // Journal of Comparative and International Education, 43(5): 580–600.
4. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено; коммент. А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Данилова З.А. Миграционные настроения населения байкальского региона (по материалам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 3. – С. 115–118.
6. Сычев А.А, Борисов Д.М. Оценка миграционного настроения молодежи в регионе (на примере Республики Мордовия) // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 11. – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/index.html>
7. Вяльшина А.А., Дакирова С.Т Факторы формирования образовательных ориентаций выпускников сельских школ Саратовской области. // Проблемы развития территории. – 2019. – № 3(101). – С. 134–151.
8. Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 325 с.

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Былина С.Г., к.э.н., ИАГП РАН

В статье на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за 2017 г. анализируется уровень доступности и использования сельским населением средств информационно-коммуникационных технологий в населенных пунктах с различной численностью населения. Проведен сопоставительный анализ гендерной структуры, возрастного и образовательного состава населения в селах с различной численностью. Сделан вывод о том, что «цифровой разрыв» между сельскими жителями обусловлен, с одной стороны, величиной сельского населенного пункта, с другой, – качеством человеческого капитала села. Снижение остроты проблемы информационного неравенства для небольших сельских населенных пунктов возможно лишь целенаправленными усилиями местных сельских сообществ с привлечением помощи государственных органов власти.

Ключевые слова: сельское население, пользователи, информационно-коммуникационные технологии, информационное неравенство, сельские населенные пункты.

DIGITAL INEQUALITY OF RURAL POPULATION: SETTLEMENT DIFFERENCES

Bylina S.G., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article based on the data of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population for 2017 analyzes the level of accessibility and use of information and communication technology tools by the rural population in settlement with different population. A comparative analysis of the gender structure, age and educational composition of the population in villages with different population has been carried out. It was concluded that the “digital divide” between rural residents is caused, on the one hand, by the size of the rural settlement, on the other, by the quality of the village’s human capital. Reducing the problem of information inequality for small rural settlements is possible only through targeted efforts of local rural communities with the assistance of state authorities.

Keywords: rural population, users, information and communication technologies, information inequality, rural settlements.

Введение.

В условиях становления информационного общества необходимым условием участия в новой экономике становится умение пользоваться средствами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Доступ к информации в настоящее время рассматривается исследователями в качестве фундаментальной свободы [1], а его отсутствие как новый вид неравенства – неравенство информационное, которое проявляется во многих отношениях, включая различия в техническом доступе к средствам ИКТ и отсутствии навыков в использовании современных информационных технологий. В последнее время парадигма информационного неравенства, основанная на неравном доступе к средствам ИКТ, уступает место парадигме «неравенства использования» [2], основанной на эффективности использования информационных технологий в повседневной жизни.

Проблема информационного неравенства в России стоит наиболее остро в связи с целым рядом факторов, таких как неравномерность регионального экономического развития, резкая социальная поляризация населения и т.п. Серьезный «цифровой разрыв» наблюдается не только по линии город – село, но и среди сельских жителей, проживающих в населенных пунктах с различной численностью населения. По мнению специалистов [3], исследования в области цифрового неравенства сельского населения в настоящее время затрагивают лишь единичные аспекты результатов использования ИКТ, и данная область остается мало изу-

ченной. Так, Е. Carlson, J. Goss [4] отмечают дифференциацию сельских домохозяйств по проблемам «цифрового разрыва»: у одних существенной является доступность средств ИКТ и их стоимость, у других – проблема цифровой грамотности. Подчеркивается также отсутствие доступа к сети Интернет в отдаленных сельских районах. В работе Е. Brian [5] отмечается нежелание телекоммуникационных компаний развивать необходимую инфраструктуру в сельской местности с низкой плотностью населения, более низким доходом и уровнем образования. Отечественных исследований по проблемам информационного неравенства внутри сельского сообщества крайне мало.

Цель исследований.

Целью настоящего исследования является определение степени «цифрового разрыва» у сельских жителей, проживающими в населенных пунктах с различной численностью населения, выявление основных причин и возможностей снижения проблемы остроты цифрового неравенства внутри сельского сообщества. В связи с заявленной целью проведен сравнительный анализ уровня доступности и использования средств ИКТ сельскими жителями в зависимости от плотности населения, а также гендерного состава, возрастной и образовательной структуры сельского населения в селах с различной численностью населения.

Методика исследований.

Основой настоящего исследования послужили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) [6] за 2017 г., репрезентативная выборка. Из общего массива данных выделены сельские населенные пункты по численности населения от 0 до 5000 чел., сгруппированные аналогично данным переписи населения 2010 г. Населенные пункты с численностью населения менее 50 чел. объединены в одну группу от 0 до 50. Общий объем выборки составил 2543 чел. Анализ сравнительных долей числа респондентов и общей численности сельского населения в сельских населенных пунктах по данным РМЭЗ и переписи населения (рис. 1) показывает репрезентативность полученной выборки за исключением доли респондентов в населенных пунктах численностью от 101 до 200 жителей, которая по выборке существенно занижена.

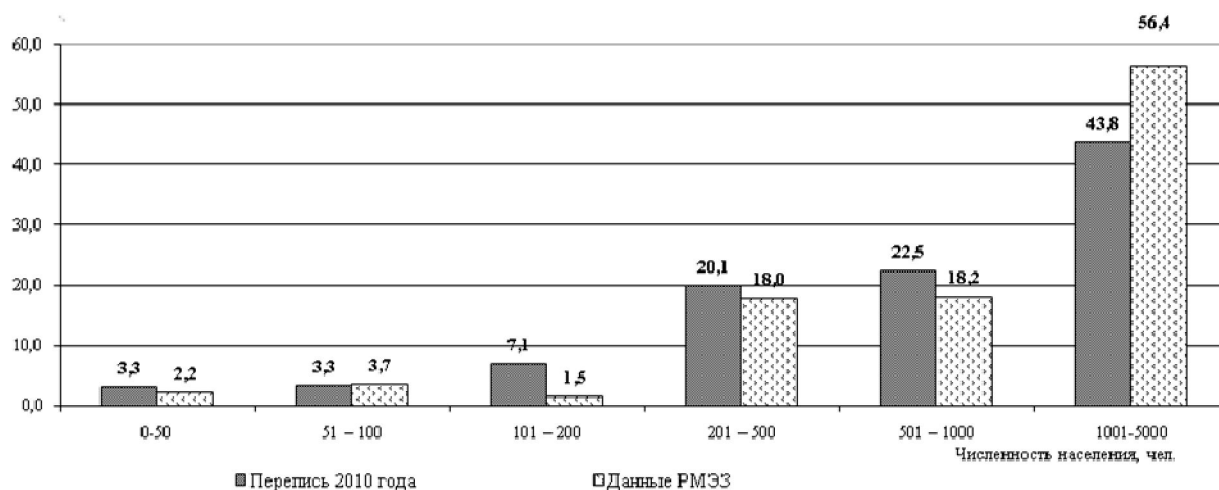

Рисунок 1 – Сравнительная доля общей численности сельского населения в структуре населенных пунктов, %

Тем не менее, исследования, проведенные внутри рассмотренных групп, позволяют выявить ключевые тенденции в обеспеченности и использовании сельским населением средств информационно-коммуникационных технологий и информационно-телекоммуникационных систем (ИТС) и выполнить сравнительный анализ полученных результатов между группами. Методы исследования включают в себя расчеты дескриптивных статистик, осуществленные в пакете статистической обработки данных SPSS.

Результаты исследований.

Рассчитана обеспеченность сельского населения средствами ИКТ и ИТС в населенных пунктах различной численности (табл. 1).

Таблица 1 – Наличие средств ИКТ у населения в зависимости от размера населенного пункта, % от числа ответивших

Средства ИКТ \ Размер населенного пункта, чел.	0–50	51–100	101–200	201–500	501–1000	1001–5000
Планшет	0	1,1	0	6,6	3,4	5,1
Компьютер переносной: ноутбук, лэптоп или нетбук	1,8	6,7	10,3	14,0	12,7	11,4
Смартфон, i-phone (ай-фон)	0	10,1	0	18,5	11,3	26,1
Мобильный сотовый телефон	65,5	82,0	92,3	82,4	80,0	68,4

Полученные результаты показывают следующее. Очевидно, что в мелких населенных пунктах зафиксирована наименьшая доля сельских жителей, обладающих средствами ИКТ и ИТС. Максимальная доля респондентов, имеющих планшет и переносной компьютер, наблюдается в населенных пунктах с численностью населения от 201 до 500 чел., с дальнейшим ростом числа жителей доля обладателей данного вида средств ИКТ снижается, видимо, за счет наличия других видов аналогичной техники. Так, например, наличие смартфонов, ай-фонов максимально у жителей крупных населенных пунктов численностью от 1001 до 5000 чел. Доля обладателей мобильных сотовых телефонов растет с увеличением числа жителей села и достигает максимального значения в населенных пунктах численностью 101–200 чел., затем наблюдается снижение доли владельцев данного вида средств ИКТ, вероятно, за счет приобретения техники более высокого уровня: смартфонов и ай-фонов. Таким образом, наличие средств ИКТ растет с увеличением численности населения сельского населенного пункта и достигает максимальных значений в населенных пунктах средних размеров: от 101 до 500 жителей. В более крупных населенных пунктах растут доли обладателей более дорогостоящей техники высокого уровня.

В таблице 2 представлено использование сельскими жителями средств ИКТ и ИТС в населенных пунктах различной численности.

Таблица 2 – Использование средств ИКТ в течение последнего года в зависимости от размера населенного пункта, % от числа пользователей

Средства ИКТ \ Размер населенного пункта, чел.	0–50	51–100	101–200	201–500	501–1000	1001–5000
Персональный компьютер	9,1	33,7	33,3	53,1	46,0	50,7
Сеть Интернет	10,9	38,2	33,3	55,8	48,5	55,8
В том числе использование для:						
учебы	16,7	17,6	38,5	36,5	28,5	31,3
работы	20	25	0	33,3	29,8	36,6
развлечений	33,3	94,1	46,2	75,4	62,6	66,9
общения с другими людьми	66,7	88,2	69,2	81,6	82,7	76,7
получения справочных материалов	16,7	88,2	61,5	74,6	68,7	77,4
покупок, получения товаров и услуг	20	18,8	8,3	26,7	18,1	23,1
посещения сайтов социальных сетей	66,7	82,4	92,3	77,9	71,5	65,5

Очевидно, что по использованию персонального компьютера и сети Интернет в течение последних 12 месяцев жители небольших сельских населенных пунктов (до 200 человек) существенно уступают жителям крупных сел, которые более активны в этом отношении. Следует отметить отсутствие зависимости использования средств сети Интернет в профессиональных и учебных целях от размеров населенного пункта. При этом отмечается высокая доля сельских респондентов из мелких населенных пунктов, использующая сеть Интернет для общения, посещения сайтов социальных сетей и получения справочных материалов. Данный факт весьма показателен и свидетельствует о том, что для сельской глубинки наличие сети Интернет часто является реальным окном в мир, позволяющим поддерживать деловые и родственные связи, быть источником развлечений при крайне низкой обеспеченности досуговой инфраструктурой малонаселенных сельских населенных пунктов. Между тем, по данным Счетной палаты РФ, половина сельских населенных пунктов не подключены к сети Интернет [7].

Для более точной интерпретации полученных результатов рассмотрена гендерная, возрастная и образовательная структура сельского населения в населенных пунктах различной численности.

Очевиден гендерный дисбаланс в структуре населения сельских населенных пунктов (рис. 2) с преобладанием женской части населения. Особенно велик разрыв между долями мужчин и женщин в структуре населения в малочисленных населенных пунктах: при числе жителей менее 50 чел. разрыв составляет 25%. Наименьший разрыв в 6,6% – в более крупных селах численностью населения от 1001 до 5000 чел. По мнению специалистов [8], гендерная структура сельского населения, продолжает ухудшаться, а сложившийся гендерный дисбаланс продолжает усугубляться, особенно в возрастной группе старше трудоспособного.

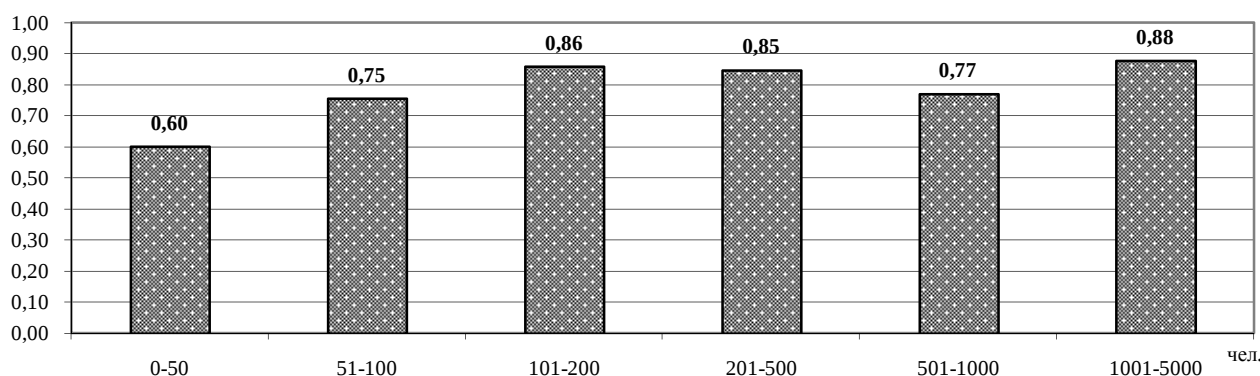

Рисунок 2 – Соотношение мужчин и женщин в сельских населенных пунктах с различной численностью населения

Возрастная структура сельского населения в зависимости от размера населенного пункта представлена в таблице 3.

Таблица 3 – Возрастная структура сельских населенных пунктов с различной численностью населения, %

Численность населения, чел.	0–50	51–100	101–200	201–500	501–1000	1001–5000
Возраст						
До 16 лет	8,9	15,1	2,6	15,7	17,5	19,7
16–30 лет	8,9	12,9	10,3	13,8	11,0	15,4
31–45 лет	5,4	9,7	10,3	21,4	20,6	20,9
46–60 лет	17,9	28,0	41,0	26,6	27,1	21,7
Старше 60 лет	58,9	34,4	35,9	22,5	23,8	22,2

Очевидно преобладание доли сельского населения старше 60 лет в малых сельских поселениях с основной численностью населения менее 100 чел. В то же время доля трудоспособного населения от 31 года до 45 лет, т.е. возраста наибольшей экономической активности, минимальна в возрастной структуре сельского населения данных населенных пунктов. Доля селян молодых возрастов в структуре населения максимальна, как и ожидалось, в селах с числом жителей более 500 чел. В сельских населенных пунктах от 101 до 1000 жителей в возрастной структуре населения максимальную долю имеют жители возраста 46–60 лет.

Серьезным фактором, влияющим на возможность сельского жителя использовать средства ИКТ, является уровень образования и освоения цифровых технологий (табл. 4).

Таблица 4 – Образовательная структура сельского населения старше 16 лет в населенных пунктах различной численности, %

Уровень образования Численность населения, чел.	Окончил 0–6 классов	Незаконченное среднее образование (7–8 классов)	Незаконченное среднее образование (7–8 классов) + др. учеб. заведения	Законченное среднее образование	Законченное среднее специальное образование	Законченное высшее образование
0–50	21,6	19,6	7,8	37,3	11,8	2,0
51–100	5,1	20,3	12,7	34,2	25,3	2,5
101–200	2,7	27,0	13,5	27,0	27,0	2,7
201–500	2,9	10,1	16,8	37,1	21,9	11,2
501–1000	7,2	8,0	15,2	39,6	21,0	9,0
1001–5000	3,0	6,8	9,7	40,3	25,8	14,4

Анализ образовательной структуры сельского населения старше 16 лет в населенных пунктах различной численности демонстрирует преобладание доли сельского населения с законченным средним образованием, доля лиц со средним специальным образованием чуть меньше. Следует отметить весьма высокую долю (41,2%) сельских жителей, не имеющих основного среднего образования (0–6 классов и 7–8 классов), в населенных пунктах с численностью населения менее 50 чел. Также велика часть сельского населения в населенных пунктах численностью от 50 до 200 чел., имеющих образование 7–8 классов. С ростом числа жителей увеличивается совместная доля сельского населения со средним специальным и высшим уровнем образования с 13,7% в селах с численностью населения до 50 человек до 40,2% в сельских населенных пунктах от 1001 до 5000 жителей.

Заключение.

Проведенное исследование показало наличие существенного «цифрового разрыва» между сельским населением, проживающим в населенных пунктах различной плотности населения, проявляющимся как в наличии средств информационно-коммуникационных технологий, так и в возможностях их эффективного использования. Малые населенные пункты (до 50 жителей) характеризуются глубоким гендерным дисбалансом (на 10 женщин приходится 6 мужчин), преобладанием лиц пенсионного возраста в возрастной структуре сельского населения (58,9%) и лиц с низким уровнем образования в образовательной структуре населения. С ростом численности населения сельского населенного пункта растет как уровень доступности, так и использования средств ИКТ и ИТС сельским населением вместе со снижением уровня гендерного дисбаланса, ростом доли трудоспособных возрастов в демографической структуре населения и доли населения с высшим уровнем образования. Таким образом, «цифровой разрыв» между сельскими жителями обусловлен, с одной стороны, величиной сельского населенного пункта, с другой, – качеством человеческого капитала села. Следует отметить, что активность сельских жителей в использовании средств ИКТ в профессиональных целях или для обучения не зависит от величины населенного пункта и определяется лишь когнитивной составляющей качества человеческого капитала села [9].

Отсутствие развитой социальной и ИКТ-инфраструктуры в данных населенных пунктах приводит к росту негативных процессов депопуляции сельского населения и в качестве неизбежного результата – вымиранию многих сел. Необходимость цифровизации малых территорий и создания возможности сельским жителям работать удаленно стоит весьма остро, поскольку в настоящее время не решается. Между тем, задача по устранению цифрового неравенства была поставлена в Федеральном законе «О связи» № 9 ФЗ от 03.02.2014 г., в котором предусмотрено установление не менее чем одной точки доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с использованием пользовательского оборудования абонента в населенных пунктах с населением от 250 до 500 чел. При этом такая точка доступа должна подключаться с использованием волоконно-оптической линии связи и обеспечивать возможность передачи данных на пользовательское оборудование со скоростью не менее чем десять мегабит в секунду [10]. Однако малые населенные пункты остаются за рамками данного законопроекта, несмотря на то, что по данным переписи населения 2010 г. доля населенных пунктов с численностью населения до 200 чел. составляет 72,9% всех сельских поселений [11].

В октябре 2018 г. Экспертный совет по малым территориям на стратегической сессии по демографической политике страны в отношении малых городов и сел [7] в качестве механизмов управления развитием на малых территориях в условиях становления цифровой экономики предложил усилить роль муниципалитетов в самостоятельности принятия решений по формированию и распределению местных бюджетов, чтобы иметь возможность самостоятельно определять приоритеты собственного развития, а также поставить задачу управления человеческим капиталом на малых территориях, включая программы адаптации людей старшего возраста к современным рыночным условиям и технологиям. Доступ к широкополосным сетям общего назначения может явиться важным стимулом для развития местной экономики, так как проблема занятости в мелких населенных пунктах решается в основном за счет малого бизнеса.

Министерством сельского хозяйства разработан проект Государственной программы комплексного развития сельских территорий [12], в котором предполагается сохранение численности малых сельских населенных пунктов. В данной Госпрограмме предполагается также конкурс региональных проектов по различным направлениям развития сельских территорий, которые могут быть представлены различными организациями, муниципалитетами и инициативными группами сельских жителей и софинансироваться государством. Снижение остроты проблемы информационного неравенства для небольших сельских населенных пунктов возможно путем целенаправленных усилий местных сельских сообществ с привлечением помощи государства и федеральной власти, в том числе в рамках разработанной Государственной программы комплексного развития сельских территорий.

Список литературы:

1. Bruce D. Information Inequality is a Global Issue. 2016. – URL: <https://medium.com/local-voices-global-change/information-inequality-is-a-global-issue-d7df3a65934d>
2. Caen S., Pamukku A. The digital inequality. 2009. – Availabel at: [http:// greenlining.org/wp-content/uploads/2013/02/digitalinequality.pdf](http://greenlining.org/wp-content/uploads/2013/02/digitalinequality.pdf)
3. Reinartz A. Digital inequality: An interdisciplinary literature review and future research agenda // Digital Inequality and the Use of Information Communication Technology. Dissertation Zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Wirtschaftswissenschaften an der Universität Passau. – 2016. – P. 12–86.
4. Carlson E., Goss J. The State of the Urban/Rural Digital Divide // National Telecommunication and Information Administration. 2016. – Availabel at: <https://www.ntia.doc.gov/blog/2016/state-urbanrural-digital-divide>
5. Brian E. Whitacre The Diffusion of Internet Technologies to Rural Communities: A Portrait of Broadband Supply and Demand // American Behavioral Scientist. – 2010. – Vol 53. – Is. 9. – Availabel at: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0002764210361684>

6. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения, проводится с 1994 года по общенациональной выборке Институтом социологии РАН, Институтом питания РАМН, Исследовательским центром «Демоскоп», Исследовательским центром Paragon Research International, Государственным университетом – Высшей школой экономики. – URL: <http://www.hse.ru/rims/spss>
7. Население малых городов и сельских территорий: как сохранить и приумножить. 2018. – URL: <http://cultmosaic.ru/info/naselenie-malykh-gorodov-i-selskikh-territoriy-kak-sokhranit-i-priumnozhit/>
8. Модернизация механизма устойчивого развития сельских территорий / Е.Г. Коваленко [и др.]; под общ. ред. Е.Г.Коваленко. М., 2014. – URL: <https://monographies.ru/ru/book/view?id=247>
9. Былина С.Г., Кадомцева М.Е., Осовин М.Н. Информатизация агропродовольственного комплекса и сельских территорий России: возможности и ограничения.– Саратов: Изд-во "Саратовский источник", 2018. – 228 с.
10. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи». № 9 ФЗ от 03.02.2014 г. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38086>
11. Всероссийская перепись населения 2010ю – ГКДЖ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
12. Минсельхоз разработал проект Госпрограммы комплексного развития сельских территорий. 2019. – URL: <http://mcx.ru/press-service/news/minselkhoz-razrabotal-proekt-gosprogrammy-kompleksnogo-razvitiya-selskikh-territoriy/>

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНЫХ РЕСУРСОВ СЕЛА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Фисенко Н.А., к.э.н., ИАГП РАН

Статья содержит результаты исследования зарубежного опыта управления развитием информационно-библиотечных ресурсов села. Выявлены сложившиеся тенденции и специфические формы трансформации библиотечных систем в условиях глобальных вызовов. Охарактеризованы формы, средства и способы доступа к электронным ресурсам зарубежных проектов и программ. Особое внимание уделяется анализу деятельности таких международных организаций, как Онлайновый Компьютерный Центр Библиотек (Online Computer Library Center) и Международной Ассоциации сельских и малых библиотек (International Association of Rural and Small Libraries). На основе анализа зарубежного опыта определены стратегические приоритеты разработки политических мер управления развитием информационно-библиотечных ресурсов села.

Ключевые слова: информатизация, информационно-библиотечные ресурсы села, трансформация, управление, зарубежный опыт, международные организации, электронные ресурсы.

FOREIGN EXPERIENCE OF INFORMATION-LIBRARIAN RESOURCES MANAGEMENT IN THE CONDITIONS OF GLOBAL CHALLENGES

Fisenko N.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article explores the results of the foreign experience in managing the rural information-librarian resources' development. The tendencies and specific forms of librarian systems transformation in the conditions of global challenges are revealed. The forms, means and modes of access to electronic resources of the foreign projects and programs are characterized.

A special attention is paid to the activities of such international organizations as Online Computer Library Center and International Association of Rural and Small Libraries.

On the basis of foreign experience analysis there have been defined the main strategic priorities in working out the political measures of rural information-librarian resources 'management.

Keywords: informatization, rural information-librarian resources, transformation, management, foreign experience, international organization, electronic resources

Введение.

Информационное обеспечение сельского населения – одно из важнейших направлений развития сельских территорий, оказывающее существенное влияние на развитие сельского производства, качество жизни сельского населения и поддержание экологического равновесия. Преодоление цифрового разрыва между городом и селом – задача, которая требует комплексного решения и, прежде всего, она предусматривает необходимость эффективного управления развитием информационно-библиотечных ресурсов. Для сельского населения библиотеки – неотъемлемое звено процесса информирования и образования, формирующее социокультурную атмосферу села. В условиях развития цифровой экономики изменились представления о задачах библиотек и их месте на информационном рынке. Всё большее значение приобретает библиотека как информационно-коммуникационная система, требующая новых управленческих решений с учетом современных тенденций и с целью поддержания эффективности традиционных библиотечных систем и процессов.

Трансформация информационных массивов в цифровую форму привела к глобальным изменениям систем информационных коммуникаций. В современных конкурентных условиях библиотеки способны выжить лишь обретя собственное уникальное место в цифровой

среде, предоставив информационные услуги, которые никакая другая организация не в состоянии дать в равном объеме и с таким же качеством. Одной из главных проблем развития библиотечных ресурсов становится не политика накопления фондов, а формирование политики приобретения метаинформации, то есть информации об информации, электронной информации.

За рубежом накоплен значительный опыт преобразования библиотечных систем в условиях глобальных вызовов, результаты изучения и анализа которого могут быть применимы при формировании политики управления информационно-библиотечными ресурсами в сельских регионах России.

Цель исследований.

На основе критической оценки зарубежного опыта трансформации информационно-библиотечных ресурсов села в условиях глобальных вызовов предполагается определить социально-экономические механизмы управления их развитием.

Методика исследований.

В ходе исследования используются фактографический метод и метод сравнительного анализа.

Результаты исследований.

Ключевыми принципами деятельности международных организаций и библиотечных сообществ выступают принципы общедоступности информации и реализации прав каждого человека на получение информации вне зависимости от места проживания. Гарантия интеллектуальной и информационной свободы личности стала основополагающим фундаментом для формирования зарубежных регламентирующих документов по развитию информационно-библиотечных ресурсов в условиях перехода к цифровой экономике. При формировании политики по сокращению информационного неравенства между городским и сельским населением необходимо учитывать международные нормативно-правовые документы, направленные на формирование публичного доступа к информации и стандарты библиотечного обслуживания сельского населения в зарубежных странах. Несмотря на то, что жизненные условия сельских жителей и социокультурная среда сельских поселений в развитых странах, прежде всего в Европе, почти ни чем не отличаются от городских, специфика информационных запросов сельских жителей, несомненно, осознается, и сельская библиотека признана одним из важнейших звеньев информационной сферы. В странах с развитой рыночной экономикой библиотечное обслуживание населения рассматривается как часть информационной политики государства и библиотеки признаются важнейшим звеном информационной сферы. В разных государствах Европы по-разному строится развитие национальных библиотечных систем, но существует тенденция сближения позиций и определения основных параметров информационно-библиотечной политики на общеевропейском уровне. Организация библиотечного обслуживания сельского населения Европы опирается на ряд единых основополагающих документов, направленных на формирование публичного доступа к информации. Среди них следует выделить «Общую декларацию прав человека», «Конвенцию о защите прав человека и основных свобод» и политическую декларацию «Информационное общество: вызов Европе» [1].

Уже не одно десятилетие зарубежные страны сталкиваются, с одной стороны, с проблемой информационного взрыва и повышением роли информации во всех сферах развития общества, с другой, – с информационным кризисом, связанным с несовершенной системой поиска и предоставления информационного продукта потребителям. Изменились и общественные потребности в информации, одним из следствий чего стала коренная трансформация информационно-библиотечных ресурсов. Библиотечная сфера всё более превращается в одну из мощных и важнейших отраслей индустрии информации, оснащаемую новейшей компьютерной техникой, нетрадиционными носителями информации, высокоэффективными автоматизированными технологиями ее обработки и использования.

Ориентация на использование новых информационных технологий меняет положение библиотеки в обществе, расширяет и усложняет ее функции и задачи. Именно библиотеки в

настоящее время являются основой для создания новой информационной инфраструктуры, поскольку как наиболее устойчивые социальные институты способны взять на себя ответственность за социализацию культурно и научно значимого сегмента электронного информационного пространства.

В связи с этим в современных условиях в деятельности библиотек всех видов и типов изменились приоритеты, связанные с доступом к знаниям и расширением номенклатуры информационно-библиотечных услуг. До недавнего времени модернизация библиотек концентрировалась, главным образом, вокруг автоматизации внутренних процессов. В настоящее время интегральные решения позволяют охватить все аспекты деятельности библиотеки, что помогает улучшить управление локальными библиотечными фондами, повысить качество обслуживания читателей. При этом значение библиотеки теперь определяется не только размером фонда, но и многообразием услуг, которые она может предоставить потребителю информации.

Необходимо также отметить, что в эпоху информатизации происходит переосмысление функций библиотеки и переход от управления потоками и массивами документов к управлению самой информацией. Соответственно актуальным является создание индивидуализированных систем обслуживания, которые удовлетворяют каждого потребителя, учитывают общее и индивидуальное в его интересах. Индивидуализация информационного обеспечения стала возможной благодаря распространению электронных технологий, когда потребитель информации может получать ее дистанционно. Таким образом, главной в библиотечной практике становится не политика накопления фондов, а политика приобретения метаинформации, то есть информации об информации, электронной информации. Зарубежные библиотеки уделяют всё больше внимания приобретению разных средств обеспечения доступа к информации, например баз данных на компакт-дисках, а также организации аналитико-синтетической переработки информации и передачи ее на расстояние.

Положительной является и такая новая тенденция в информационном обеспечении как переход от формирования баз данных для широкого круга пользователей к организации специализированных, почти персональных баз данных или информационных систем. Такие базы данных учитывают разнообразные аспекты информационных потребностей определенного заказчика – от тематики, вида изданий, хронологии до лингвистических приоритетов, записи и структуры, формата обмена информацией и т.п. [2].

Одним из приоритетных направлений инновационной деятельности библиотек является оптимизация обслуживания и доступа к информации с помощью электронных каталогов. Совершенствуются структура и формы каталогов, разрабатываются стратегии будущих поколений общедоступных интерактивных документов. Обслуживание электронными каталогами – одна из перспективных услуг, которые предоставляются пользователям зарубежных библиотек. Актуальным является изучение информационных запросов пользователей электронными каталогами, их информационного поведения во время поиска, трудностей, с которыми они сталкиваются, пожеланий, которые высказываются относительно усовершенствования поисковых возможностей электронных каталогов и расширения спектра услуг.

В контексте современного развития компьютеризации и телекоммуникационной связи одним из наиболее приоритетных видов сервисных услуг остается электронная доставка документов (ЭДД). Сервис с помощью ЭДД позволяет значительно сократить временные рамки получения информации пользователем. И хотя ЭДД является частью традиционной библиотечной технологии, с появлением электронных ресурсов, электронных библиотек этот вид библиотечного сервиса приобретает качественно новое значение. На современном этапе ЭДД – одна из основных составных библиотечного партнерства.

Особое внимание хотелось бы акцентировать на проблеме развития национальных электронных библиотек, информационные ресурсы которых используются различными видами библиотечных систем, в том числе расположенными в сельских регионах.

Непрерывно продолжающийся рост количества информации, разнородный и разоб-
щенный по многим признакам характер хранения и ее распространения, а также отсутствие

унифицированного доступа к ней – все эти факторы создали существенные проблемы эффективного использования информационных ресурсов. Значимость указанных проблем, а также качественные изменения в области развития информационных технологий и средств передачи данных привели к необходимости поиска новых подходов и решений проблемы создания хранилищ информационных ресурсов помимо существующих традиционных библиотек, их организации, средств и способов доступа к ним пользователей [3].

Одной из первых стран, объявивших о создании национальной электронной библиотеки, стала Япония. Для проведения исследований, экспериментов и подготовки проектной документации было создано специальное Агентство по внедрению новых информационных технологий (IPA). В его состав вошли специалисты из Национальной Парламентской Библиотеки, Национального Центра НТИ, других информационных центров, а также крупных фирм, действующих на рынке информационных технологий. В результате деятельности агентства была создана модель национальной электронной библиотеки, которой предстояло решить задачи обеспечения удаленного доступа к различным информационным ресурсам и эксплуатации полнотекстовых баз данных. Введение и использование сводного электронного каталога позволило включить более 8 млн библиографических записей и объединить 44 библиотеки из 47 префектур Японии.

В США Национальная электронная библиотека функционирует в рамках Программы создания Национальной информационной инфраструктуры (National Information Infrastructure Agenda for Action). В этом документе инфраструктура рассматривается как «единое сплетение коммуникационных сетей, компьютеров, баз данных, которое сделает доступной всю информацию каждому американскому гражданину в любое время и в любом месте». Проект создания Национальной электронной библиотеки (National Digital Library) стал одной из существенных составных частей информационной инфраструктуры и сделал информационные ресурсы доступными не только для жителей крупных городов, но и проживающих в сельской местности. Библиотека Конгресса США является координатором деятельности всех библиотек, участвующих в создании цифровой библиотеки, что обеспечивает формирование единой компьютерной сети. В результате любое издание можно использовать одновременно в нескольких географически удаленных библиотеках. В меморандуме перечисляется также целый ряд стоящих перед проектом проблем технического, политического и юридического характера, среди которых — авторское право; обеспечение защиты данных от взлома, вирусов и сбоев в работе; стоимость доступа; обеспечение конфиденциальности для потребителей; разработка стандартов качества электронных изображений и многое другое. Впоследствии американская модель послужила прообразом для создания национальных электронных библиотек в ряде стран Европы [4].

Другой тенденцией развития национальных электронных библиотек является их объединение в глобальные информационные системы. Одним из таких проектов является *Bibliotheca Universalis*. Главная цель проекта – посредством мультимедийных технологий открыть для широкой публики большинство работ мирового и культурного наследия. Участниками – основателями проекта стали национальные библиотеки Франции, Италии, Германии, Великобритании и США. Затем к ним присоединились национальные библиотеки Чехии, Бельгии, Испании и Швейцарии. Проект способствует развитию крупномасштабного оцифровывания документов, а также принятию международных стандартов в ряде областей, таких как оцифровывание, коммуникативные каталоги и пользовательский интерфейс.

Во Франции действует проект *Gallica* – экспериментальный сервер, предоставляющий удаленный доступ к цифровому фонду Национальной Библиотеки Франции, где оцифрованы 30 млн страниц в виде печатных бумажных форматов, статичных и движущихся изображений, звукозаписи. В текущий момент проект предоставляет доступ к 2 млн страниц в формате изображения. Сервер также содержит базы данных *Frantext* (Французский национальный центр научных исследований) – более чем 250 полнотекстовых томов. Цель проекта *Gallica* – показать образцы текстов из различных изданий, чтобы оценить условия, при которых такие цифровые документы могут быть доступны через сеть [5].

Проект немецких цифровых библиотек Global Info основан на сотрудничестве с университетами, издательствами, специализированными исследовательскими центрами, научными сообществами. Цели проекта – предоставление эффективного доступа к глобальной информации непосредственно с рабочего места.

Датская электронная научно-исследовательская библиотека (проект DEF) представляет собой виртуальную библиотеку для исследователей, студентов, преподавателей и других пользователей датских научно-исследовательских организаций через Интернет. Шлюз web-сайта предоставляет доступ и возможность заказать данные из библиотечного каталога и оцифрованных фондов, включая зарубежные базы данных с полными текстами статей периодических изданий. Одной из важных особенностей DEF является предоставление пользователю возможности через общий поисковый шаблон производить одновременный поиск одним запросом в нескольких базах данных. DEF позволяет оцифровывать и открыть широкой публике в настоящее время недоступные ей фонды редких книг.

В Великобритании проект eLib (Цифровая библиотека) своей целью ставит предоставление цифровых информационных услуг, основанных на содержании различных фондов Британской библиотеки, и затем развитие возможности работать с этими фондами различными методами при улучшении доступа к фондам всего мира. Цифровая библиотека состоит из наиболее важных документов по разнообразным темам, включающих тексты, статические и движущиеся объекты, звук. Цифровой фонд Британской библиотеки строится из небольшого числа источников тремя основными путями: через оцифровывание некоторых существующих в библиотеке собраний материалов, через комплектование издаваемых цифровых материалов (патенты, компакт-диски, звуковые записи) и посредством законного хранения цифровых материалов, издаваемых в Великобритании.

Всё более востребованными становятся не только сами информационные ресурсы, но и системы управления этими ресурсами, предоставляющие более интеллектуальные средства для поиска, производства и обработки информации. Количество доступной информации уже давно перевалило тот разумный предел, когда можно было один раз в неделю, посещая библиотеку, отслеживать все новые поступления по интересующей тематике. Эффективно работать с таким объемом информации становится всё труднее. Именно поэтому всё более востребованными становятся различные средства, упрощающие работу с информацией, позволяющие упорядочить и систематизировать эту работу. Такие информационные продукты призваны в первую очередь взять на себя самую трудоемкую техническую часть работы по поиску, обработке и организации работы с ресурсами, сэкономив тем самым пользователю или специалисту время для действительно творческой аналитической работы. Основными задачами, которые решают системы управления ресурсами, являются интеграция различных ресурсов в рамках единой поисковой системы; унификация ссылок на информационные ресурсы; анализ контекста запроса пользователя и его переадресация в зависимости от его текущих прав по отношению к запрошенному ресурсу; управление подпиской на онлайн-периодику, анализ эффективности подписки; управления правами доступа к информационным ресурсам, единая система регистрации и авторизации пользователей; сбор и анализ статистики использования ресурсов [6].

Таким образом, значительные перемены в развитии электронных информационных ресурсов связаны с расширением функций библиотек, с изменением приоритетов издательств – от создания ресурсов к созданию сервисов, а также с изменением потребностей самих потребителей – от получения информации к ее систематизации и анализу.

Широкое использование электронных технологий в зарубежных библиотечных системах привело к тому, что библиотеки должны создавать новый комплекс услуг, который являлся бы привлекательным для пользователей, формировать собственные каналы доставки информации, решать вопросы продвижения библиотечных услуг, то есть заниматься маркетинговой деятельностью.

Библиотечный маркетинг – это современная творческая управленческая деятельность, направленная на совершенствование работы общедоступных библиотек в условиях рыноч-

ной экономики с учетом изменяющихся потребностей общества и запросов конкретных групп пользователей на основе изучения их требований. Он определяется совокупностью следующих мероприятий: прогнозирование, выявление, целенаправленное стимулирование спроса на библиотечные продукты и услуги; поиск путей в библиотечной деятельности для максимального удовлетворения нужд и потребностей реальных и потенциальных пользователей; расширение ассортимента предоставляемых услуг и освоение инноваций; создание позитивного имиджа конкретной структуры, а также итоговых результатов её функционирования [7].

Изучение зарубежного опыта маркетинговой деятельности показывает, что маркетинговые отделы, информационные брокерские службы, сектора, кабинеты, центры деловой информации и ряд других учреждений появились в структуре не только национальных и крупных государственных, но и публичных библиотек, на которые ЮНЕСКО в Манифесте публичных библиотек возложила обязанности по обслуживанию малого бизнеса. В них собираются рекламные, справочные, производственные, официально-документальные и фактографические источники, материалы, максимально приближенные к потребностям конкретной категории пользователей.

Анализ новейших тенденций в развитии информационно-библиотечного обеспечения показывает, что динамизм социально-экономической жизни общества, переход к цифровой экономике, возрастание информационных потребностей обуславливают необходимость проведения дальнейшей трансформации информационно-библиотечных ресурсов. В связи с этим необходимо обратить внимание на пять основных тезисов, которые, по мнению зарубежных экспертов, следует учитывать в процессе управления развитием библиотек в условиях глобальных вызовов. Тезис первый гласит о том, что в прогрессивном XXI в. образование будет основополагающим элементом, в решающей мере влияющим на развитие общества в целом и на экономику прежде всего. Второй тезис акцентирует внимание на том, что проблемой грядущего десятилетия будет не получение информации, а выявление главного и достоверного: качество вместо количества более чем когда-либо выходит на передний план. Согласно третьему тезису библиотека, которая, как рыночная площадь, дает возможность людям реально встречаться, должна быть оформлена иначе, чем уединенное место перед экраном компьютера с видом на «глобальную деревню» Интернет. Четвертым тезисом отмечается, что библиотека будущего должна быть пространством внутри здания и как неотъемлемая часть культурной жизни местного сообщества интегрирована в общественную жизнь; без нее местные жители не смогут найти настоящую духовную опору в виртуальной структуре соединенных в глобальную сеть элементов.

На основании пятого тезиса подчеркивается, что печатные и цифровые информационные средства должны сохраняться в равных пропорциях; некишечный фонд в последующие десятилетия вырастет лишь в незначительной степени [8].

По результатам опроса среди специалистов библиотечной сферы Германии, который содержит оценки развития информационно-библиотечных систем в будущем, можно выделить две модели их трансформации. Более 75% опрошенных видят в будущем библиотеку как гибрид медиатеки и инфотеки, контактного центра в сочетании с дополнительной ролью места образования. Музейный, исторический и архивный аспект часто называется как важная часть деятельности будущей библиотеки. Более 50% опрошенных видят библиотеку будущего преимущественно как сочетание центра документации и сервера полнотекстов с интегрированной функцией культурного центра и интернет-кафе [9].

Немецкий библиотековед Клаус Дам предложил четыре типа библиотек, которые гибко сочетают в себе черты прошлого и будущего [9]. Первый тип – это Библиотека «комфортного состояния». При планировании и выработке концепции будущих библиотек большее, чем это было принято до сих пор, внимание должно уделяться вызывающей положительные эмоции внутренней архитектуре и оформлению «нефункциональных» помещений. Дополнительно к этому необходимо продление времени работы библиотек до позднего вечера в будни и обеспечение их доступности в выходные дни. Современная библиотека должна воспри-

ниматься как место с особой атмосферой и стилем, где приятно проводить время и осуществлять информационный поиск. Следующий тип – это Сетевая библиотека. Современным оснащенные библиотеки давно проявляют себя на всех уровнях образования как необходимые и доступные для всех слоев населения сервисные учреждения по передаче знаний и информации. Поскольку ни одна библиотека не может хранить абсолютно всё, публичная библиотека будущего должна стать частью объединенной в сеть библиотечной системы, которая позволит получать доступ к максимально полному сводному собранию литературы и других информационных средств. Сводный каталог в форме общего банка данных информационных средств будет особенно эффективным в том случае, если пользователи одинаково свободно смогут использовать информационные возможности сети, неважно, находятся ли они в городе или на селе.

Клаус Дам выделяет также такой тип, как Комбинированная библиотека. Во многих местах есть расположенные по соседству библиотеки различного финансирования и с различными функциями, не сотрудничающие друг с другом. А ведь как раз в экономически трудные времена при каждом инвестировании можно было бы изыскивать возможности взаимовыгодных слияний. Выбором будущего могло бы стать организационное и территориальное слияние множества мелких библиотек в одну большую. Там, где в одном поселении существует несколько культурных и образовательных учреждений, надо изыскать возможность совмещения их в одном здании. К примеру, при выборе соответствующего помещения краеведческий музей, школьная библиотека, медийный центр, архив, народный вуз, художественная галерея и библиотека могли бы объединиться в эффективно функционирующий информационный центр.

В немецкой практике положительно зарекомендовала себя и такая библиотечная структура как Библиотечное агентство. Часто встречающееся разнообразие финансирующих организаций и функций библиотек в больших и средних городах, если осуществить их территориальное слияние по каким-либо причинам не представляется возможным или кажется не вполне разумным, можно развить в единую библиотечную систему иным путем. В особенности здесь имеются в виду возникшие в большом количестве школьные библиотеки, которые по большей части существуют отдельно друг от друга, как маленькие островки. Региональная библиотека может стать для них объединяющим и координирующим библиотечным агентством. Главное место в нем будет занимать «сотрудник по оказанию помощи школьным библиотекам» всех школ региона: он будет обучать и консультировать персонал, заботиться о приобретении средств информации всеми партнерами и о профессиональном учете и обработке фондов, координировать работу персонала и составлять сводки показателей.

Четвертый тип, который выделяет Клаус Дам, это Научные библиотеки. Изменения в их развитии обусловлены постоянно меняющейся ролью библиотек в информационном обществе, в котором информация стала основополагающим ресурсом и в котором средства информации любого рода имеют огромное значение. Во всех сферах общества выросла потребность в информации, но одновременно с ним растет и информационное предложение, которое во многих случаях уже представляет собой переизбыток информации [8]. Следует подчеркнуть, что ряд экспертов, как например Совет по науке, убеждены в том, что печатные информационные средства сохранят свою важность для информационного обеспечения в сфере науки и образования, но при этом и роль цифровых публикаций заметно возрастет. Как следствие, из этой двойной функции в обозримом будущем вырастет тип новой устойчивой в своем развитии библиотеки, который должен будет иметь смешанный фонд из печатных и цифровых публикаций и информационных источников – библиотека-гибрид.

Эффективное управление развитием информационно-библиотечных ресурсов страны предусматривает интеграцию в мировые информационные базы данных. Большие перспективы в этом направлении мы связываем с вхождением библиотечных систем России в Онлайновый Компьютерный Центр Библиотек (Online Computer Library Center – OCLC). OCLC объединяет библиотеки из более 770 стран мира для поиска, приобретения, каталогизации, заимствования и сохранения библиотечных материалов. Главной целью этого международ-

ного информационного центра является расширение доступа к мировой информации и сокращение расходов на ее приобретение на основе использования разработанных OCLC баз данных – World Cat, World Share и Webjunction.

Изучение проектной деятельности Международной Ассоциации Сельских и Малых Библиотек (International Association of Rural and Small Libraries) позволяет выделить три блока проблем, решение которых определяет будущее развитие сельских библиотек. Первый блок (Lack of Awareness) связан с проблемой недостаточной осведомленности, информированности и осознанием как на федеральном, так и региональном уровнях значимости роли библиотек в развитии социального пространства села. Решение проблем второго блока (Lack of Involvement) предполагает более широкое вовлечение сельских библиотек в различные виды деятельности местного сообщества, сотрудничество с представителями местной власти, и создание на основе библиотек многофункциональных культурных и образовательных центров. И третий блок проблем (Lack of Finances) касается необходимости увеличения финансовой поддержки развития сельских и малых библиотек.

Заключение.

Изучение зарубежного опыта позволило выявить сложившиеся тенденции и специфические формы трансформации библиотечных систем в условиях глобальных вызовов, определить стратегические направления распространения передового зарубежного опыта в реализации процессов информатизации сельских территорий России. При этом необходимо принимать во внимание следующие полученные в результате исследования выводы.

1. Осуществление политических мер, направленных на повышение эффективности развития информационно-библиотечных ресурсов села, невозможно без применения гуманитарного подхода. Гуманитарная составляющая является основой формирования успешно действующих зарубежных проектов и программ информатизации, что позволяет им выйти за рамки применения информационно-коммуникационных технологий и способствует тому, чтобы эти средства служили задачам развития, содействовали интеграции сельских жителей в культурно-образовательное пространство села.

2. Приоритетным направлением инновационного развития информационно-библиотечных ресурсов за рубежом является индивидуализация информационного обеспечения средствами создания проблемно-ориентированных специализированных баз данных и информационных систем, учитывающих разнообразные аспекты информационных запросов потребителей.

3. Общемировой тенденцией является формирование электронного информационного пространства. Организация доступа населения к источникам информации в электронной форме стала одной из важнейших задач управления процессами информатизации, а для сельского населения интеграция в электронные базы данных и обеспечение дистанционного информационно-библиотечного обслуживания населения являются особо актуальными.

4. Модернизация развития информационно-библиотечных ресурсов предполагает расширение сферы влияния библиотек. Появление новых категорий пользователей, информационные потребности которых связаны с бизнесом и предпринимательской деятельностью, требует поиска новых форм и методов организации информационного обеспечения, внедрение новых видов библиотечного обслуживания, среди которых следует особо отметить предоставление маркетинговых услуг.

5. С учетом глобальных тенденций формирования информационного общества наиболее перспективным видом дальнейшего развития библиотек является «библиотека-гибрид», сочетающая смешанный фонд из печатных и цифровых информационных источников, соотношение между которыми необходимо постоянно оценивать и выверять с учетом спроса и предложения.

6. Для успешного управления развитием информационно-библиотечных ресурсов на селе необходимо, чтобы в современном обществе, прежде всего, изменился сам взгляд на развитие библиотек как основы для создания новой информационной инфраструктуры и они оценивались бы как наиболее устойчивые социальные институты, формирующие культур-

ную атмосферу села. Как показывает изучение зарубежного опыта, в развитых странах библиотеки всё больше воспринимаются как информационно-образовательные и консультационные центры, способные взять на себя ответственность за социализацию культурно значимого сегмента информационного пространства.

Список литературы:

1. Фисенко Н.А. Приоритеты развития библиотеки как центра культурно-образовательного пространства села // Библиотеки в информационном обществе: сохранение традиций и развитие новых технологий. Тема 2018 гг. «Научная библиотека как центр культурно-информационного пространства»: докл.: III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 дек. 2018 г. / Белорус. с.-х. б-ка им. И.С. Лупиновича Нац. акад. наук Белоруси; редкол.: В.Н. Гердий [и др.]. – Минск, 2018. – С. 292–301.
2. Ухов В.Г. Крупные библиотеки Германии: расширение задач и взаимодействия // Библиосфера. – 2006. – № 2. – С. 61–64.
3. Анализ библиотечного обслуживания в Германии // Vuzlit.ru. – URL: https://vuzlit.ru/504260/analiz_bibliotechnogo_obslyzhivaniya_v_germanii
4. Антопольский А.Б., Майстрович Т.В., Чугунов А.В. Формирование Национальной электронной библиотеки и проблемы выбора базовых принципов организации фонда электронных документов // Национальная электронная библиотека: Проекты методических материалов по формированию фонда / Российская государственная библиотека. – СПб., 2004. – С. 3–13.
5. Болдырева И.В. Современные тенденции развития Национальных Электронных Библиотек // АиФ Новая Библиотека. – 2004. – № 4.
6. Тихонова Л.М. Электронные библиотеки России: доступ к информации и развитие социально-культурных коммуникаций // Библиотековедение. – 2003. – № 4. – С. 21–23.
7. Бумина М.Г. Новые информационные технологии в библиотеках: Реферат. – Минск: Академия управления при президенте Республики Беларусь, 2008 // Учебные материалы и другие документы. – URL.: https://works.doklad.ru/view/0BU8UR-xp_E.html
8. Зефельдт Ю., Сире Л. Двери в прошлое и будущее – библиотеки в Германии. – Хильдесхайм–Цюрих–Нью-Йорк: «Георг Олмс», 2007. – 94 с.
9. Гринкевич Т.В. Электронная служба доставки документов Subito // Наука и инновации. – 2004. – № 10. – С. 68, 69.

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛА
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА УРОВНЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

Ильинская Е.В., к.э.н., ИАГП РАН

Статья посвящена теоретико-методологическому обоснованию стратегических приоритетов формирования потенциала сельского местного самоуправления. В рамках исследования обосновывается актуальность и возможность систематизации приоритетов формирования потенциала самоуправления в муниципалитетах. Разработана авторская система стратегических приоритетов формирования потенциала сельского местного самоуправления. Проведен анализ социально-экономических особенностей механизмов и инструментов управления процессами формирования потенциала местного самоуправления. Рассмотрены ключевые проблемы местного самоуправления в сельских муниципалитетах. Предложены дополнительные, соответствующие вызовам современной действительности, приоритетные направления формирования и развития потенциала местного самоуправления сельских территорий.

Ключевые слова: стратегические приоритеты, потенциал местного самоуправления, конкурентоспособность сельских территорий, муниципально-частное партнерство, социальное пространство сельских территорий, социально-экономические механизмы, социально-экономические инструменты.

**STRATEGIC PRIORITIES OF BUILDING OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
CAPACITY AT THE LEVEL OF RURAL TERRITORIES**

Ilynskaya E.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article is devoted to the theoretical and methodological substantiation of the strategic priorities of building the capacity of rural local self-government. The study substantiates the relevance and the possibility of systematizing the priorities of the building of self-government capacity in municipalities. The author's system of strategic priorities for building the capacity of rural local government has been developed. The analysis of the socio-economic features of the mechanisms and tools for managing the processes of building the capacity of local self-government has been carried out. The key problems of local self-government in rural municipalities are considered. Additional priority directions for the formation and development of the potential of local self-government in rural areas, corresponding to the challenges of modern reality, are proposed.

Keywords: strategic priorities, potential of local self-government, competitiveness of rural areas, municipal-private partnership, social space of rural territories, socio-economic mechanisms, socio-economic tools.

Введение.

Выявление и обоснование стратегических приоритетов формирования потенциала сельского местного самоуправления – проблема весьма актуальная для современного этапа развития российской муниципальной сферы. Вопросы ее приоритетного развития являются объектом научных исследований некоторых российских ученых. Проблемами поиска новых стратегических подходов занимались: И.Г. Ушачев [1], И.Н. Буздалов [2], Р.Р. Гумеров [3]. Но непосредственно исследованиям стратегических приоритетов в сфере местного самоуправления сельских территорий в российской научной литературе не уделено достаточного внимания.

Социально-экономическая действительность пространства деятельности органов местного самоуправления такова, что востребованы всё более эффективные механизмы развития и управления. При сохранении основных тенденций и проблем деятельности сельских муниципалитетов (дефицит бюджетных средств, нехватка квалифицированных кадров, низкий

поток инвестиций и др.) выполняют стратегическую задачу такие механизмы и инструменты, которые позволяют более рационально распределять средства, находить точки роста и двигаться в развитии от них, своевременно проходить переподготовку и повышение квалификации служащими, привлекать инвестиции, заключать партнерские соглашения и т.д. В настоящее время крайне важно не только быстро реагировать на социально-экономические вызовы, но и оперативно выстраивать приоритеты в зависимости от возникающих всё новых и новых вызовов. Более того, помимо оперативности важна работа и на опережение, суть которой заключается в предугадывании новых вызовов и понимании степени актуальности старых. Последнее возможно при наличии достаточной квалификации и опыта у муниципальных руководителей. Приоритеты как и их очередность должны иметь свойство мобильности в зависимости от возникающих обстоятельств (например, в некоторых ситуациях гораздо важнее контроль, а в некоторых – тщательное планирование, финансирование).

Все эти факторы обуславливают актуальность темы исследования. Назрела необходимость разработки и систематизации категориального аппарата. Практическая значимость исследования заключается в получении таких эффектов и результатов, как возможность более эффективной корректировки муниципальной политики, разработка и доработка программ муниципального развития.

Некоторые аспекты исследования приоритетных направлений формирования потенциала сельского местного самоуправления нашли отражение в ряде предыдущих публикаций автора [4,5].

Цель исследований.

Целью настоящей статьи является теоретико-методологическое обоснование и выделение концептуальных стратегических приоритетов формирования потенциала местного самоуправления сельских территорий. А также анализ социально-экономических механизмов и инструментов формирования потенциала сельского местного самоуправления.

Методика исследований.

В исследовании применялись следующие методические подходы к выявлению стратегических приоритетов формирования потенциала сельского местного самоуправления:

- выделение разных уровней приоритетов в зависимости от целевых установок развития (приоритеты первого уровня, приоритеты второго уровня и т.д.);
- выделение приоритетов по направлениям (экономическое, социальное, организационно-правовое и т.д.);
- выделение приоритетов в зависимости от временных рамок;
- градация приоритетов в зависимости от территориальных особенностей и географического расположения.

Результаты исследований.

Предметом исследования в данной работе является определение стратегических приоритетов применительно к сельскому местному самоуправлению, а точнее, выявление стратегических приоритетных направлений формирования потенциала местного самоуправления в системе социально-экономического пространства сельских территорий. Стратегические приоритеты – это наиболее важные, четко сформулированные цели по формированию и развитию потенциала местного самоуправления. Речь идет о конкретных действиях, которые необходимо предпринять для более эффективного формирования потенциала сельского местного самоуправления в перспективе.

Первый метод выделения приоритетов – это градация приоритетов в зависимости от целевых установок развития (приоритеты первого уровня, приоритеты второго уровня и т.д.). Данный метод чаще всего применяется при стратегическом планировании, разработке государственных и муниципальных программ. В государственных и муниципальных программах приоритеты первого уровня – это в основном крупные финансовые, инфраструктурные проекты. Приоритеты второго уровня – квалификационные, управленческие и профессиональные сферы. Но в зависимости от социально-экономического положения муниципалитета, си-

туации, территориальных особенностей проявляется мобильность приоритетов из одной группы в другую.

Второй метод базируется на выделении приоритетов в зависимости от направлений деятельности. С помощью этого метода и авторского подхода разработана система стратегических приоритетов формирования потенциала сельского местного самоуправления, представленная на рисунке.

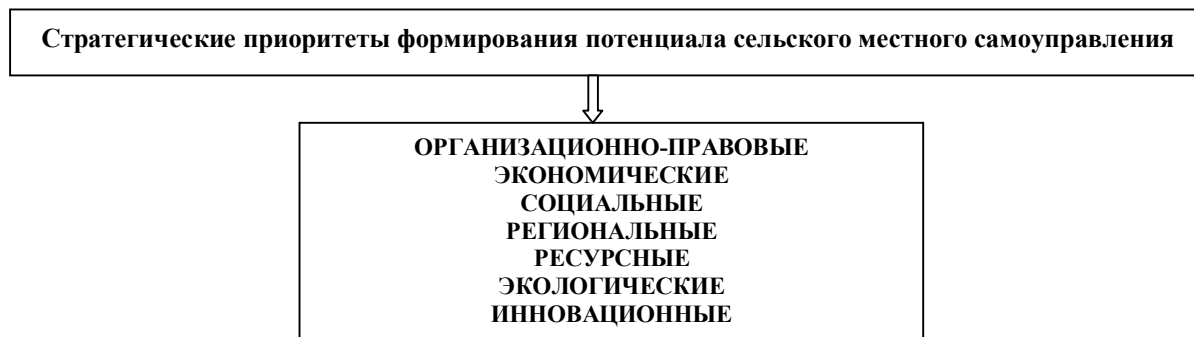

Рисунок – Система стратегических приоритетов формирования потенциала сельского местного самоуправления

Система приоритетов многогранна и охватывает многие сферы, где происходит формирование потенциала местного самоуправления. Так, организационно-правовые приоритеты создают базовую основу потенциала местного самоуправления. Далее идут экономические и социальные приоритеты – основные движущие силы муниципальной деятельности и развития на селе. Региональные особенности и ресурсы далее встраиваются в систему приоритетов формирования потенциала местного самоуправления. Экологические и инновационные приоритеты – ответ на современные вызовы, необходимые направления для эффективного развития муниципальных образований.

Третий метод выделения приоритетов основан на определении временных рамок для реализации целей формирования потенциала сельского местного самоуправления. Это – кратко-, средне- и долгосрочные приоритеты или приоритетные направления.

Четвертый метод предполагает градацию приоритетов в зависимости от территориальных особенностей и географического расположения (региональные или территориальные приоритеты). Обширная территория нашей страны предполагает разграничение приоритетов развития потенциала местного самоуправления, так как имеются существенные различия многих сфер (природно-климатические различия, транспортная доступность и т.д.).

Опираясь на рассмотренные методы и подходы к выделению приоритетов, можно выделить общую взаимосвязь приоритетов, целей и задач. Приоритет реализуется в цели, а достижение цели базируется на решении ряда задач. Такая схема имеет место во многих сферах экономики и социального пространства.

Определение стратегических приоритетов формирования потенциала сельского местного самоуправления необходимо для решения самых первостепенных и глобальных проблем в этой сфере. На данном этапе социально-экономического развития российских муниципалитетов центральное место занимает проблема несоответствия объема полномочий доходам местных бюджетов. В 60 регионах местными законами дополнительно закреплено за сельскими поселениями решение вопросов местного значения. Совокупный объем средств, поступивших для исполнения этих полномочий, составил 20,3 млрд руб. Но реальные расходы составили – 34,2 млрд руб., то есть, 40% таких расходов в сельских поселениях не обеспечены дополнительными финансовыми ресурсами. По мнению Президента Общероссийского конгресса муниципальных образований (ОКМО) В. Кидяева, причина недофинансирования местных бюджетов банальна – никто не знает, сколько денег нужно муниципалам для эффективного их исполнения [6].

Проблема в том, что нет методик и нормативов расчета расходных обязательств муниципалитетов. Для расчета необходимого объема средств требуется понять, какие полномочия выполняются в действительности и сколько на самом деле они «стоят». Необходимо не просто подсчитать полномочия, но и выяснить, на сколько они обеспечены ресурсами (инфраструктурными, кадровыми) [9,10].

Таким образом, в практическом плане в системе приоритетов формирования потенциала местного самоуправления в настоящее время центральным приоритетом является проблема полномочий и их финансирования (организационно-правовая и экономическая сферы).

Далее целесообразно проанализировать, какие востребованы механизмы и инструменты управления процессами формирования потенциала сельского местного самоуправления.

Механизмы управления процессами формирования потенциала местного самоуправления:

- нормативно-правовые;
- программные;
- партнерские (муниципально-частное партнерство, социальное партнерство, межмуниципальное, частно-государственное);
- маркетинговые (муниципальный маркетинг, территориальный маркетинг).

Инструменты – более конкретизированные виды действий (закон, поправка к закону, постановление, программа, проект, соглашение, договор и т. д.).

Приоритеты на практике реализуются через механизмы, а далее с помощью социально-экономических инструментов. И чем выше квалификация муниципальных руководителей, чем больше у них опыта, тем больше вероятность реализации приоритетных направлений.

Анализ стратегических приоритетов формирования потенциала местного самоуправления сельских территорий позволяет сделать следующий вывод: реализация системы приоритетов возможна при наличии комплексного подхода. Стратегические приоритеты на современном этапе – минимизация и преодоление социально-экономических вызовов, совершенствование нормативно-правовой базы, повышение эффективности управления, повышение квалификации муниципальных кадров.

Заключение.

В основе разработки системы стратегических приоритетов потенциала сельского местного самоуправления лежит комплексный подход. Это позволяет задействовать все сферы проблемного поля местного самоуправления. Стратегические направления носят проблемно-целевой характер. Логическая цепочка: проблема – приоритет – цель – задача – индикатор – результат является простым и действенным алгоритмом. Успешные практики преодоления социально-экономических вызовов в муниципальной сфере управления – перспективный инструмент и ключ к реализации многих приоритетов.

Формирование потенциала сельского местного самоуправления происходит на фоне возникновения новых социально-экономических вызовов и сохранившейся деструктивной, кризисной ситуации (преобладание дефицита местного бюджета, низкая бюджетная эффективность, недостаток квалифицированных кадров, несоответствие объема полномочий доходам местных бюджетов и др.).

Среди приоритетных направлений развития и формирования потенциала сельского местного самоуправления можно выделить следующие:

- воспроизводство и повышение квалификации кадров местного самоуправления;
- межмуниципальное сотрудничество, социальное и муниципально-частное партнерство;
- внедрение эффективных муниципальных практик;
- ориентация на долгосрочное развитие человеческого потенциала (образование, сохранение здоровья сельских жителей);
- инвестиции в инфраструктуру;
- реализация инновационных проектов и практик;
- внедрение территориальных маркетинговых стратегий.

Вышеперечисленные меры, несомненно, приведут к повышению конкурентоспособности сельских муниципалитетов и его населения, к развитию агропродовольственной сферы, социального пространства.

Список литературы:

1. Ушачев И.Г. Основные направления Стратегии устойчивого социально- экономического развития АПК России // АПК: экономика, управление. – 2017. – №6. – С.4–15.
2. Буздалов И.Н. Обеспечение приоритетного развития сельского хозяйства – главное в стратегии аграрной политики // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2015. – №4. – С.2–10.
3. Гумеров Р.Р. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации нуждается в концептуальной переработке // Российский экономический журнал. – 2017. – № 4. – С. 49–60.
4. Ильинская Е.В. Муниципально-частное партнерство как механизм социальной ответственности и поддержки отраслей на уровне сельских территорий // Экономика, управление и финансы: современные подходы и конкурентное развитие: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2018. – С. 124–128.
5. Ильинская Е.В. Социально-экономические проблемы развития местного самоуправления на сельских территориях // Экономика и менеджмент систем управления. – 2018. – № 4.1 (30). – С. 118–125.
6. Основная проблема муниципалитетов – несоответствие объема полномочий доходам местных бюджетов: аналитический доклад по итогам общего собрания членов Общероссийского конгресса муниципальных образований // Вопросы местного самоуправления. – 2018. – № 3. – С. 6–8.
7. Васильев В.И. О некоторых приоритетах правового регулирования местного самоуправления // Журнал российского права. №3. 2016. С. 5 – 17.
8. Васильев В.И. Местное самоуправление: конституционные идеи и практика // Журнал российского права. – 2013. – №9. – С. 3–13.
9. Шарипов С., Якушкин Н., Харисов Г. Роль местного самоуправления в обеспечении хозяйственной деятельности сельских территорий // АПК: экономика и управление. – 2019. – № 1. – С. 58–68.
10. Ушачев И.Г. Перспективы развития агропромышленного комплекса России // АПК: экономика и управление. – 2007. – № 11. – С. 2–8.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА МАЛЫХ ФОРМ АГРАРНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАГП РАН

Рассматриваются теоретические подходы к анализу и функционированию феномена социального механизма в общественных системах с раскрытием его структуры и содержательного наполнения. Данный структурно-функциональный анализ проведен с одновременной экспликацией данного понятия применительно к деятельности малых форм аграрного предпринимательства. Выявлена специфика функционирования социального механизма малых форм хозяйствования, обусловленная превалированием социологического содержания, которое сориентировано на показатели человеческого потенциала организаторов малых форм аграрного производства.

Данный анализ необходим для получения нового знания о динамике движения малых форм аграрного производства и корректировки управленческих импульсов в сфере частного аграрного сектора.

Ключевые слова: социальный механизм, малые формы хозяйствования, структура, функции, функционирование, управление.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE JUSTIFICATION OF SOCIAL MECHANISM OF THE POTENTIAL DEVELOPMENT OF SMALL AGRARIAN ENTERPRISES

Nechaeva I.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The article discusses theoretical approaches to the analysis and functioning of the phenomenon of social mechanism in social systems with the disclosure of its structure and meaningful content. This structural and functional analysis was carried out with simultaneous explication of this concept in relation to the activities of small agricultural enterprises. The specificity of the functioning of the social mechanism of small forms of management, determined by the prevalence of sociological content, which is focused on the human potential indicators of the organizers of small forms of agrarian production, is revealed.

This analysis is necessary to obtain new knowledge about the dynamics of the movement of small forms of agricultural production and the adjustment of managerial impulses in the private agricultural sector.

Keywords: social mechanism, small forms of management, structure, functions, functioning, management.

Введение.

Интенсификация общественного производства в современный период неразрывно связана с социально-инновационными формами экономической деятельности, основными представителями которых в аграрном секторе выступают малые формы аграрного производства.

Актуальность исследования социального механизма потенциала малых форм аграрного предпринимательства обусловлена как их экономическим, так и социальным значением в масштабе сельского социума. Социальность данных форм проявляется прежде всего в том, что их представители создают на селе важный сектор самозанятости и самостоятельного функционирования. Одновременно малые хозяйствующие субъекты представляют собой основного контрагента государственно-управленческих взаимодействий, объединяя инициативных аграриев и выполняя ряд ключевых функций общественного значения: обеспечения сельскохозяйственной деятельности и производства продовольствия, контроля над сельскими территориями, обеспечения занятости сельчан, более эффективной отдачи от целевых программ, формирования конкурентной социальной и производственной среды.

Данная форма сельской жизнедеятельности доказала свою конкурентоспособность, объединяя в себе интенции социально-инновационного жизненного стиля посредством реализации экономической инициативы сельчан.

Цель исследований.

Основная задача работы состояла в теоретическом обосновании социального механизма деятельности малых форм аграрного предпринимательства, что необходимо для формирования аграрной политики, стратегии их развития и корректировки управленческих импульсов в сфере частного аграрного сектора. В комплексе данное должно способствовать расширению ареала их влияния и социальной привлекательности для сельских жителей, упорочению позиций в сельском локальном сообществе, а также адаптации к изменяющимся условиям хозяйствования и существования в социально-экономическом поле села.

Методика исследований.

В качестве основного метода исследования в рамках системного подхода использовался структурно-функциональный анализ.

Результаты исследований.

Для более полного понимания категории «социальный механизм» необходимо проанализировать его структуру, содержание и функциональное значение в общественных системах. Традиционное понимание категории «механизм» означает внутреннее устройство или внешнюю по отношению к субъекту систему, которые обеспечивают течение какого-либо процесса либо деятельности. Дополняется данное понимание также заданной последовательностью состояний объекта, которые определяют собой какое-либо действие. Таким образом, трактовка понятия «механизм» объединяет значение внутреннего и внешнего устройства, определяющих функционирование объекта или процесса, посредством обеспечения свойственного им порядка [1].

В зависимости от распространения в том или ином общественном ареале механизмы классифицируются на хозяйственные, организационные, социокультурные и др. Среди них первостепенное значение имеет социальный механизм, выражающий свое социологическое содержание в специфике взаимосвязей индивидов, групп, институтов в конкретных сообществах. Для подтверждения существования феномена социального механизма часто используется пример государственного механизма, с помощью которого осуществляется жизнедеятельность человеческих сообществ. Ряд ученых также отмечают совпадение социального механизма с функциями и структурой микросоциальных организаций (семья, неформальные сообщества). Конкретизируя содержание понятия «социальный механизм» отметим, что оно представляет собой взаимодействие социальных институтов, структур, поведенческих норм, посредством которого обеспечивается функционирование рассматриваемой социальной системы [2]. Однако в случае рассмотрения малой формы хозяйствования, где структура и функции организации не совпадают, социальный механизм является ее составным элементом. В данной связи логично рассматривать социальный механизм в качестве самостоятельного регулятора деятельности малых форм хозяйствования.

Уникальность и определенная социальная инновационность малых форм хозяйствования состоит в сочетании социального и экономического начал деятельности. Как социальное образование она состоит из внутренней структуры, определенного набора элементов, обеспечивающих ее деятельность, и одновременно является встроенной в сложный комплекс внешних взаимоотношений и разнообразных внешних факторов воздействий. Поэтому для определения перспектив ее движения необходимо обращение к социальному механизму ее деятельности. Структура социального механизма [3] применительно к малым формам включает:

- субъектов, которые функционируют в рамках определенного социального механизма;
- основную направленность государственной политики, условия среды, формирующие факторы влияния, от которых зависят результаты реализации социального механизма;
- социальные нормы, социокультурные образцы поведения, ценности, создающие основу для функционирования социального механизма;

- взаимовлияние, взаимодействие элементов механизма на стадиях практической деятельности;
- целевые показатели экономических и социальных проявлений использования социального механизма.

Общая система социального механизма (рисунок), упорядочивающая социально-экономические связи предполагает, что социальные субъекты действуют в виде определенных общественных форм, т.е. объединяют экономическую и социальную нагрузку. Данное предполагает углубленное изучение как ресурсно-экономического и социального потенциала, так и неэкономических стимулов деятельности и развития малых форм хозяйствования – выявление социально-экономических приоритетов жизнедеятельности субъекта, норм и стереотипов деятельности, социальной предпочтительности выбора форм трудовой занятости.

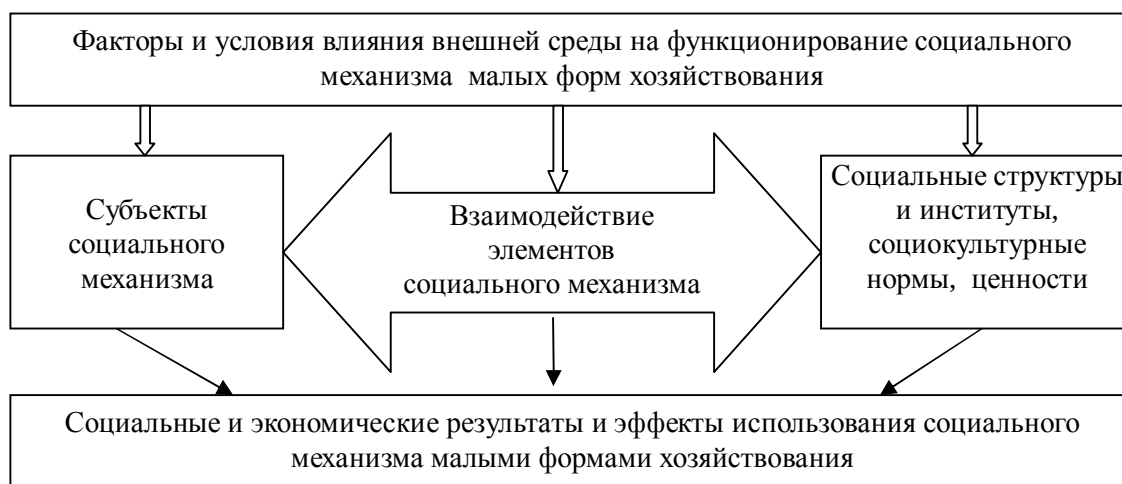

Рисунок – Структура категории «социальный механизм» малых форм хозяйствования

Устоявшийся современный взгляд на социальный механизм предполагает наличие субъекта управления (социальные субъекты и физические лица), вектора текущей деятельности (управления) и вектора самовоспроизводства и развития. При осуществлении текущей деятельности происходит обнажение проблем и принимаются управленческие решения для их устранения при одновременном выполнении задач, необходимых для перспектив развития организации.

Рассматривая теоретические положения о структурно-функциональном составе социального механизма наиболее важным является положение о том, что при воздействии на определенные элементы механизма возможно получить качественно иное состояние общественных состояний и процессов. Так, для развития организации и оптимизации социального механизма существенное значение имеют возникающие проблемы, которые могут быть как губительными для деятельности организации либо малых форм хозяйствования, так и становиться импульсом ускоренного развития последних, так как нестандартные проблемы деятельности требуют использования новых подходов при их решении — новых социально-правовых норм, сертифицирования, определенной инноватики, изменения социокультурных установок и т.д. Впоследствии, возникающий общественный запрос [4] ведет к изменению текущих нормативно-правовых актов (законов, постановлений и т.п.), к корректировке планов развития, к инициированию целевых программ. Обоюдное взаимовлияние объектов социального механизма и внешних факторов среды меняют как внешне-средовые условия деятельности, так и саму структуру существующего социального механизма малой организации. Особенно заметны такие преобразования, если они связаны с изменением структуры организации из-за создания новых организационных и инфраструктурных институтов. Закрепление новых институтов и других средств, внедренных с помощью нормативно-законодательных актов, осуществляется с помощью правоохранительного механизма.

При осуществлении текущей деятельности и особенно при возникновении проблемных ситуаций организация, как правило, использует весь свой ресурсный потенциал (трудовые, материальные, финансовые, информационные), делегируя полномочия по их решению разным структурным подразделениям. Однако данная классическая схема слабо применима к малым формам хозяйствования, потому что их внутренние интенции в основном базируются на индивидуальной (семейной) самозанятости активных слоев сельского населения и потенциал этой микроорганизации в основном сконцентрирован в личностно-ресурсном потенциале ее руководителя, которому приходится совмещать ряд ключевых функций по управлению, планированию, ресурсному обеспечению, т.е. быть полипрофессионалом. В данной связи становится особенно важным:

- уточнить составляющие социального механизма в контексте критериев социально-предпринимательского потенциала инициативных аграриев, его основные компоненты и социальные показатели;

- выявить его ведущие элементы, либо какие обстоятельства являются основными причинами их актуализации или консервации (отсутствия явных проявлений).

Социологический ракурс рассмотрения данных аспектов в проблемном поле их становления и распространения прежде всего сориентирован на показатели человеческого потенциала ее представителей – организаторов малых форм аграрного производства [5]. Социальный ресурс человека, из ряда основных его состояний и качеств можно выразить в следующих индикаторах:

- возраст;
- состояние здоровья;
- образование, квалификация, социально-компетентностные характеристики;
- материальное благосостояние;
- место проживания;
- вхождение в сети межличностных взаимосвязей;
- степень личностной самооценки;
- способность к адаптации.

Объединение данных индикативных возможностей с перспективами организации и развития частного аграрного предприятия при их общей экстраполяцией на локальные возможности сельских территорий и сообществ выливается в общий ресурс — социальный потенциал развития малых форм хозяйствования в аграрном секторе. Здесь данные качества смыкаются с интенциями по поддержанию ресурсов членов трудовых коллективов, что в сельских условиях протекает специфично. Вместе с тем эти же показатели должны быть в центре внимания всех инстанций, с которыми в той или иной степени взаимодействует фермер и сельское сообщество на муниципальном, отраслевом, областном и федеральном уровнях [6].

Несмотря на широкие полномочия самостоятельности, малые формы хозяйствования находятся в зоне деятельности ряда управленческих систем, которые оказывают на них существенное влияние. Здесь они выступают уже не в качестве самостоятельного субъекта деятельности, а в определенном смысле являются управляемыми субъектами социальной системы. Конкретный социальный механизм управления малыми формами хозяйствования, как правило, опирается на устоявшиеся схемы деятельности субъектов, входящих в него и на те функции, которые они выполняют в общественной системе. Управляемый субъект осуществляет свою деятельность на основе опосредованного влияния на него государственной аграрной политики, где планирование, организация, стимулирование и координация осуществляются в виде целевых программ (целевых показателей) развития видов социально-экономической деятельности, необходимых государству. Связь между управленческими уровнями, осуществляющими свои функции, обеспечивают целостность процесса социального механизма [7].

На основе функций (табл. 1), присущих социальному механизму в общей социальной системе происходит:

- установление объема прав, обязанностей и ответственности в деятельности субъектов различных уровней социального механизма;
- распределение функций, которые присущи разным уровням, в т.ч. управлению [7].

Таблица 1 – Функции социального механизма малых форм хозяйствования

Функция	Содержание функции
Экономическая функция	Создает основу хозяйственной деятельности посредством финансово-материального и социального-ресурсного обеспечения
Идеологическая функция	Координирование государственных, групповых и личных целей и интересов объектов и субъектов социального механизма
Организационная функция	Организация действий субъектов социального механизма
Функция мотивации, стимулирования и позитивного социального образца	Определение действенности и параметров использования мотивации и стимулов, способных активизировать деятельность субъектов социального механизма
Инновационная функция	Использование социально-экономических новаций ведет к совершенствованию взаимодействия элементов управленческого процесса социального механизма

Социальный механизм как любое социальное образование обладает социальной устойчивостью. Однако в соответствии с практическими потребностями субъектов, их запросами и потребностями обладает способностью видоизменяться. Обеспечивает данную динамику сигналы идущие не только от управляющего центра, но и поступающие в систему с мест, в том числе от низовых производственных и инфраструктурных объектов. Преимущественно оценкой эффективности работы социального механизма выступает набор экономических и социальных показателей. Они также дают обществу наглядное представление о том решены или нет насущные социальные задачи общественной жизни.

Расширение поля влияния малых форм хозяйствования в общем социальном механизме аграрного производства требуют насущные потребности обеспечения продовольственной безопасности, которые в настоящее время имеют особо приоритетный характер. Однако в сфере преломления векторов взаимодействия его элементов присутствует ряд рисков, которые в основном связаны именно с его основным элементом (субъектом механизма) — малой формой хозяйствования.

Малые формы хозяйствования универсально сочетают социальные и экономические основы деятельности. Социальное начало данной формы хозяйствования, состоящее из приоритета личного интереса субъекта, на наш взгляд, является сильной конкурентной позицией данного вида деятельности, тогда как отсутствие финансовой основы и определенные трудности с ее получением могут нивелировать проактивные позиции представителей данной формы хозяйствования [8].

Личностный мотивационный интерес в развитии именно сельскохозяйственной сферы деятельности имеет ряд особенностей, отличающий его от современных трендов действительности. Во-первых, он отражает и содержит устойчивое сельское совмещение личной и общественной пользы. Во-вторых, мотивацией социальной активности действий они выражают специфику аграрной деятельности, преодолевая возникающие риски и решая проблемы своей занятости и качества жизни самостоятельно. Это проявляется в том, что активные индивиды в условиях сокращения мест трудовой занятости ориентируются на сельский труд и сельский жизненный уклад. Сегодня более 70% состава инициативной группы видят в предпринимательстве единственный источник достойного уровня жизни. Так же высоко (65% группы) они оценивают те возможности, которые представляет предпринимательство в качестве средства самовыражения, самостоятельного хозяйствования. Таким образом, именно устоявшаяся мотивационная основа деятельности субъекта позволяет противостоять и минимизировать риски ухода субъекта из сферы сельскохозяйственной деятельности.

На основе существующего в сельской реальности образца – мелких и средних фермеров, обладающих трудолюбием, предприимчивостью, мотивированной активностью, в каче-

стве критериев-измерителей возможно вычленить данный инициативный слой индивидов, обладающих устоявшейся аграрной мотивацией, опираясь на социологические индикаторы, отражающие:

- часто практикуемую трудовую активность в аграрной сфере в качестве основного способа сохранения материального достатка семьи;

- трудовую самостоятельность;
- наличие предпринимательских ориентаций;
- готовность к новой деятельности;
- совмещение профессиональных функций;
- уровень трудовой мобильности.

Нарастанию общей рискогенности способствует неудовлетворенность уровнем предпринимательского дохода, а значит и уровнем материального достатка семьи. Данные комплексного обследования условий жизни сельского населения (2016 г.) [9] показывают, что данный риск в настоящее время минимизируется, т.к. большинство представители фермерского сословия в основном вполне удовлетворены уровнем своего дохода (72,7%). Так, объективный показатель материального достатка семьи может считаться малым, приемлемым, либо сверхдостаточным в зависимости от субъективного восприятия респондента, размеров его семьи, планов на будущее и ряда иных причин. Но даже недостаточный финансовый результат деятельности, воспринимаемый субъектом предпринимательства как достаточный, обеспечивает его гармоничную деятельность в сельском локале и его следует признавать оптимизационным показателем, снижающий риск неудовлетворенности дохода до минимума. В качестве критериев, указывающие на размер данного риска в сообществе возможно предложить:

- самооценку материального достатка;
- показатель социального самочувствия;
- наличие ближайших планов в трудовой деятельности индивидов.

Сфера сельскохозяйственного предпринимательства обладает большим рискогенным характером, т.к. в ней физически трудно – много контактов и поездок, психологических нагрузок. Пол, возраст и показатели здоровья продолжают сохранять для данной сферы свое существенное значение. Преимущество будут иметь, как правило, молодые и физически здоровые люди. По данным Росстата РФ сфера сельскохозяйственного предпринимательства преимущественно представлена мужчинами (80% случаев); соответственно 20% глав К(Ф)Х – женщины. Однако молодых представителей (до 29 лет) в данной когорте не так много — 5,5%. Остальная часть данной группы поровну представлена еще достаточно молодыми членами (29–49 лет) и представителями зрелого возраста (50 лет и более). Приведенные данные говорят о нарастании риска старения предпринимательской группы, преодоление которого должно идти путем более широкого внедрения целевых программ (с соответствующей финансовой поддержкой), привлекающих молодежь в данную сферу деятельности. Вторым направлением минимизации риска истончения демографического потенциала использование воспроизводственных возможностей сельской фермерской семьи, где династично наследуется начатая предыдущими поколениями фермерская деятельность. Социологические исследования воспроизводственных механизмов предпринимательского уклада, связанных с включением подрастающего поколения в семейный бизнес, показали, что половина действующих фермеров организовали свои хозяйства для того, чтобы у их детей было предопределенное будущее. В данной связи специфика сельскохозяйственной жизнедеятельности требует дополнить существующую структуру конкурентоспособности специфическими сельскими критериями конкурентоспособности индивидов, в ряде случаев дающим им определенные преимущества. Важнейшими среди которых являются:

- социальные компетенции
- наличие качества сельской укорененности индивида;
- воспроизводственный аспект деятельности (передача фермерской деятельности следующему поколению семьи).

На основе данных аналитические построения выделен ряд основных критериев конкурентоспособности индивидов и их характеристик, применимых для как для аграрной предпринимательской деятельности, так и занятости по найму (табл. 2).

Таблица 2 – Характеристика элементов, минимизирующих риски социального механизма в малых формах хозяйствования

Элемент	Характеристика элементов
Аскриптивные характеристики	Пол, возраст, состав семьи, состояние здоровья
Профессиональная компетентность	Наличие образования, полипрофессионализм, опыт профессиональной деятельности
Отношение к труду	Трудовая активность, стремление к более высокой планке достижений, использование возможностей повышения квалификации и мастерства, стремление к росту оплаты труда
Мотивационные аспекты труда	Восприятие труда как источника самореализации, материального благосостояния, моральное удовлетворение трудовой деятельностью
Социальные компетенции	Работоспособность, дисциплинированность, коммуникативность, взаимопомощь

Заключение.

В основу разработок социального механизма положена необходимость решения социально значимой задачи общественного развития. Посредством него происходит организация и транслирование управленческих воздействий на социальные субъекты в общественных системах и взаимосвязь и оптимизация сложных взаимодействий между крупными и малыми элементами социально-экономических систем. Социальные механизмы присущи всем организациям независимо от их происхождения. Важно, что при воздействии на определенные элементы механизма возможно получить качественно иное состояние общественных состояний и процессов. Данный постулат обеспечивает разработку систем стимулов, способных активизировать решение насущных общественных задач.

Алгоритм решения проблем и задач организации в малых формах хозяйствования существенно отличается от традиционной схемы действия социального механизма, т.к. их специфика обуславливает и свой специфический механизм решения. Однако данная классическая схема слабо применима к малым формам хозяйствования, потому что их внутренние интенции в основном базируются на индивидуальной (семейной) самозанятости активных слоев сельского населения, а потенциал этой микроорганизации в основном сконцентрирован в личностно-ресурсном потенциале ее руководителя.

Социальные механизмы применяемые в рамках развития социального потенциала малых форм хозяйствования должны быть направлены на:

- выявление социального потенциала деятельности малых форм хозяйствования;
- налаживание каналов взаимодействий с властными органами и сельским сообществом;
- разработку алгоритма их экономической и социальной деятельности;
- укоренение в сельском сообществе.

Тот блок социального механизма, в котором сосредоточены социальные структуры, институты, социокультурные нормы ит.д., находится в стадии естественного выгорания[10], имеют существенный физический и моральный износ. Программы современной оптимизации деятельности данных структур также подчас приводят не к возникновению очагов развития, а к сокращению транспортных, медицинских и других инфраструктурных и социокультурных объектов, делая медицину и социокультурные блага еще более недоступными сельским жителям, в том числе и представителям малых форм хозяйствования. Вновь созданные объекты в соответствии с общими потребностями аграрного и социального развития села также отягощены рядом рисков. Это и малая информированность населения об имеющихся возможностях, небольшие шансы на участие в целевых программах развития фермерства, недостаточный образовательный потенциал возможных участников, трудности кредитования и страхования, повсеместное недофинансирование.

Таким образом, сфера пересечения векторов, идущих от субъектов (малых форм хозяйствования) и институционального сектора социального механизма, испытывают существенные социальные нестыковки взаимодействия и подчас существенно различаются приоритетами своего социального дрейфа. Оптимизировать данное трение возможно создавая условия и вырабатывая факторы воздействия усиливающие как собственный потенциал двух данных блоков механизма, так и формируя интеграционные рельсы их совместного движения, определенной нужности и зависимости друг от друга.

Список литературы:

1. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. – М.: Экономика, 2001. – 327 с.
2. Осипов Г.В. Российская социологическая энциклопедия /под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1998. – 672 с.
3. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. – М.: Политиздат. 1988. – 479 с.
4. Бочарова Е.В. Система компетенций работников агропромышленного комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9 – № 5/1. – С. 133–140.
5. Нечаева И.В. Трудовой потенциал малых форм хозяйствования в российском селе. Российская экономика: взгляд в будущее. – Тамбов: издательский дом ТГУ, 2016. – С. 322–327.
6. Максимова О.Ю., Масликов В.А. Структурно-функциональный анализ категории «социальный механизм» в современной практике управления. Социальные структуры, институты и процессы // Вестник университета. – 2016. – № 3. – С. 246–251.
7. Великий П.П. Стойкость российского села: настоящее и будущее // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики. – М., 2016. – С. 127–133.
8. Нечаева И.В. Теоретическое обоснование критериев конкурентоспособности инициативных аграриев // Известия СГУ. Сер. Социология. Политология. – 2016. – Т. 18. – Вып. 2. – С 155–162.
9. Комплексное обследование условий жизни населения – 2016. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/kouz16/index.html (дата обращения 14.04.2019).
10. Бочарова Е.В. Удовлетворенность трудом работников старшего возраста // Проблемы и перспективы инновационного развития мирового сельского хозяйства: сб. статей VI Междунар. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО СГАУ. – Саратов, 2016. – С. 33–34.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ АГРОСФЕРЫ

Заикин А.В., к.социол.н., ИАГП РАН

Рассмотрены проблемы профессиональной мобильности в агросфере с позиции современного состояния и перспектив ее функционирования. Проведено сопоставление сферы труда на селе в проекции должного и реального. Обобщены новые формы самоорганизации на основе объединения инициативных членов сельских сообществ, обладающих различными новаторскими качествами. Обобщены дистанционные способы трудовой деятельности на основе IT-технологий. Показан созидательный и в то же время ограничивающий потенциал сельских социальных сетей в контексте профессиональной мобильности.

Ключевые слова: мобильность, сельские профессии, агросфера, инновационное поведение, полипрофессионалы, узлы социальных сетей, социально-профессиональная структура.

PROFESSIONAL MOBILITY OF RURAL POPULATION IN PERSPECTIVE OF AGROSPHERE DEVELOPMENT

Zaikin A.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The problems of professional mobility in the agrosphere are considered from the perspective of its current state and prospects for its functioning. A comparison of the labor sphere in the village in the projection of the proper and the real was made. New forms of self-organization are summarized on the basis of combining the initiative members of rural communities with different innovative qualities. Distant methods of work based on IT-technologies are summarized. The creative and limiting potential of rural social networks in the context of professional mobility is shown.

Keywords: mobility, rural professions, agrosphere, innovative behavior, polyprofessionals, social networking sites, social and professional structure.

Введение.

Изменение положения человека в системе трудовых отношений, соответствие его возможностей и способностей выполняемой работе, переход от менее квалифицированных к более сложным операциям составляет суть не только профессиональной, но и социально-структурной мобильности, которая играет в жизни общества исключительное значение.

Посредством «лидеров мобильности» целые профессиональные группы или часть из них перемещаются из одной страты в другую. В результате изменяется социальная структура общества, становясь более способной к обновлению всего социального пространства – локального и общенационального – с позиции человекосоразмерности жизнеустройства. Однако на этапе перестройки социально-экономического порядка в постсоциалистических странах этот процесс протекает противоречиво и в настоящее время необходимо осмысление возможных подходов решения проблем, возникающих в ходе профессиональной мобильности, на теоретическом, концептуальном и организационном уровнях.

Целью исследований является изучение профессиональной мобильности российских аграриев в условиях развития отечественного сельского хозяйства.

Методика исследований.

При разработке настоящей темы использовано два подхода – нормативный и «реальный». Нормативный – содержит требования к человеку исключительно с позиции специфики труда. Так, содержание и специфика труда, например, зоотехника зависит от объекта – животного организма (это тип «человек – природа»), а у программиста – предмет труда знаки (тип «человек – знак»).

Реальный подход предполагает наложение нормативной (технологической) специфики труда на условия осуществления норм с позиции запросов производства, социальных условий, престижа, перспектив перемещения по карьерной лестнице и т.д. Отметим, что на этапе позднесоветского функционирования агросферы такие возможности реализовывались во

многих сельских территориях. Отдельные аспекты профессиональной мобильности того времени остаются образцом и для современного российского социума.

В настоящее время актуальной проблемой является применение реального подхода, активно используемого для изучения социальной мобильности в различных сферах жизнедеятельности россиян, в том числе и агросфере. Поэтому он и будет рассмотрен в данном исследовании с учетом анализа работ современных ученых [1, 3, 5] и качественных методов социологии.

Результаты исследований.

Опираясь на новейшие источники и прежде всего исследование Е.А. Климова, разработчика классификации профессий по предмету труда [1] и собственные наблюдения, автором предложена следующую нормативную сетку сельского профессионального пространства (см. таблицу).

Таблица – Типология связей работника с объектами аграрного труда

Тип профессии	Тип связей		
	Гностические (распознающие)	преобразующие	изыскательские (творческие)
Человек-техника	Работник ОТК (присутствует на крупном агропредприятии)	Водитель Механизатор Сварщик Токарь Слесарь Каменщик Слесарь Инженер	Конструктор Изобретатель (может присутствовать при проектных работах, во время строительства крупного агропредприятия)
Человек-человек	Следователь (присутствует только в районных центрах)	Учитель Медсестра Врач	Предприниматель
Человек-природа	Приемщик с.-х. продукции	Зоотехник Полевод Ветеринар Агроном Пастух Чабан Пчеловод	Зоотехник-селекционер
Человек-знак	Корректор местных газет, текстов Специалист сферы радиовещания	Бухгалтер Программист	Профессии, связанные с научно-прикладными исследованиями (при наличии экспериментальных участков в полеводстве)
Человек-художественный образ	Контролер – приемщик отделочных работ (работа по совместительству, эпизодическая деятельность)	Маляр (входит в состав профессий с расширенными функциями)	Завклубом Руководители секторов по отдельным видам творчества Художник

Даже с первого взгляда на перечень профессий, которые по определению должны присутствовать в агросфере, создается впечатление, что на селе нормативно существует широкое пространство для занятости селян и соответственно возможность мобильности во всех ее измерениях.

Однако корректировку в нормативно благополучную картину внесли негативные тренды в развитии экономики первого десятилетия 2000-х гг., которые действуют до сих пор по нескольким направлениям. Это, прежде всего, увеличение спроса на работников квалифицированного ручного труда и резкое снижение количества специалистов, занятых интеллектуальным трудом, тенденция к выраженной нисходящей социальной мобильности, «застойности» социально-профессиональной структуры современной России и отсутствие позитивных сдвигов в ее динамике [2].

В исследовании социологов ИАГП РАН отмечается, что к настоящему времени на базе рыночных социально-экономических отношений сложилась своеобразная иерархия социаль-

ных статусов. Особенностью современной структуры российского общества является переплетение социального неравенства постсоветского периода, обусловленные личными достижениями, в том числе криминального характера, измеряемые в денежной форме, объеме собственности с сохранением неравенства советского типа, т.е. неравенства званий, чина, образовательного статуса, правом распоряжаться «общенародной» собственностью.

В конце 80-х гг. прошлого века существовала следующая иерархия сельского сообщества: на вершине социально-профессиональной пирамиды стоял председатель колхоза (директор совхоза), несколько ниже – парторг, главный агроном, председатель сельсовета. Данная иерархия не была строго жесткой, т.к. зависела от ряда факторов субъективного характера – личностных качеств администраторов и специалистов, располагающихся на ступенях социальной лестницы, позиций и поддержки вышестоящего начальства, случая и многих других обстоятельств, порой спонтанно возникающих и исчезающих в социуме. В настоящее время на высшей ступени пирамиды находятся успешный фермер, руководитель акционерного общества, удачливый бизнесмен. С позиции сегодняшнего дня одни фигуры в иерархии кажутся незаслуженно пониженными, другие – завышенными [3].

В сельских территориях состав акторов стал более разнообразным. Можно выделить отдельную генерацию работников умственного труда (бывших городских жителей), мотивированных на реализации собственного творческого потенциала, с этой целью они меняют порой более благоустроенную жизнь в крупном мегаполисе на проживание в селе.

В условиях нехватки основных технических средств высокий престиж приобрел работник – полипрофессионал, делающий различные приспособления, комбинированные устройства. Мини-крупорушки, мукомольные механизмы изготавливаются из подручных средств, металлолома, реставрируется техника, оставшаяся с советского времени. Появлялись и новые организационные формы в виде временных (проектных) бригад, реализующих инновационные модели, с придуманными на ходу техническими усовершенствованиями производственного процесса. В такую бригаду могут входить сварщики, механизаторы, водители, инженеры, агрономы, причем руководящие статусы, сложившиеся в колхозной реальности в прошлом, уже не имеют веса. Лидер выдвигается по новым критериям, и выступает как координатор, снабженец, логист, обеспечивающий приемлемые условия работы в коллективе.

Самостоятельное изготовление оборудования мотивировано, прежде всего, стремлением сбережения средств. Экономя деньги на покупку дорогой линии по производству подсолнечного масла, рабочие смогли смастерить уникальные механизмы маслоотжима семечек подсолнечника. В оценке значимости профессиональных навыков работников особо выделяется способность принимать грамотные технические решения в условиях ограниченности ресурсов (финансовых, материальных, трудовых).

Сравнительно отдаленные, по мнению автора, перспективы развития аграрной отрасли связаны с идеей роботизации и точного земледелия, где возрастает потребность в высококвалифицированных операторах, управляющих автоматизированными системами (управление беспилотными объектами). Концепция точного земледелия предусматривает активное использование современных информационных технологий с привлечением глобальных навигационных систем для создания современных ресурсосберегающих технологий. Переход к точному земледелию связан, в том числе с совершенствованием сельскохозяйственных технологий и техники, развитием вычислительных комплексов, методов моделирования и информационных технологий, а также с внедрением глобальных систем позиционирования GPS/ГЛОНАСС, развитием беспроводных средств связи [4. 5].

Соответственно в агросфере появятся новые профессии и рабочие места в сегменте человек – человек. Всё большее значение будет иметь профессии учителя, тренера, специалиста по IT технологиям, усилится роль наставника, труд которых в сельской местности недооценивается.

Приближение реальной социально-профессиональной структуры села к нормативной, которая органична для села уже сегодня и тем более в перспективе, вызывает необходимость осмысления сетевой организации акторов села.

М. Кастельс, анализируя социальные сети, отмечал, что это достаточно старые формы материализации человеческой деятельности, однако в наше время они обрели новую жизнь в результате превращения их в информационные. Поэтому, по его мнению, можно говорить о том, что «сетевые структуры» – это комплекс взаимосвязанных узлов [6], а социальная сеть не что иное как неформальное объединение самостоятельных акторов, максимально децентрализованных и свободных в принятии решений. Она структурируется не по принципу иерархичности и линейного порядка, волею общепризнанных лидеров, а исходя из реализуемых отдельным индивидуумом решений, продиктованных личностными целями, интересами, ценностями. Сами «сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникациям» [7]. А. Виттель, рассматривая вопросы «сетевой социальности» обращает внимание на следующее:

- сетевые контакты формируются активно и постоянно;
- демонстрируют интенсивный профессиональный и личный контакт;
- место нарративов отношений замещается «информациями о правильных контактах»;
- в рамках «сетевой социальности» происходит уравнивание в правах работы и игры, т. е. границы между личными и профессиональными связями размываются;
- коммуникации в рамках «сетевой социальности» осуществляются на основе электронных коммуникационных средств и банков данных [8].

В функционировании социальных сетей расстояние не имеет значение, о чем свидетельствует деятельность сельских фрилансеров, то есть тех, кто работает дистанционно при свободном найме для выполнения конкретного задания в сфере IT. При этом постоянный работодатель отсутствует. В эту группу бывших жителей города попадают и те, кто работает удаленно (дистанционное выполнение заданий по свободному графику одного или нескольких основных заказчиков). Кроме того, сюда можно причислить и дауншифтиров – индивидов, переселившихся в сельскую местность для реализации особого строя повседневности, ориентированных на личный комфорт и семейный уют, экологичность жизни и практицизм в потреблении.

Современная социально-профессиональная структура агросферы находится под влиянием множества факторов, которые корректируют вектор упорядоченности в ней, влияют на отношения и связи между отдельными социально-профессиональными группами.

Можно отметить, что идет вращение новых элементов в традиционную иерархическую структуру. Придерживаясь смысла: «традиция – это поддержание огня, а не ворошение пепла», мы полагаем, что она обладает созидательным потенциалом.

Значимым фактором изменения социально-профессиональной структуры является стремительно развивающиеся возможности и услуги Интернета. Использование интернет-ресурса и социальных интернет сетей дает равные возможности для успешного подключения к коммуникативным каналам и оперативного взаимодействия с субъектами этой сети. И в этот процесс включено большинство акторов села: школьники и их родители, молодежь и пенсионеры. Сельские предприниматели, успешные хозяева сельских подворий используют интернет сети для рекламы своей продукции, поиска клиентов, внедрения новых технологий, обмена мнениями, поиск поставщика и т.д.

В распределении социально-профессиональных ролей и статусов присутствует механизм сельского общинно-сетевого фактора. И чем дальше поселение от областного центра и ближе к отдаленной периферии, тем больше развиты черты традиционности, неформальности, а отчасти и этнического оттенка культуры мобильности. Эта сетевая составляющая в динамике мобильности имеет решающее значение. Приход извне и «устройство» на высокий профессиональный уровень происходит с одобрения группы влияния в сети, поскольку престижные позиции уже заняты своими людьми, т.е. каналы восходящей мобильности контролируются узлами сети. Поэтому рядовой работник и специалист могут претендовать на занятие только среднего или нижнего уровня и вынуждены будут либо мириться с таким поло-

жением и ждать появления вакансий, либо искать рабочее место на предприятиях других территорий.

Также существуют трудности реализации процесса восходящей мобильности, связанные с неравномерностью нормативно допустимых штатов по численности и иерархии персонала сельскохозяйственных предприятий. В регионах еще есть такие организации, в которых по штатному расписанию нет ни инженера, ни каких либо других специалистов. Севооборот становится примитивным, поэтому знания агротехнологии сокращаются до уровня знаний раннеземледельческих культур – трехполья. К сожалению, такая технология включает в себя пары; многолетние или однолетние культуры, зерновые (в основном озимые, реже – яровые). Многие виды профессий становятся исчезающими из-за изменения структуры аграрного производства. Например, в советское время обязательными для колхоза были специалисты-зоотехники: зоотехник-селекционер, зоотехник по кормам и кормопроизводству, зоотехник по молодняку, зоотехник маточного поголовья и т.д. Вымывание целых направлений в агропроизводстве и профессий в ходе аграрной реформы привело к примитивизации производственного процесса (упрощение до элементарных стадий) и максимальной функциональной нагруженностью профессий – сегодня это механизатор, завтра механизатор становится водителем, затем слесарем. Сокращение горизонтального разделения труда имело следствием уничтожение слоя высококвалифицированных работников, особенно среди молодежи.

Выводы.

Таким образом, стратегия поддержки села, несомненно, должна опираться на сокращение разрыва между нормативной профессиональной структурой и реальной, подтягивать реальную структуру к нормативной, нацеленной на развития агросферы и позитивные перспективы занятости сельских жителей. Необходимо, по мнению автора, чтобы на селе создавались не просто рабочие места, но и столь дефицитные в настоящее время восходящие лифты мобильности.

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что в аграрном секторе российской экономики назрела потребность в решительных действиях государства и общества по модернизации многих аспектов их функционирования с опорой на человеческий капитал села, который пока развивается сам по себе и нуждается в более эффективной поддержке.

Список литературы:

1. Климов Е.А. Тип профессий «человек— природа» // Мир профессий: Популярная библиографическая энциклопедия. В 4 т. Т.1. Человек-природа. Вып. 2. Работаем в сельском хозяйстве. – М.; Воронеж, 2008. – URL: StudFiles.net>preview/3965365/
2. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 491–499
3. Великий П.П. проблема функционирования аграрного сектора в фокусе скопления социальных вызовов. // Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А.А. Анфиногентов, [и др.]; под общ. ред. Т.В. Блиновой. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2018. – С. 286–287.
4. Автоматизированная система мониторинга и управления сельскохозяйственным производством «Агро-Н». – URL: <https://navis.ru/ru/uslugi/upravlenie-sh-tehnikoy-s-ispolzovaniem-sistemy-tochnoy-navigacii>
5. Труфляк Е.В., Курченко Н.Ю., Дайбова Л.А. Мониторинг и прогнозирование научно-технического развития АПК в области точного сельского хозяйства, автоматизации и робототизации. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – 199.
6. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2014. – 328 с.
7. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 471.
8. Ромм М. В., Лучихина Л. Ф. Зарубежные традиции исследования социальных сетей // Идеи и идеалы. – 2011. – № 2. – С. 87.